

ПИОНЕР

9

1985

Наташа **АТАМАНОВА**, *8-й класс, школа № 57, город Одесса.*

Новый учебный год

Вот желтый лист повис над мостовой,
И попрощались с летом мы с тобой.
Ты солнца и тепла теперь не жди,
Теперь прохлада будет, слякоть и дожди.

И вот опять по лужам, без зонта,
Ходить я буду в школу, как всегда,
И плащик, что до ниточки промок,
Я снова буду вешать на крючок...

Как первого нам сентября не ждать,
Чтоб счастьем этой жизни подышать,
Чтоб радостно вздохнуть на этой воле
Под звук звонков, под топот, шепот в школе?

Ну как же этот праздник нам не ждать?!
И он пришел. Вперед! Вершить! Дерзать!

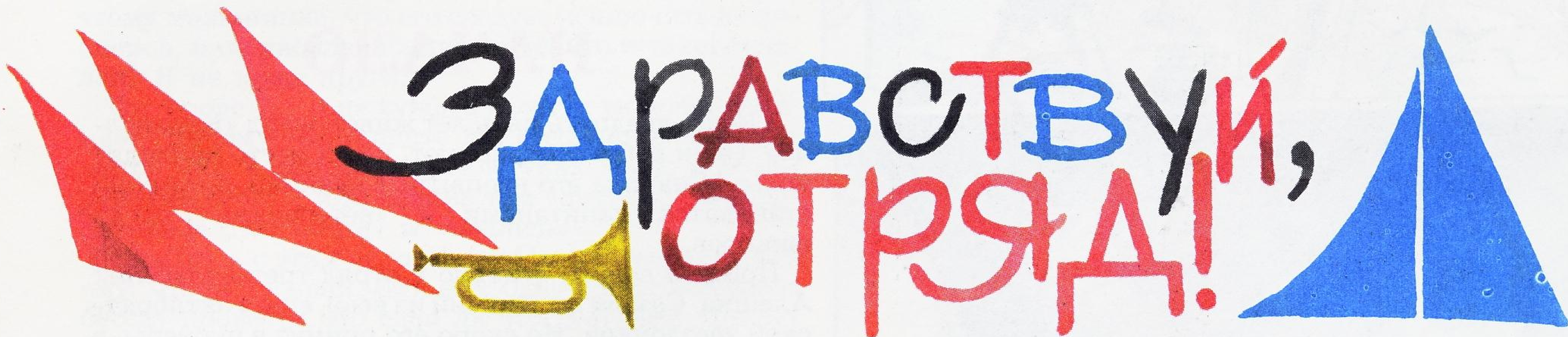
Катя **ИВАНОВА**, *восьмиклассница из Москвы.*

Листопад

В воздухе пахнет сыростью,
С поля убрали хлеба.
Падают медленно листья,
Ими укрыта изба.

Солнце чуть-чуть освещает
Лес в золотой красоте.
Сказку осеннего леса
Я прочитал на листе.

Здравствуй, отряд!

Беседы с третьеклассником Алешкой

Мне в отряде поручили написать предисловие к беседам. Я говорю:

— Почему я? Есть же «старички», которые гораздо дольше меня в отряде. Они и знают больше, и юнкоровский опыт у них не то что у меня. А еще есть ветераны, которые совсем взрослые. Настоящие журналисты есть и даже писатели. Они все-все про нашу «Каравеллу» знают — и про наши дела, и как опыт передавать...

А мне отвечают:

— Всего никто не знает. Может быть, только наш командир, писатель Владислав Крапивин, да и то едва ли... Это во-первых. А во-вторых, хватит на «старичках» выезжать. Пора бы и новичкам писать побольше.

Я хотел сказать, что я не новичок, третий год в отряде, только предисловий раньше писать не приходилось. Но вдруг подумал: получится, что я спорю. А спорить, когда тебе дают корреспондентское задание, у нас не полагается. Это давний закон в нашем отряде.

Отряду «Каравелла» будущим летом исполнится 25 лет. Корреспондентским он стал не сразу, но уже ровно 20 лет ведет юнкоровскую работу: в октябре 1965 года журнал «Пионер» выдал нам удостоверение, что мы — пионерский пресс-центр редакции в Свердловске.

С тех пор в «Пионере» стали каждый год появляться наши рассказы, стихи, репортажи и коллективные материалы о пионерских и школьных делах. Может быть, кому-то из нынешних читателей знакомы и отрядные книжки — «Чем крепче ветер...» и «Море в конце переулка».

Конечно, мы заняты не только корреспондентскими делами. Мы еще занимаемся фехтованием и теперь готовимся устроить турнир, не просто спортивный, а такой, где у каждого будет щит с эмблемой и девизом... Еще снимаем фильмы — документальные и игровые — и показываем их ребятам. Последний наш фильм называется «Кораблик, или Хроника капитана Саньки». Это про мальчика, который хотел стать моряком, и как он подружился с одной девочкой.

Каждую осень в сентябре в отряд записываются ребята. Сначала они кандидаты, а потом собирается совет и решает, присвоить им звания юнкоров и матросов или еще подождать. Новички изучают газетные жанры, фехтование и морское дело. Учатся вязать морские узлы. Сперва они путаются в веревках, а потом вяжут узел за несколько секунд. Это нам нужно потому, что каждое лето у нас парусная практика. Часто нас спрашивают: «А вы на настоящих яхтах ходите?» Конечно, не на игрушечных же! Строили мы их сами. И сами ремонтируем. Парусная практика — это для нас очень интересное время. Мы устраиваем гонки, походы с ночевкой, а иногда и морские бои. И обязательно приезжают к нам на практику ребята из других городов.

Но все-таки главная наша работа — корреспондентская.

Один раз к нам пришли студенты в гости, и одна студентка спросила:

— Ребята, кто из вас думает заняться журналистикой всерьез?

Мы говорим:

— Но мы и сейчас не играем

— Ну... да. Но я имела в виду, кто хочет стать журналистом, когда вырастет?

А мы точно не знаем. Кто-то, наверно, и правда хочет стать журналистом, а кто-то, может быть, штурманом и капитаном, а кто-то... В общем, всякие есть планы. А кое-кто еще и не решил. Но одно точно: журналистика для нас уже и сейчас не игрушки, а очень важное дело. Потому что, если ре-

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ 9

Москва 1985 г.
Издательство «Правда»

когда написали этот рассказ (все вместе, после долгих обсуждений), оказалось, что нужно еще предисловие. И писать его мне. Вот я сел и написал. Может быть, не совсем так, как надо, но главное не в предисловии, а в том, что впереди.

Виталик ГОЛЕНИЩЕВ,
штурман пресс-центра и флотилии «Каравелла»,
шестиклассник

НАЧАЛО

...Итак, двадцать пять лет живет отряд «Каравелла». Одни ребята вырастают, на их место приходят новые. Сначала это неопытные новички, потом они становятся капитанами и «ветеранами» среди юнкоров.

Пришел совсем недавно в отряд третьеклассник Алешка. Самый маленький из всех, еще с октябрятской звездочкой. Но скоро его примут в пионеры, в их третьем классе тоже появится отряд. Ходит Алешка, ждет праздничного дня, волнуется. Расспрашивает ребят: а почему отряд называется отрядом? А правда, что пионеры должны все дела в отряде решать сами? А чем сбор отличается от собрания?

Конечно, в школе уже рассказывали ему и другим третьеклассникам про то, что такое Всесоюзная пионерская организация имени Владимира Ильича Ленина. И законы юных пионеров он выучил. И Торжественное обещание знает. И было у них «Октябрятское путешествие по стране Пионерии». Но Алешке хочется подробностей. Хочется понять, что связывает ребят в отряде вместе, как пионеры должны жить каждый день, почему отряды бывают разные — одни дружные, а другие так себе...

Сядут ребята с Алешкой в кружок, начинают ему вопросы растолковывать. Бывает, что и сами запутаются. Потому что не всегда легко объяснить словами то, что сам чувствуешь и понимаешь. Но все-таки объясняют. Хотя в «Каравелле» мальчики и девочки из разных классов и разных школ, живет она по тем же законам, что любой пионерский отряд.

Но Алешка у нас один, а сколько еще третьеклассников на свете! Им тоже скоро надевать красные галстуки. Вот ребята и подумали: может быть, им тоже интересно узнать об отрядной жизни? Так и появились эти «Беседы с третьеклассником Алешкой».

Хотя легко сказать «так и появились»! Сперва надо было записать все разговоры. Обсудить их. Сделать из них заметки и рассказы. Потом придирчивая редакционная группа из старших юнкоров все написанное исправляла и «чистила». Потом обсуждали на общем сборе. Потом опять переписывали и помогали друг другу...

Наконец, расположили все рассказы по порядку. И вот что получилось.

дакция дает задание и надо срочно писать материал, и надо в нем какие-то вопросы решать — это ведь все по правде. Потому что это будет напечатано и читать будут миллионы ребят и взрослых. Значит, надо стараться, чтобы наш материал кому-то помог, кому-то посоветовал хорошее.

Вот и сейчас задание: «Подскажите октябрятам-третьеклассникам, как им в недалеком будущем сделать крепкий пионерский отряд». Мы собрались и решили рассказать, что знаем и умеем сами. А

ГАЛСТУК

Тех, кого только что приняли в пионеры, легко узнать. Даже в холодную погоду они идут по улице с распахнутым воротом. И алые концы галстука трепещут на ветерке.

И лица у ребят счастливые. И гордые немножко. И каждый, кто сегодня дал Торжественное обеща-

ние, верит: с этого момента жизнь пойдет другая, более интересная, более важная, боевая.

...Но что это? Смотрите-ка, вышел из школы шестиклассник, быстро глянул по сторонам, стянул галстук, скомкал, затолкал в карман. И пошел, посвистывая.

Почему так получается? Он ведь тоже давал Торжественное обещание, слышал, что галстук пионера — частица Красного знамени, что это знак принадлежности к пионерской организации. Скажите этому мальчишке, что его следует исключить из пионеров, и он ужасно обидится: «А что я такого сделал? Я не хуже других!»

Он вроде бы и не хуже, а галстук украдкой снимает. Почему? Он, видите ли, стесняется. Ему кажется, что в пионерских галстуках ходят или маленькие ребята, или всякие там «активисты», «послушные отличники» и «подлизы».

Как быть с этим человеком? Проще всего сказать ему, что он глупый. Или еще одну воспитательную беседу провести. Но едва ли это поможет. Потому что, если разобраться, мальчишка не один виноват. Виноваты и те, кто требует от него одного: «Не снимай галстук, не нарушай дисциплину! Какой же ты пионер!» А больше... ничего не требуют.

Иногда строгие дежурные даже проверяют у школы: есть галстук — проходи, нет галстука — марш домой.

Но ведь пионерский галстук вовсе не деталь школьной формы. Тут все дело в том, дорог он человеку или нет.

Нашего Сережку, командира яхты «Арамис», замучила упреками председатель совета отряда:

— Почему у тебя галстук с дыркой и на концах разлохмаченный? Почему он такой выцветший? Ты что, новый купить не можешь?

— Могу.

— Вот сегодня и купи!

— Не буду.

— Почему?

— Мне лучше, чем этот, не надо.

— Нужно было беречь!

— А я, что ли, не берег?

Он берег галстук. Но... есть у нас отрядный киножурнал и есть там кадры: в пенных гребнях, с крутым креном, с туго надутыми парусами мчится стая наших яхт... Поход. И Сережка на корме «Арамиса», выгнувшись от напряжения, удерживает румпель. И растрепанный галстук над его голым плечом мечется, как отчаянная птица. Как живой.

В те дни и появилась отрядная песня с такими словами:

Яростно бьется над тонким плечом капитана
Солнцем сожженный и ветром исхлестанный
галстук...

Именно так: выгоревший под палящими лучами, потрепанный сердитыми норд-вестами. А еще — прожженный у ночного костра. А еще — порванный на субботнике, когда разгружали занозистые доски... Берег его Сережка, но что делать, если однажды пришлось поднять галстук на верхушку мачты, как штормовой сигнал: бывают случаи, что красные галстуки в решительные моменты служат флагами...

Нет, не сменил Сережка свой галстук. Прогладил его еще раз, заштопал красными нитками, а новый покупать не стал... Но если бы старый галстук истрепался совсем (бывает и так) и его пришлось бы заменить, Сережка все равно дорожил бы им. Потому что новый был как бы наследник и товарищ прежнего.

Вы, наверно, уже сами догадались, что никогда Сережка не снимал украдкой свой галстук и не прятал его в карман...

И вам не захочется снимать галстук, если с ним у вас будет связана память о хорошей пионерской жизни, о смелых делах, о верных товарищах. И мо-

Барабанщики отряда «Каравелла».

жет быть... может быть, даже слегка защекочет в горле, когда придется передать этот галстук взволнованному маленькому октябренку, только что давшему Торжественное обещание.

Да, придет время, ты станешь старше, Алешка. Вступишь в комсомол. Может быть, ты и правда передашь свой галстук третьекласснику из подшефной звездочки, а может быть, сохранишь на память о детстве. Главное вот в чем: увидев галстук — свой, старенький, или другой, на ком-нибудь из младших ребят,— ты с хорошей улыбкой и гордостью вспомнишь пионерские годы. Вспомнишь, если был у тебя настоящий — дружный, неунывающий отряд.

ОТРЯД

...Отряд — это когда люди не могут друг без друга, без настоящего дела.

Ира Хлебникова.

(Заметка в стенгазете «Атака».)

Наконец-то приняли Алешку в пионеры. Пришел он на занятия в галстуке, счастливый и говорит:

— Теперь у нас в классе все пионеры. Теперь уже настоящий отряд.

Мы, конечно, Алешку поздравили, но командир барабанщиков Володька не удержался, сказал:

— Думаешь, если все пионеры, значит, сразу отряд получается?

— А разве нет? Ведь целый класс...

Усмехнулись старшие ребята. Они-то знают, что класс и отряд — это понятия очень разные. В класс тебя записали, чтобы ты учился. Учеба — это дело твое собственное, индивидуальное. Конечно, вместе с ребятами учиться интереснее, веселее, а иногда и легче — в случае чего помогут. Но можно учиться и одному. И, в конце концов, чтобы стать хорошим учеником, совсем не обязательно вступать в пионеры.

В классе ты привык делать то, что тебе говорит учительница. И это правильно: она в тысячу раз лучше тебя все знает, она тебя учит, как решать, как писать, как разбираться в сложных предметах. А ты слушай и наматывай на ус, ты ученик...

А в отряде?

Конечно, в отряде, особенно в младшем, тоже нужна помощь старших. И вожатые будут с вами, и та же учительница, если надо, посоветует, как справиться с трудным делом. Но **решать** все должны вы сами. Потому что отряд — часть пионерской организации, а организация эта — детская, то есть ваша собственная. И **самодеятельная.** То есть вы должны в ней **сами** действовать — руками работать и головой.

В отряде хозяева — вы. Теперь вы сами будете решать, за какие дела взяться в вашей пионерской жизни. Сами должны выбрать себе командиров...

— А та девочка из восьмого класса, которая с нами занималась, когда мы в пионеры готовились, сказала: «Пускай председателем совета отряда будет Света. Она отличница и очень дисциплинированная...»

Тут ребята покатились со смеху. Потому что в свое время они с такими девочками и с таким распределением поручений тоже сталкивались. Пришлось разъяснять Алешке, что очень хорошо, когда человек отличник и дисциплина у него прекрасная, только не за это выбирают в командиры. Командир должен быть энергичным, чтобы он мог увлечь хорошим делом весь отряд. Справедливым должен быть. А еще должен понимать, что один он, без отряда ничего не сможет, надо всегда советоваться с ребятами. А еще ему нужно быть смелым, чтобы, если придется, заступиться за товарищей. А еще нехвастливым и необидчивым — если ребята скажут, что он не прав, надо не дуться, а задуматься. А еще... Да можно без конца перечислять, каким следует быть командиру. В общем, таким, чтобы ребята его уважали. И доверяли ему. И чтобы он понимал: отряд — это когда все вместе и когда у всех общее дело.

Хорошее слово «отряд», не правда ли? Не кружок там какой-нибудь, не клуб, не компания, а именно о т р я д. Вспомните, сколько песен есть с этим словом:

«Шел отряд по берегу...»

«Вперед продвигались отряды спартаковцев — смелых бойцов...»

«Партизанские отряды занимали города...»

«Горною кручей на бой неминучий красный отряд идет...»

«Идут отряды красные — горластые, вихрастые...»

Эта последняя строчка совсем про нас. И ничего, что «горластые и вихрастые», а не тихие и причесанные. Главное, что боевые и дружные. Умеющие делать хорошие дела. Неунывающие.

Из далеких времен революции, красных конников, яростных сабельных боев пришло к нам это слово. Досталось по наследству от красногвардейцев, революционных матросов, партизан, отважных бойцов за Советскую власть. И недаром: ведь наша пионерская организация — коммунистическая.

Значит, отряд — это не просто тридцать или сорок ребят, у которых один вожатый и которые выбрали себе командира. Отряд — это когда у всех одна цель и когда вы шагаете к этой цели дружно. Когда все — т о в а р и щ и.

ТОВАРИЩИ

...Жил, играл, книжки читал и думал, что у меня все хорошо, лучше некуда. Потом пришел в отряд... И оказалось, что еще лучше. С настоящими товарищами — лучше в сто раз!

Митя Кононов.
(Из рассказа в ребячьем журнале «Синий краб».)

В отряде «Каравелла» новички не сразу становятся полноправными членами своего экипажа и получают нашивку с якорем. Сначала они кандидаты. Ребята к новичкам приглядываются: не подведут ли? Потом совет отряда решает, кому закрыть кандидатский стаж, а с кем подождать.

...В сентябре пришли к нам два пятиклассника — из одной школы, из одного класса. Приятели. Месяц прошел, совет обсуждает:

— Ну что, можно закончить кандидатский стаж Павлику и Витьке?

— Можно. Работают вроде бы нормально.

И вдруг Лариска Коробицына, один из главных командиров «Каравеллы» говорит:

— С Витей надо бы подождать, ребята...

Переглянулись наши капитаны и штурманы: чем пятиклассник Витька не понравился Лариске?

— Я вчера в их группе была на занятиях по фехтованию. Новичок Илюшка Витю попросил помочь защитный жилет застегнуть, а тот говорит: «Да ну тебя, некогда мне. Попроси другого...»

Опять переглянулись ребята. И... ни один не поднял руку, чтобы проголосовать за Витьку.

Когда Витька про это узнал, он, конечно, очень огорчился. И удивился:

— Подумаешь! К такому пустяку придрались!

— Из таких пустяков иногда характер складывается,— сказали ему.

— При чем здесь характер? А если этот Илюшка мне не нравится!

Ребята усмехнулись. И два шестиклассника — Валерка и Андрей — тоже усмехнулись. У Валерки на скуле был синяк.

Дело в том, что Валерке очень не нравился Андрей. Спорили они часто, считали друг друга неважными матросами. Даже просили развести их по разным экипажам. Но вчера на улице увидал Валерка, что Андрея поймали на углу двое мальчишек. Один держит Андрюшку за руки, а второй пытается содрать с рукава якорь...

В общем, хоть и здоровые были парни, а бежали они от Валерки и Андрея очень быстро. Бежали после короткого боя с двумя товарищами, которые умеют постоять друг за друга.

Хорошо бы, конечно, рассказать, что после этого случая Валерка и Андрей стали друзьями. Но это была бы неправда. Не стали. Что поделаешь: разные бывают люди. Не каждый может стать твоим другом, с которым все в жизни пополам — и счастье и горести — и которому можно любую тайну открыть, любую мечту доверить. Но товарищами в отряде должны быть все. Потому что товарищ — это такой человек, с которым у тебя общая работа, общая цель. И на которого можешь положиться в трудную минуту. Может быть, он и не друг твой, но тащить тяжелый рюкзак в утомительном походе поможет. В опасности не струсит, выручит. Одного тебя в тяжелой работе не оставит. И, если ты несправедливо обижен, он заступится. Потому что товарищество нужно и тебе, и ему, и всему отряду. Хорошо жить на свете, когда знаешь: есть у тебя верные товарищи, в любом хорошем деле поддержат. И замечательный будет у вас в классе, Алешка, отряд, когда вы все станете товарищами.

А как это сделать?

Прежде всего старайся быть хорошим товарищем сам.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Отряд говорит

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Здравствуй, новый учебный год! Не случайно первый твой день праздничный — ДЕНЬ ЗНАНИЙ. Теперь, пожалуй, не найдешь в нашей стране человека, который не понимал бы, что без знаний, без учения в сегодняшней жизни не обойдешься. Нашей промышленности, сельскому хозяйству, науке, любой области труда нужны люди не только грамотные, но и широко образованные, творческие, смело и умно мыслящие. И поэтому каждый школьник, если он человек современный, с самого начала года определяет каким наукам уделит он особое внимание, какие открытия в учении постарается для себя сделать, как станет развивать свои способности и свои навыки. Ты тоже, наверное, об этом думаешь. И уже знаешь, какие книжки прочтешь, чем займешься особенно усердно и терпеливо, как будешь преодолевать трудности в учении, если они встретятся на твоем пути.

Если ты еще не все обдумал и решил для себя, не откладывай дела в дальний ящик. С первых дней начинай заниматься добросовестно и творчески. И не стесняйся посоветоваться с товарищами и учителями, обратиться к ним за помощью. УЧЕНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ РАДОСТНЫМ.

В редакцию журнала «Пионер» пришло очень много писем, в которых ребята рассказывают о своих учителях, благодарят их за радость учения, за счастье с помощью учителя открывать новое для себя.

Алла САПУНОВА, Узбекская ССР, г. Ташкент, школа № 172. Алла Ивановна Новосельцева — классный руководитель нашего класса. Она ведет у нас уроки алгебры и геометрии. Каждый ее урок проходит интересно. Объясняет она просто и понятно. Всегда помогает тем, кто не справился с заданием. Ребята любят ее уроки. И как только Алла Ивановна открывает журнал и говорит: «К доске пойдет...» — никто не дрожит, а поднимается сразу лес рук.

Алла Ивановна всегда старается понять нас: о чем мы думаем, что нас волнует. И даже угадывает интересующие нас вопросы, старается найти на них ответы. И нас самих учит находить ответы на вопросы. Она все переживает вместе с нами, и поэтому у нас не возникает никаких конфликтов. Я очень рада, что на моем жизненном пути встретился такой человек!

Лена ПОМОГАЕВА, Коми АССР, г. Ухта. Моя любимая учительница — Алла Климентьевна Зозева. Она наш классный руководитель и ведет у нас уроки истории. Каждый ее урок — урок нравственности. И я так много взяла из этих уроков.

Мы видим Аллу Климентьевну не только на уроках, в совхозе она работает вместе с нами, порой даже больше нас. Она еще и хорошо поет, с ней не бывает скучно. Когда мы едем в автобусе в совхоз или идем в поход, песни не умолкают. Алла Климентьевна — наш запевала и в хоре, и в жизни. И я посвящаю своей любимой учительнице и всем другим учителям небольшое стихотворение:

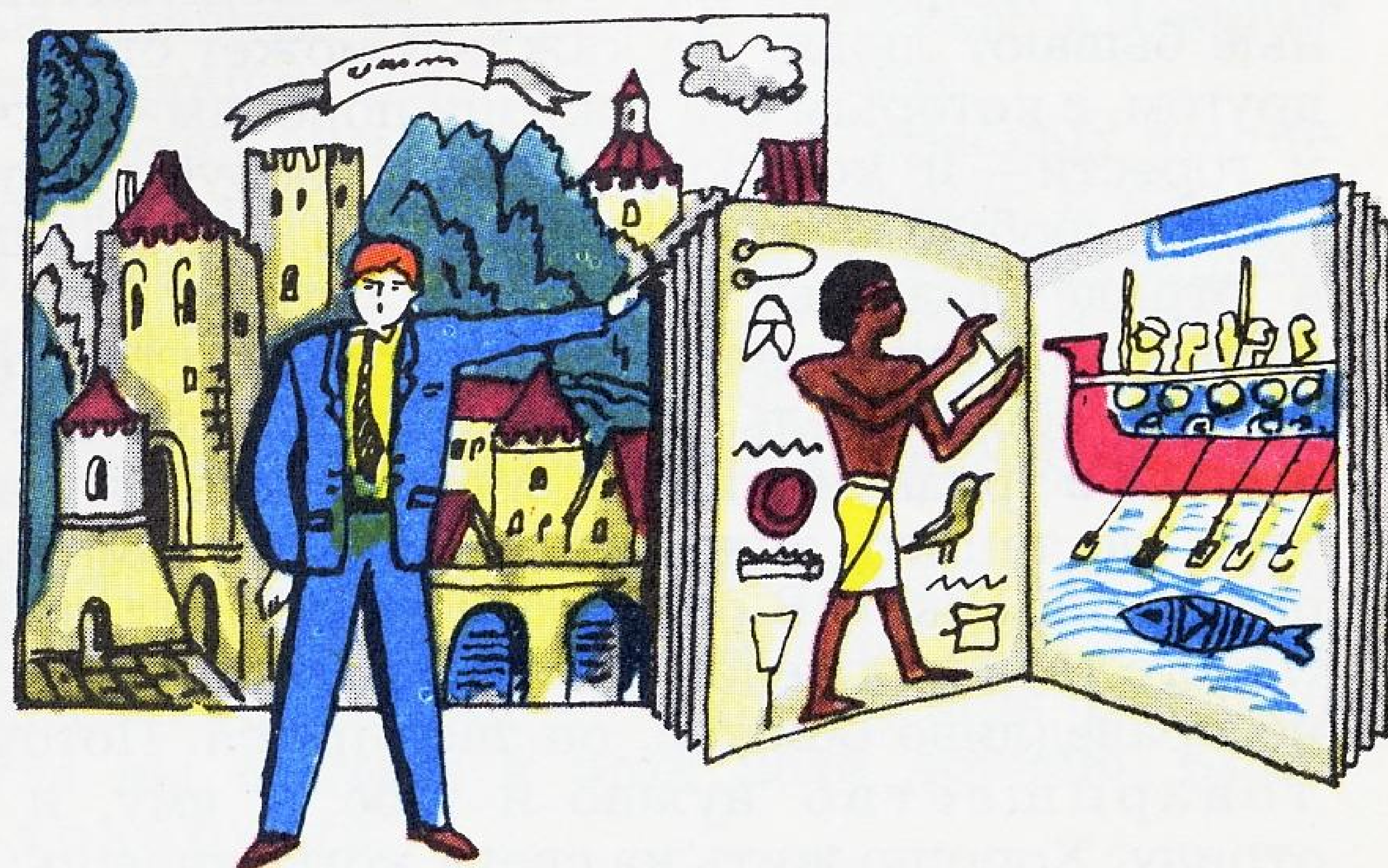
Учителя! Спасибо вам
за знанья, за любовь и ласку,
за то, что нас ведете в сказку,
за то, что, защищая нас
от лжи и горя в день ненастья,
дарите нам открытий счастье,
спасибо вам.
Учителя! Простите нас
за принесенные печали,
за двойки, драки (да, бывали!),
простите нас, учителя.

Лариса ЯЛЬЦЕВА, г. Омск, школа № 116. Наша Людмила Ивановна не делит своих учеников на лучших и худших. Она уважает всех, и все уважают ее. К каждому у нее свой подход, и рядом с нею мы становимся умнее, добрее и честнее. И когда кто-то не выучит урока, не выполнит домашнего задания, то знает, что стыдно бывает всем. Будто мы предали, подвели Людмилу Ивановну. Она же относится к нам с доверием, умеет разделять с нами и горе, и радость, и обиду. Мы никогда не чувствуем скованности в своих действиях, когда общаемся с Людмилой Ивановной Бахтиной. Ее уроки для нас праздник!

«Лидия Захаровна — моя совесть»,— пишет **Эркингуль ИБРАЕВА из села Ой-Тал Иссык-Кульской области Киргизской ССР.** «Мария Васильевна Бердникова стала второй матерью для ребят нашего класса»,— делится с редакцией **Инна ПАШКОВСКАЯ из деревни Цукановка Курской области.** «Заур Ахмедович Абрегов сделал для нас школу родным домом, а сам стал родным отцом для каждого из нас», — рассказывает **Марина ХУАДОКОВА из аула Пшизова Краснодарского края.**

Многие ребята понимают и правильно оценивают роль учителя в пионерском коллективе. Благодарны учителям за помощь в пионерской работе, за своевременный совет и умную подсказку. Интересны размышления ребят и о том, как, сохраняя пионерскую самостоятельность, использовать опыт и совет старшего товарища — учителя.

Эльмира ДИХАНБЕКОВА, село Октябрь Алма-

с отрядом

Атинской области. Прочитав в рубрике «Отряд говорит с отрядом» разговор ребят о реформе школы, об учении, об учителях и учениках, я решила сказать о том, что волнует меня. Очень многое зависит от личности учителя в создании ребячьего коллектива. Конечно, мы должны сами быть организованными, дружными, интересно строить свою жизнь. Но в то же время учитель нас направляет, объединяет, помогает нам. Нет, от того, какой человек наш учитель, зависит очень многое.

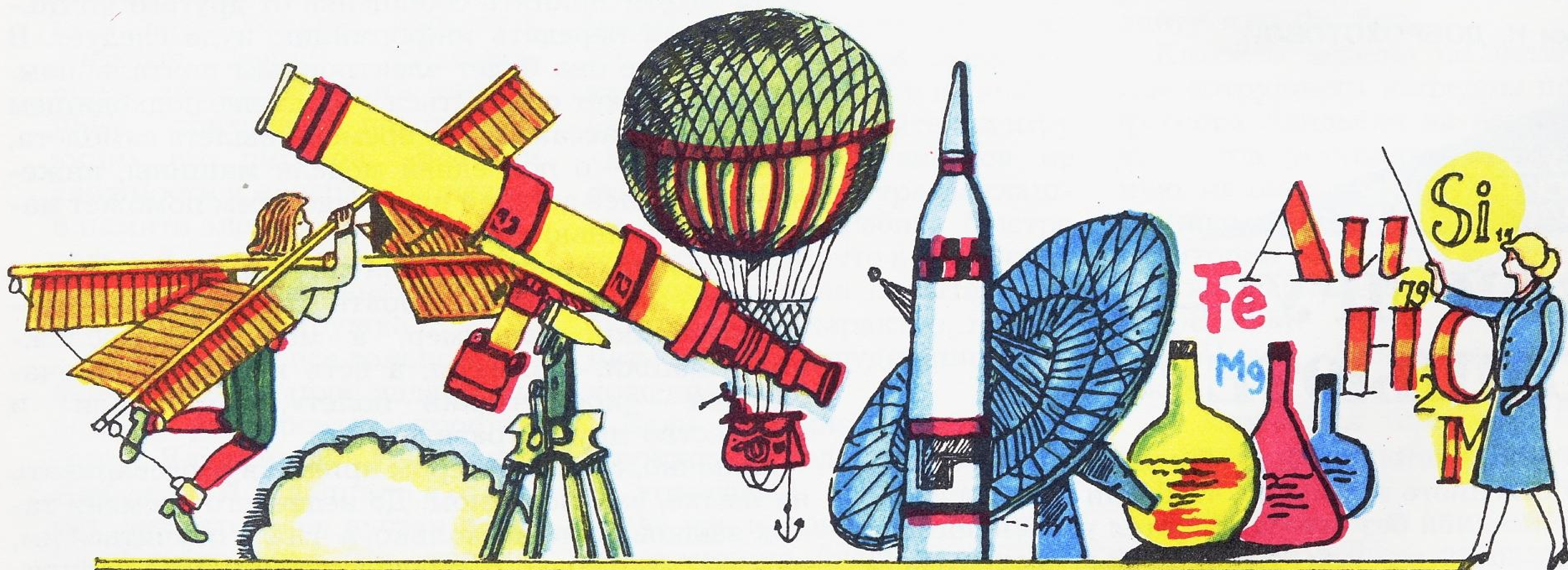
Наташа ЛЕПЕШКИНА, деревня Поярково, Рязанская область. Я прочитала размышления ребят об отношениях учеников и учителей. Я согласна, что пионеры все должны решать и делать в своем отряде самостоятельно. Но нужно, чтобы сначала показали, научили, как и что делать и как стать самостоятельными. Когда мы первый раз делали стенную газету, то испортили два листа. И наша учительница показала нам, как лучше рисовать, и собирать материал, и составить газету. Сборы-то мы тоже не умели проводить, и учительница нам помогала. Мы очень ей благодарны, что она заменила нам вожатого.

Наташа АНИСИМОВА, г. Томск. Наша Софья Васильевна всегда помогает нашему пионерскому отряду. На сборах она присутствует, но проводим их и решаем все мы сами. Но разве не нужен иногда совет старшего человека? И тогда Софья Васильевна нам советует. Когда мы выбирали председателя отряда, то выдвинули две кандидатуры. Кто-то спросил, как думает Софья Васильевна, а она ответила, что это мы должны решать сами. Но нашими решениями и нашими делами она всегда интересуется. И за помощь мы ей благодарны.

Лена ТКАЧЕВА, г. Елабуга, Татарская АССР. А у нас есть очень хорошая старшая пионервожатая. Она помогает нам осуществлять все наши замыслы, подсказывает интересные пути решения наших задач. Она ласковая и веселая. И никогда не читает моралей. Мы благодарны ей за это. Наверное, поэтому всех наших ребят тянет в пионерскую комнату и хочется заниматься пионерской работой.

Вот как рассказывают ребята, за что любят и уважают они своих учителей, что ценят в их работе и общении с классом, с отрядом. А теперь ПОСЛУШАЕМ УЧИТЕЛЯ. У учителей тоже есть свои претензии к ученикам, своя оценка общения с ребятами на уроке и после урока.

Н. А. КУЙБЕДА (к сожалению, нет полного имени!), **пос. Абай, Алма-Атинская область, средняя школа имени Н. Г. Чернышевского.** Я работаю организатором внеклассной и внешкольной работы, и мне очень помогает рубрика «Отряд говорит с отрядом». Мне понравился разговор на тему «Учителя и ученики», и я тоже хочу принять в нем участие. Какие учителю нравятся ученики? Такие, какие учатся у меня в 7 «А» классе. Я преподаю математику. Мы начали заниматься по новому учебнику, и предмет для них был новым. Я предложила сделать самодельные конструкторы, вести «Справочник», устраивать конкурсы, например, так называемый «математический хоккей». Ребята поддержали меня во всем, ко всему проявляли интерес. И мне было с ними очень интересно. Интересно, когда получаешь от учеников отклик на твои предложения и замыслы, не видишь перед собой безразличных лиц. Тогда на уроке успеваешь многое. Конечно, когда ребята готовятся к каждому уроку, то постепенно даже слабые становятся сильными. Пионеры этого отряда носят звание правофланговых, и не случайно. Они учатся на совесть и любую работу выполняют на совесть. И все, за что берутся, выполняют с интересом. Такие ученики, я думаю, нравятся всем учителям.

ДРУЗЬЯ! НАШ РАЗГОВОР МОЖЕТ БЫТЬ ПРОДОЛЖЕН И ДАЛЬШЕ, если вы захотите участвовать в нем и пришлете нам в письмах свои размышления. ***Надеемся, что и мальчики имеют свое мнение.*** *Разве это не так? РЕБЯТА, СОЧИНЕНИЯ КОТОРЫХ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ в №№ 9, 10 за 1984 год и №№ 4 и 9 за этот год, НАГРАЖДАЮТСЯ ПОЧЕТНЫМИ ГРАМОТАМИ «ПИОНЕРА» И КНИГАМИ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.*

101459, ГСП, Москва
Бумажный проезд, 14, 11 этаж

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

ТВОЙ ДРУГ — КОМПЬЮТЕР

Представляете, как было бы здорово завести дома собственного всезнайку, чтобы ни один твой вопрос не остался без ответа. Захотел узнать погоду в центре Африки или Антарктиды — пожалуйста. Хочешь посмотреть, как выглядит Земля из космоса,— никаких проблем. Забыл, как стояли войска во время Бородинского сражения,— вот тебе схема. Нужно уточнить счет футбольного или хоккейного матча в прошедшем сезоне — нет ничего проще! Сказки, скажете вы? А вот и нет! Такой всезнайка уже существует, только он пока не добрался до каждого дома. Зовут его — персональный компьютер.

Компьютер — это другое название электронно-вычислительной машины, ЭВМ. Правда, при словах «электронно-вычислительная машина» в воображении возникают огромные шкафы, начиненные сложнейшей электроникой и мигающие тысячами лампочек. Стоят они в больших залах, а вокруг них суетятся серьезные и строгие люди в халатах. К такой махине и подступиться-то страшно, не то что вопросы ей задавать.

Все правильно, только картина эта десятилетней давности, а сегодня, в век научно-технической революции, электронно-вычислительная машина может уместиться и на школьной парте. Остались, конечно, и большие машины, но они решают суперсложные вопросы — такие, как управление космическими кораблями или же составление прогноза погоды, когда надо проводить миллиарды арифметических операций. А наши «малютки» памятью и быстродействием не уступают прежним большим машинам, но выглядят вполне уместно в любом кабинете или даже квартире. Предназначен такой компьютер для личного пользования, потому и называется домашним, или персональным.

Мы представили его как всезнайку, и действительно он может хранить в своей памяти массу всевозможных сведений, и выдать их вам в мгновение ока: хотите — в виде текста на бумаге, а хотите — на экране телевизора.

А еще ваш друг-компьютер умеет быстро и хорошо считать. За секунду он обрабатывает тысячу чисел, причем без ошибок. Рассчитать схему радиоприемника, проверить решение задачи, подсчитать килограммы металлолома, собранные вашим отрядом за год,— пожалуйста!

Если задача попалась особенно заковыристая или вопрос редкостный, ваш компьютер может подключиться к другим ЭВМ и, объединившись с ними, станет сразу во сто крат мудрее. Глядишь, через 10—20 лет любую книжку вам компьютер покажет на экране, страницу за страницей. Конечно, предварительно надо будет все книги «ввести» в память больших машин, откуда их станет извлекать ваш компьютер.

Мало того. По вашему поручению домашняя ЭВМ может принять сообщение от другого компьютера или передать информацию куда следует. В этом случае она будет электронным почтальоном.

Врач сможет справиться о наиболее подходящем лекарстве, пассажир — о времени вылета самолета, покупатель — о последней модели машины, инженер — о запасе деталей на складе, всем поможет маленький компьютер.

А надоели серьезные занятия — он составит компанию в игре: можно выбрать что попроще — крестики-нолики, например, а можно и посложнее — шашки, шахматы, а есть и совсем замечательные — «космический полет», «авторалли» и множество других развлечений.

Конечно, с компьютером придется разговаривать на языке, ему понятном. До недавнего времени таких языков было несколько, а чтобы обучиться им, нужны были годы. Но теперь, раз уж ЭВМ появляются на рабочих местах и даже на школьных партах, стало ясно, что язык должен быть очень простым, чтобы любой человек мог освоить его за несколько часов. И тогда компьютер из таинственного ящика с электроникой превратится в хорошего нашего друга и помощника.

Научившись разговаривать с компьютером, вы сможете применить это умение в вашей будущей работе, потому что сегодня ЭВМ проникают во все отрасли производства. В одном из своих выступлений Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов сказал: «Специалист, не владеющий навыками работы с ЭВМ, вскоре может оказаться в таком же положении, как человек, который не знает таблицы умножения, не умеет читать и писать».

Уже разработана для школьников специальная машина под названием «АГАТ». В Новосибирске есть экспериментальная школа, где ребята учатся с помощью ЭВМ, открыта такая школа и в Москве. Скоро заводы начнут выпускать персональные компьютеры, а еще через несколько лет они появятся на многих школьных партах и письменных столах.

Ваш друг-компьютер стучится в дверь, встречайте!

А. СЕМЕНОВ

Долететь до далекой звезды

— Приготовиться к изменению орбиты... Перехожу на большой радар... Курс — на Альфу Центавра... Включить фотонные двигатели!..

Эти команды не из фантастического романа. Их можно услышать в небольшой аудитории Ужгородского университета, и произносят их подростки.

Здесь летают к звездам.

Не выходя из комнаты, но со множеством приключений, которые отражаются на телевизионном экране. Долететь до далекой звезды не просто: нужно точно рассчитать курс, скорость, уложиться в отпущенный запас топлива, миновать «черные дыры», засасывающие звездолет своим тяготением, отбиться от подстерегающих его пиратов... Все эти сложности и каверзы записаны в памяти электронно-вычислительной машины, с которой и состязаются школьники из математического кружка.

Сводится ли все только к забаве? Такой вопрос задали мы ректору университета профессору Владимиру Ивановичу Лендьелу. И услышали в ответ: нет, эта игра — не пустая потеха. Чем-то похожим, только, разумеется, на другом, куда более сложном уровне, заняты многие серьезные ученые. Например, физики-теоретики. Стихия расчетов, в которые они погружены, тоже своего рода игра.

С помощью бумаги и карандаша, а теперь еще и ЭВМ теоретики, бывает, докапываются до таких премудростей, которые если и измеришь приборами, то за долгие годы, затратив огромные усилия.

Такая работа дает простор для беспредельной фантазии. Например, можно мысленно помещать вещество или его частицы в недра звезд, в «черные дыры», куда не доберется ни один экспериментатор. И исследовать, что будет в этом случае с веществом. Словом, можно получать ответы почти на любые вопросы, начинающиеся со слов: а что будет, если?

Профессор Лендьел — известный физик-теоретик. Свою профессию, понятно, считает лучшей в мире. Его работа, как он говорит, дает возможность трудиться творчески всю жизнь. Игра «Космос» для того и придумана, чтобы ребята почувствовали, какое это увлекательное дело — творчество.

Все началось с дней открытых дверей в университете. Пригласили школьников, показали им лаборатории, вычислительные машины. Объяснили: вот здесь, нажимая клавиши, можно решить любое уравнение или даже систему уравнений. Спрашивали, не хочет ли кто-нибудь сам попробовать. Но что-то никто не вызывался. А вот когда затеяли игру «Космос», от энтузиастов не стало отбоя. Даже третьеклашки загорелись. Ребята быстро почувствовали, что в общении с машиной можно испытать себя, проявить характер, придумать выход из труднейшего положения.

Если машина неисправна, кружковцы ходят по пятам за ее хозяевами, выспрашивают, когда же, наконец, ее починят, когда можно будет снова играть. Ну, а уравнения, про которые они раньше и слышать не хотели, теперь решаются как бы между делом: без них ни до какой звезды не долетишь...

Очень важно, чтобы человек ощутил радость творчества еще в школьные годы. Вот почему, сказал нам ученый, особое почтение вызывают у него учителя: в их руках будущее науки. Сам он кончал школу в небольшом поселке Иршава, здесь же, в Закарпатье. Из этого поселка вышла чуть ли не половина докторов и кандидатов наук, специалистов в физике и математике, работающих сейчас в этом крае. Все они питомцы замечательного человека, учителя математики тамошней школы Юлия Юлиевича Иванчева. Он воспитал уже несколько поколений творческих людей. Будил интерес к знанию, воображение, не сковывал фантазию. И занятия с ним ребята любили не меньше, чем лапту или футбол.

Каждую неделю по четвергам сотрудники кафедры профессора Лендьела на несколько часов уступают электронную машину ребятам.

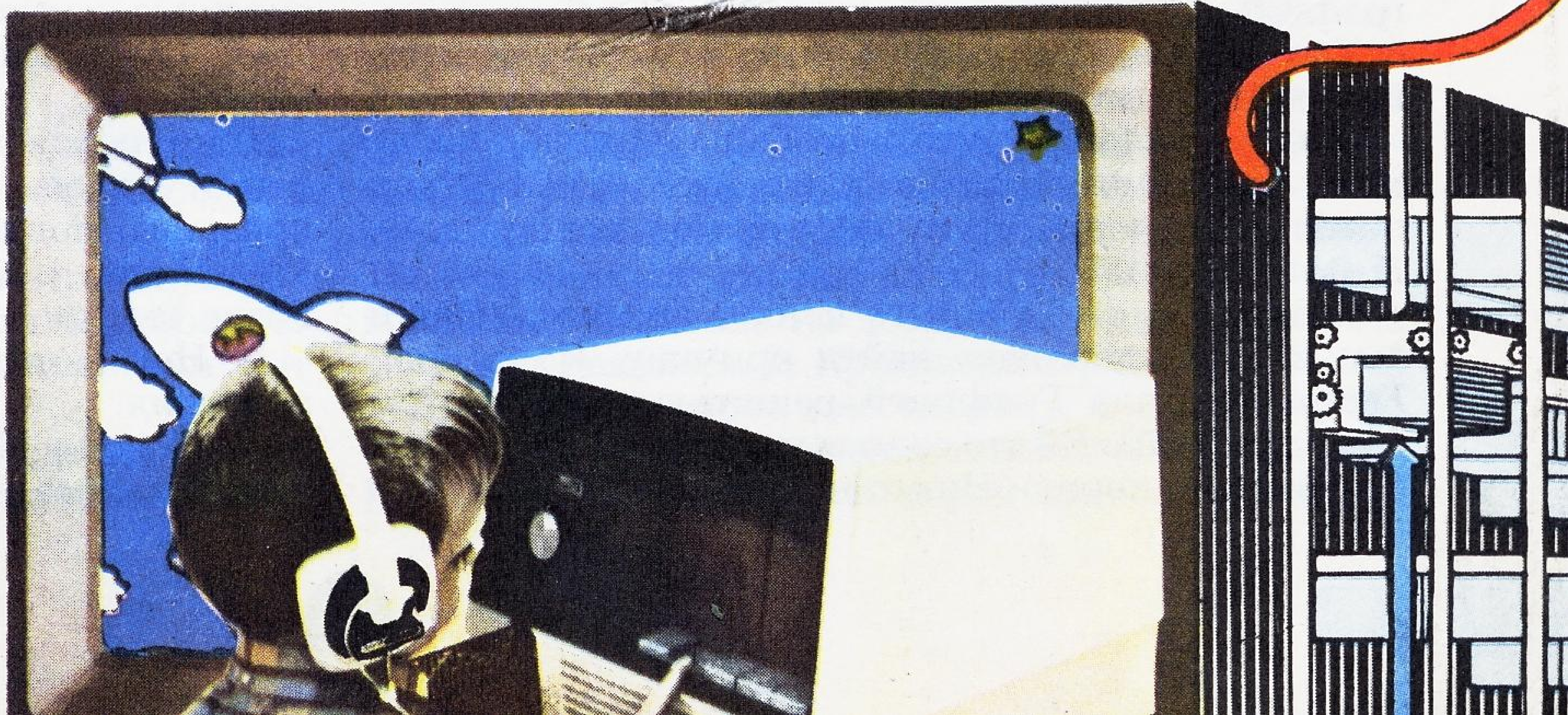
Вновь и вновь в маленькой аудитории раздаются команды, тут же набираемые на клавиатуре ЭВМ:

— Пуск! Прибавить скорость...

— Кончается горючее... Готовиться к аварийной посадке!..

Здесь летают к звездам, до которых не добирался еще ни один космический корабль. Пока понарошку, на телевизионном экране. Но когда подрастут, выучатся,— кто знает, может, отправятся и по-настоящему. Кто в космос. А кто в «полет» в Большую науку.

В. ЧЕРНИКОВА,
В. ИНОХОДЦЕВ

Сергей ИВАНОВ

ЕГО СРЕДИ НАС НЕТ...

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 6, 7, 8.

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Наш воспитанник...

Но тут и звонок прогремел, вошла географиня... А если «гео» отбросить, получится графиня.

Она бывала графиней двух видов — в зависимости от настроения: Графиня томная и Графиня решительная. Сегодня она как раз была томная, вся в своих помыслах. И поэтому, заметив Сережину надпись, лишь обронила в пустоту:

— Это надо вытереть.

Тренин, который был сегодня дежурным, выполз из-за своей парты: а плохо, что ли? Можно сходить в уборную, намочить тряпку, то да се...

И вдруг он почувствовал на своем плече железную длань.

— Сиди, Тренер! — сказала Таня Садовничья.— Я тебе помогу...

Она вышла к доске. Никто пока не обращал на нее никакого внимания.

Взяла в руки мел! И это пока тоже видел один Сережа!

Аккуратно вывела под призывом о двадцати коп. и земном шаре: «Деньги эти не потеряны!»

Шорох и шелест пошел по рядам — увидели, а кто не увидел еще, того толкали в бок: смотри, Пень Иваныч, да говори «Спасибо», что показали.

А Таня преспокойно взяла тряпку и пошла ее мыть и с мылом стирать... Про некоторых нарушителей дисциплины говорят: мол, ай-яй-яй, такие они, сякие! Своим безобразным поведением сорвали урок. А вот вам Таня Садовничья — ни шума, ни крика. Но разве кто-нибудь теперь думал о географии?

Так рассуждал Сережа Крамской, который в это время тоже не думал о географии.

Вошла Таня, в руках ее была тряпка, вроде даже не намоченная, а такая же самая. Таня повернулась к классу: ну так что, мол, все видели?.. И потом стерла.

Бедная Графиня ничего понять не могла. Она и так и эдак старалась найти причину. Из томной Графини стала Графиней решительной, а потом даже грозной... Ей это совсем не помогло. Урок был загублен на корню. Никто не слушал, на дополнительные вопросы не отвечал. Она бы, наверное, наставила им сердитых двоек. Но был конец четверти...

Махнув на все рукой, она стала объяснять новый материал... Тоже без толку! И, остановившись на полуслове, приказала тогда всем сдать дневники, немедленно!

Класс, чувствуя себя провинившимся, полез в портфели...

— Да не бойтесь,— сказала Графиня, которая была вполне добрым человеком.— Ваша классная руководительница будет из дневников проставлять оценки в новый журнал!

Она улыбнулась победно, увидев их облегченно-растерянные физиономии. А когда Сережа хотел помочь ей отнести дневники в учительскую, сказала с насмешливой сухостью:

— Не надо!

И ушла. И тут звонок затрещал... Это у нее здорово получилось!

А Сережа — в сущности, нечаянно — остался стоять один перед всем классом... Уроков больше не было, но никто не собирался расходиться!

— Чего замолк, Корма?.. Давай открывай собрание. Будем следствие вести! — закричал Тренин.

Нет, нелегко это — смотреть в глаза целому классу. Кто не верит, попробуйте! Все-таки Сережа начал гнуть свою линию:

— Чего следствие-то?.. Алена заводит новый журнал. Преступника она прощает... Ну и хорошо — нам-то какое дело. Соберем для Мироновой по двадцать копеек с носа и домой.— Он вынул из кармана заготовленный двугривенный и со звяком бросил в половинку земного шара.

— А чего ж тогда Садовничья пишет?.. Э, Садовничья?

Таня подождала, когда все замолкнут. Это ей легко удалось, даже не надо было вставать или призывно поднимать руку.

— Пусть сама Миронова скажет... Миронова! Разве ты эти деньги потеряла?

— Нет,— ответила Варька, готовая заплакать от волнения.

— Садись, Миронова,— сказала Таня. И потом наконец сама встала.— У Мироновой есть доказа-

тельства, что деньги украдены. И они временно хранятся у Крамского...

— Ч-чего хранится-то? — и смеясь, и заикаясь, крикнул Воскресенский.— Деньги или доказательства?

— Доказательства! — холодно объяснила Таня. Словно бы Алешка правда ее не понял.— Дай-ка их нам посмотреть, Крамской!

Доказательства — в смысле те клочочки журнальные. Но их не было сейчас у Сережи.

— Они... дома...

Но зачем Таня опять завела эту историю! Вчера сказала: «Я больше не участвую». А теперь вдруг... Так хотелось спросить: «Тебе что, Тань, завидно стало?»

И, пожалуй, Сережа был бы не так уж далек от истины.

Когда Таня поняла, что Алена Робертовна ни при чем, ей словно бы обидно сделалось, ее словно бы обманули. Тогда-то она и сказала Сереже, что «мелкая рыбешка» не для нее. Но теперь... вдруг Крамской начал так спокойно обходиться без Тани... «Весь начинен моей силой, моей уверенностью, моими методами работы...»

Впрочем, эти мысли подавали голос в ее голове лишь тихо-тихо из темного уголка. А впереди громко возмущались совсем другие. Они кричали: «Этот Крамской обдуривает целый класс, а я должна молчать?!»

Хотя на самом деле ей не больно важно было, обдуривают этот класс или не обдуривают. Уж мы-то знаем, каким человеком была Таня Садовничья... Весьма не простым!

— Чего-то непонятно, Корма! — закричал среди общего недоброго гудения Гаденко Гришка, вольный человек.— Что за доказательства? Чего ты их скрываешь?

И к Сереже вдруг подступил довольно зловещий момент. Уже чуть ли не его самого начинали подозревать в этих семи рублях. Или по крайней мере в соучастии... Ух вы, любители справедливости! Вам бы только суд затеять, а там неважно!

Все-таки он сумел не испугаться... Что ж поделаешь, справедливость чаще всего приходится доказывать среди не самой дружественной обстановки.

Да, он стал им говорить. Он не готовился заранее, а потому получалось не особенно... музыкально.

Он вот что им пытался растолковать... Если класс занимает первое место, то говорят: о! Молодец класс! А если последнее — опять: будут ругать всех.

— Гол считается, что вратарь пропустил, а на самом деле виновата вся команда, понимаете? Так же и с этими рублями... исчезнувшими. Поэтому я и предлагаю: давайте просто соберем по двадцать копеек, и кончено!

Нет, его совсем не понимали: то гол, а то кража денег!

— Ну это же мы его таким воспитали!

— Кого? Вора?! Вора воспитали вором? Ну ты даешь, Кормушка!

— Могу доказать! Как мы Алену чуть не засудили, а она оказалась абсолютно ни при чем.

— Откуда это известно?

Тут уж Сереже ничего не оставалось, как рассказать про клочки из журнала, которые оказались в мироновском кошельке.

— А между прочим, Алена сама могла бы устроить такое следствие! Но почему-то она не устроила. И мы давайте не устраивать... Неужели вам эти двадцать копеек жалко!

— Чего?! Я могу первый отдать,— сказал Гаденко. И за ним поднялись еще несколько человек.

Но не успели они совершить свой хороший человеческий поступок. Им Таня помешала!

— Одну минуточку! — сказала она.— Я, например, в вашем «замечательном коллективе» не воспитывалась. И виноватой себя не считаю!

— Ну и молодец! — сказал Сережа.— А мы, кстати, никого виноватым не считаем.

— А деньги все-таки собираете?

— Да именно потому, что мы верим друг другу и не хотим копаться!

Тут его стали поддерживать хорошие люди: Гришка и Воскресенский Алеха. Но Таня сумела перекричать их:

— А все-таки мне непонятно! И я не соглашаюсь эти копейки сдавать!

Эх, зачем же она все портит? Зачем ей это надо?.. И тогда он крикнул, уже не стараясь себя удержать, уже разрывая с Таней последние ниточки:

— Слушай, Садовничья! Не хочешь, не сдавай, сохрани свои двадцать коп. на мороженое! А нам настроение не порть... Варька, обойдешься без ее двадцатника?

— Да пусть...— тихо сказала Миронова.— Конечно...

— Так, Крамской! — сказала Таня.— С тобой мне все окончательно ясно... А все-таки не надо действовать нечестными приемчиками. Я не о своих копейках переживаю. Я о классе думаю. Вчера семь пропало. А сегодня, может, кто-то уже пятнадцати недосчитается!

Кто больнее ударит?

Эх, бывают же такие совпадения!

Вдруг Катя Тарасова — на этот раз уже оруженосиха Самсоновой! — которая вслед за Гаденкой хотела пойти и сдать двадцать копеек (а почему именно вслед за Гаденкой, пусть то останется ее личной сердечной тайной)... Катя Тарасова полезла к себе в портфельное отделение, где у нее лежали деньги... И вдруг тихо пискнула:

— А у меня пятнадцать рублей пропали!

Говорят, в такие мгновения наступает необыкновенная тишина. И она действительно наступила в шестом «А», потому что каждый сделал невольный судорожный вздох: «О-ох...»

И потом очень многие дернулись проверять свои собственные денежки. Плохая то была секунда в жизни шестого «А».

Сережа заметил ее и пережил. И тут же он посмотрел на одного человека, на одну девочку.

Она, между прочим, не кинулась на поиски своего кошелька. Словно знала: у нее все в порядке... Но даже издалека было заметно, как она бледна.

Она тоже отчего-то посмотрела на Сережу... причем испуганными глазами — видно, в Сережиных глазах прочитала такое что-то...

Не сразу Сережа услышал победный Танин голос, не сразу перевел взгляд от того лица на Танино. И увидел ее торжествующую улыбку.

— Крамской у нас так все хорошо подсчитал. Семь рублей разделить на тридцать пять виноватых, получится по двадцать копеек. А теперь,— она спокойно вышла к доске,— это, значит, что же?.. Тысяча пятьсот копеек на тридцать пять...— Она взяла мел и начала на доске с огромной будто бы заинтересованностью производить деление.

Получалось сорок две копейки с дробями. Но Таня все продолжала свою математическую работу. И вот уже получилось сорок две и восемьсот

пятьдесят семь тысячных. Нет — восемь тысяч пятьсот семьдесят одна десятитысячная. Нет! Восемьдесят пять тысяч семьсот четырнадцать стотысячных...

И когда Таня стала извлекать следующий знак, класс разразился наконец гомерическим, то есть, по-человечески говоря, ужасно громким смехом. А Таня под этот смех повернулась к Сереже и что-то стала говорить ему почти неулыбающимися губами.

Что она там говорила, никто не слышал, даже Сережа не слышал. Вернее всего, она вообще ничего не говорила. Да какое это имело значение? От этой неслышимости поражение Сережи только усиливалось.

— Да все ясно! — кричали уже особые любители острых ощущений.— Давай, Садовничья! Проводи процесс дальше!

— Не процесс, а обыск! Пора обедать идти! — кричал Тренин. — Обыщем, узнаем — и хорош!

После такого крика во многих из них стали разгораться не самые лучшие чувства...

Сережа сидел за своей партой среди этого бушующего котла, где вверху гордой пеной вздувался Игоряшка-Тренер.

Многие-то просто помалкивали: они были ни туда, ни сюда — они были ни при чем.

Тренин и тренинцы продолжали устанавливать свои порядки. В каждом классе есть такие люди: все-то он сидит тише воды ниже травы, но едва начнется какая-нибудь буза, когда не требуется думать головой, они сразу тут как тут.

— Работаем по науке! А ну узнай у Тарасихи, какими деньгами было пятнадцать?

— И вообще пусть все до начала обыска заранее заявят и сдадут неворованные деньги!

Это все тренинцы... руководили... Но до чего же быстро в нормальном классе начинают происходить такие вещи... При некотором стечении обстоятельств!

Таня Садовничья, стоя у доски, старалась сохранить спокойное и твердое выражение лица. Как будто бы события продолжают развиваться под ее руководством. На самом деле тут уже никто не руководил. В начальники на секунду выскакивал

тот, кто выкрикивал чего-нибудь поподлее. А в ответ бушевали крики:

— Закон! Метелка!

А почти весь класс молчал, как загипнотизированный... Только твердили себе под нос известные трусливые слова, что мол, «неохота связываться».

А до Тани вдруг дошло наконец, что и ее, Садовничью Татьяну Сергеевну, будут сейчас обыскивать!

Вначале ее, конечно, обыскивать не станут, сперва обыщут всяких подозрительных и слабых. Но потом когда-нибудь все равно и ее... В то, что деньги будут найдены, Таня не верила ничуть. Да для этих нескольких бумажек можно придумать такую щель... Значит, обязательно дойдет и до нее очередь! И то, что под конец,— это даже будет еще хуже, потому что под конец они начнут обыскивать особенно старательно...

Тут, признаться, Таня испугалась. Она была бессильна перед этой ревущей оравой... Нет, она могла бы, наверное, и не даться. Но кто не дался, тот и своровал! Она сама толкнула их на эту дорогу. И теперь сама должна была поплатиться!

И вдруг все перевернулось буквально за одну минуту. Вдруг на пути у Тренина, который чего-то там распоряжался, разбивая население на партии для обыска, вдруг на его пути встала Самсонова, которая — извините! — тоже имела авторитет. Хоть и потускневший, но все-таки крепкий.

Сережа Крамской поднял голову, еще не в силах угадать, что же сейчас произойдет.

— Сядь, тебе говорят! — крикнула Лида.

Тренин сразу остановился и даже, показалось Сереже, вздрогнул. Он никогда не был великим смельчаком. Он, вернее сказать, был просто трусом. И живо вспомнил, какой перед ним возвышается руководящий товарищ.

— Попрошу тишины! — сказала Лида. Вернее, она крикнула. Но очень спокойным, внятным и потому особенно властным голосом.

Хороший прием, подумала Садовничья, надо запомнить. А Самсонова уже без всякого крика продолжала:

— Обыск не нужен. Я знаю, кто это сделал. Я догадалась! Я думала, он сам признается... Может, ты сам признаешься, Крамской?

Один, у самого края

И сразу какая-то тяжесть придавила его к стулу, он даже опустил голову.

Это была тяжесть человеческих взглядов. Весь класс смотрел на него... Если я сейчас не подниму голову, они подумают... Но они уже и так подумали: то ими Таня командовала, то он сам, то Тренин, то Лидка Самсонова. И теперь им стало уже все равно, кому подчиниться...

Когда Сережа все-таки поднял голову и встал, он увидел, что его дела плохи.

— Я этого не делал.

— А у меня есть доказательства!.. Вы помните или нет, что у меня вчера голова заболела на физкультуре?.. И я его послала в класс за портфелем, и он долго не возвращался. И пришел — какой-то нервный был. А потом у Вари Мироновой пропали деньги. И появилась эта половина странички из журнала!

Тут Крамской почему-то вдруг покраснел. И Тренин, который заметил это, подумал: сейчас признается... Интересненько будет!

Таня Садовничья твердо знала: это не Крамской! Слишком она хорошо изучила его. Но сдержала себя: ничего-ничего, надо проучить. Потом она его вытянет из трясины. И чтоб он запомнил, кто его спас! А пока...

И сразу она избавится от этого позорного обыска, от Тренина... с которым она тоже посчитается. Может быть, даже и при помощи Крамского. Только это все позже.

— Что же ты молчишь, Крамской? — сказала Таня, становясь рядом с Самсоновой.— А я тоже помню. Верно, Лида! Он когда вбежал с твоим портфелем, он какой-то был неестественно запыхавшийся...

Она смотрела Сереже прямо в глаза.

— Эх ты,— сказал Сережа со злостью и обидой,— я же все время был твой помощник! Значит, и тебя надо подозревать! Других топишь, а сама уже потонула!

Растерянность мелькнула в Таниных глазах, она удивленно нахмурила брови.

— Точно! — крикнул Тренин.— Правильно! Мы ее тоже проверим. Что, нам тяжело? — Он улыбнулся.— А ты, Корма, и сейчас волнуешься. Не только вчера, когда с портфелем. Значит...

— А ты бы не волновался, да,— закричал Гаденко,— когда тебя вором подозревают!.. Я его знаю, Серегу-Корму. Да что мы его все не знаем? Это не он!

— А пусть доказательства приведет!

— Не надо никаких доказательств. Даст честное слово — и хорош! — После этого Гаденко отвернулся к окну, словно ему было стыдно здесь находиться.

Слова эти были так просты и так ясны, что... многим сделалось не по себе: да как же они мне самому-то в голову не пришли?.. Воскресенский Алешка даже встал, пошел по проходу к Гаденко.

Но сам Сережа не услышал этой перемены в классе. Да и трудно что-нибудь услышать, когда тебя так оглоушат!

— Успокойтесь,— сказал он с презрением.— Есть у меня доказательства!

У него действительно был свидетель — Алька Бахтина! И главное — она сейчас в школе. На своей продленной группе!

Невольно Сережа пошел к двери, вовсе не думая о том, что ему сейчас скажут или крикнут.

— Ты куда рванул, дружок?

— За свидетелем!

— Тихо! Сперва обыск, а потом можешь катиться за свидетелем.— Его схватили. И так подло — прямо за шиворот.

Сережа обернулся, резко сшиб тренинскую руку. Они стояли друг против друга и очень близко: каждый мог даже и не до конца разогнуть руку, чтобы ударить противника в лицо...

Тренин не боялся, за ним была сейчас такая ватажка. Но и Сережа не боялся — это было заслугой Тани Садовничьей и того мальчишки, якобы ее брата.

Драться хуже — время потеряю: сейчас как продленщики уйдут на прогулку... Так он подумал. Значит, оставался обыск. И Сережа заранее сделал такое лицо презрительное. Дальше он хотел снять куртку и бросить ее Тренину: на, обыскивай. А потом вывернуть карманы брюк.

Однако получилось другое. Гаденко Гришка, который смотрел по-прежнему в окно... конечно, будто бы смотрел... сейчас поднялся и что есть силы как грохнет книгой о парту. А книга была не тоненькая — «Литература»! И потом Гаденко,

даже не послушав, наступила тишина или нет, закричал:

— Вам же сказали человеческим языком: он свидетеля приведет, за что же его обыскивать?!

— Надо проголосовать! — бросила Таня.— Тренин пусть тут не распоряжается. И ты не распоряжайся!

И Сережа увидел, что все-таки не Тренин был в его классе главный. Все были за... не сразу только, оглядывались друг на друга... Но вот и Тренин поднял руку, что уж совсем было глупо с его стороны. Вот и Самсонова запоздало дернулась... С тобой, Самсонова, еще будет встреча!

Он представлял себе, как сейчас придет отлавливать Альку из круговерти каких-нибудь там салочек. Однако она спокойно сидела за партой и смотрела на дверь, в которую влетел Сережа.

— Ну! Октябренок Бахтина! Можешь спасти пионера?.. Помнишь, ты вчера после уроков к нам заглянула, а я...

— А ты Самсоновой-Лидочкин портфель взял и убежал.

— Правильно! А ты откуда знаешь, что Самсоновой?

— Что же, я ее парту не знаю!

Во как. Уже и до второго «А» долетела самсоновская слава.

— А потом она сама еще в класс заходила, Самсонова Лидочка...

— Когда?!

— А через минут пять...

Они уже подходили к двери шестого «А».

— Слушай меня, Лиса-Алисия. Про Самсонову... Лидочку ничего не говори. Только про меня — все как видела. Поняла? Это тебе первое в жизни пионерское задание!

Она оказалась удивительно толковым ребенком. Спокойно сказала все перед строго молчащим шестым «А», улыбнулась, потом наставила на Сережу свои хитрые круглые глаза с торчащими, как пики, ресницами: «Я все правильно сделала?» И ушла полная гордости, хоть и не знала, в чем там суть, но чуяла, что сделала очень важное дело! И не требовала за это награды...

Теперь Сережа мог действовать спокойно и решительно:

— Даю классу слово, что деньги завтра будут здесь!

Таня собралась было затеять новую склоку. Но не стала. Быть может, потому, что ей в голову пришли именно эти слова: «затеять склоку»...

— А когда мы получим надлежащие объяснения? — спросила Серова и аж покраснела от таких значительных слов.

— Вместе с деньгами!

И так у него это здорово получилось, что никто уж не смог ничего возразить.

Шестой «А», говоря по совести, устал. И хотелось есть. И Сережа отчасти сознательно, отчасти нечаянно воспользовался этим. Он спросил у пострадавших:

— Вы можете подождать свои деньги до завтра?

Миронова только кивнула, а Тарасова Катька тихо пролепетала:

— Я тогда скажу дома, что у меня их взяли на один день...

— Скажи. Не бойся! — кивнул Сережа.

— А чего, по двадцать копеек-то уже не надо собирать? — спросил Тренин, который, как всякий не больно самостоятельный сверчок, вернулся на свой не больно самостоятельный шесток.

— Уже не надо! — ответил Сережа.

Герои начинают исчезать

Когда все спешат или, вернее, когда все рады уйти, скрыться бывает легко. Он сделал самую простую вещь — зашел в уборную. Услышал, как его класс недружной толпою спустился по лестнице... Известное такое состояние, когда ни с кем не хочется говорить, а только поскорей бы остаться одному.

Они как раз именно этого все и хотели, тридцать пять без вины виноватых людей. Они ничего плохого не сделали. Почти ничего плохого, почти не сделали... И теперь им очень трудно стало смотреть друг на друга...

Таня Садовничья, одна из очень немногих, не чувствовала за собою вины. Но ей было как-то не по себе, ей было как-то странно и плохо. Она поискала глазами Крамского. Может быть, он проскочил на улицу раньше? Саму Таню задержала в классе Миронова. Что-то там бессмысленное начала толковать про обыски.

Словно Таня мечтала кого-нибудь обыскивать! Ее саму чуть не обыскали! И она в принципе считала такой метод поголовного прочесывания плохой работой. Эдак каждый дурак найдет, каждый Тренин!

Она ответила Мироновой что-то довольно резкое, быстро спустилась в вестибюль... Крамского уже не было!

Подождать ее он даже не подумал. Ну, естественно!

Наверное, зря она тогда поддержала самсоновскую версию. Конечно же, Крамской ни при чем... Ну и что? Все равно сейчас он должен был остаться. Еще неделю назад обязательно бы остался! Начал бы объяснять... доктор Ватсон... хотя и обиделся.

Теперь просто отшвырнул ее одной жесткой репликой... А класс этот несчастный?! Поразительно, как быстро они позабыли все ее заслуги, всю ее власть... Подлость какая!

Или, может, ей все-таки стоило самой довести это дело... Ну и что, если не Алена виновата?.. Бросить на растерзание толпе этого преступника было совсем неплохо... Но ей, видите ли, расхотелось это делать, ее, видите ли, обида взяла, что она ошиблась... Глупо!

А Крамской продолжил. Крамскому было интересно. И теперь он бормочет им какое-то бессмысленное честное слово, и они слушаются... Неужели все дело в Крамском?.. Доктор Ватсон... Неужели Шерлок Холмс не мог бы существовать без своего придурковатого помощника?.. Бред!

Таня уже пришла домой, уже разделась, уже разогрела себе обед, вчера сготовленный навестившей бабушкой... Она не хотела признаваться... не хотела признавать свое поражение. Чувствовала, что все изменилось в плохую и странную сторону, а в чем дело, понять не могла.

А вот в чем дело, Таня... Когда у человека высокая цель, его победить очень трудно. И происки местных врагов — если такие есть — тебе кажутся случайными камешками на дороге. Споткнулся, потер ушибленное место и пошел дальше. У тебя ведь вон какая цель впереди — далекая вершина горы.

А вот с низкой целью почти обязательно в конце концов потерпишь поражение... Кстати, что такое низкая цель? Низкая — это когда из любого дела стараешься извлечь для себя выгоду. Здесь обязательно найдутся ловкачи, которые сумеют тебя обскакать или подставить ножку.

Так получилось и с Таней. Она вроде бы за справедливость и правосудие боролась, а на самом деле старалась прославиться и установить над шестым «А» свою власть. Но столкнулась с другими любителями того же самого. И оказалась у разбитого корыта...

Завтра, может, она опять что-то придумает и тоже подставит им ножку. И опять вытолкнет свою личность на первое место. А там, глядишь, все повернется — вновь ее отшвырнут... И странно думать: неужели человек всю жизнь обречен на эту никчемную суетню? Причем такой умный и такой одаренный человек, как Таня?

Увы, неизвестно! Здесь мы расстанемся с Таней Садовничьей, и как дальше сложится ее судьба, сказать не беремся. Можем только сказать, что пока она ничего не поняла и потому продолжала строить грандиозные свои мелкие планы и все думала, как бы ей ловчее... Прощай, Таня...

А вот учительница Алена Робертовна, которая в данную минуту, сидя в своем любимом кресле за своим любимым столиком, доканчивала переписывание журнала, она поняла. И подумала: «А все равно я буду добиваться своего!..»

Как будто бы Танины слова, да? На самом деле нет. Потому что «добиваться своего» было для Алены — растить людей...

У кого-то самое главное в жизни — растить пшеницу твердых сортов, у кого-то — писать новые книги, у кого-то — прокладывать в тайге километры железной дороги. У нее было вот это... Вырастить как можно больше хороших и образованных людей.

И поняла: не нужна ей никакая показная строгость — это не похоже на нее, на настоящую Алену Робертовну. И ребята когда-никогда поймут, что перед ними лишь притворство, что она чего-то скрывает под своим непонятным «злым поведением»... А чего ей скрывать-то? Ей совершенно скрывать нечего! Потому что она не ищет лично для себя никаких выгод.

Ну только, может, одно: чтобы ребята ее любили.

А для этого никакая показная строгость тебе не пригодится. Для этого нужно их побольше любить... Побольше, чем себя!

Прощайте, Алена Робертовна. И пусть бы вам удалось в жизни то, что вы задумали...

А Сережина бабушка, Елизавета Петровна, уже давным-давно поняла то, о чем мы здесь сейчас толкуем, задолго до нашего с вами рождения. И долго-долго так жила, стараясь не для себя, а для высокой цели.

Но теперь, когда она сделалась пенсионеркой и довольно-таки средней готовщицей обедов и завтраков, ей стало казаться, что она пережила сама себя и теперь существует попусту. Потому, наверное, она и бралась за такие не очень выполнимые дела, как писание статьи про учебник,— помните?

Однажды Елизавета Петровна подумала про себя даже такую жестокую вещь: я, подумала она, живу после своей смерти...

Но это, к счастью, было не так. И даже абсолютно не так. Те якобы неудавшиеся разговоры, которые бабушка заводила с Сережей, не исчезали в пространстве пустым эхом... Тут надо сказать, что настоящие слова вообще не пропадают — кому-то в душу они обязательно западут.

И то, что сейчас делал Сережа Крамской, он делал не только потому, что родился таким вот благородным человеком, а потому, что он был внуком Елизаветы Петровны Крамской.

До свидания, милая бабушка. И так жаль, что вас нельзя сейчас утешить, опять сидящую над своею статьей про учебник истории. Но может, вам все-таки Сережа кое-что расскажет?.. Нет, не расскажет! А когда захочет это сделать, бабушкина жизнь окажется в далеком прошлом...

Помните то наше «воспоминание о будущем»? Геолог Сергей Крамской сидит у костра...

А это значит, что хорошие слова опять не пропадут даром.

Страшная сцена

А сам Сережа в это время шел к Лиде Самсоновой.

Лида едва успела снять пальто, сапоги и теперь, став на колени, шарила под диваном, где, по ее понятию, должны были обитать тапочки, когда раздался этот звонок в дверь.

Он получился тихий и короткий. А Лида сразу услышала его. И почему-то испугалась. Еще стоя на коленях и глядя под диван, решила: пусть мать откроет... а меня будто дома нету...

Но тут же поднялась, так и не найдя тапки. В одних колготках, то есть совершенно бесшумно, побежала к двери...

Если опасность, лучше идти прямо на нее. Потому что от опасности, как успела убедиться Лида за свои тринадцать лет, все равно не уйти. А чем дольше от нее прячешься, тем тебе же потом хуже.

За дверью стоял Крамской.

И у Лиды отлегло от сердца: Крамской — это... да он и есть Крамской!

Но и не очень у нее отлегло!

Она вспомнила несколько его взглядов, когда сегодня в классе начали вести следствие.

И потом она его топила! Нарочно топила, хотя сама же и послала за портфелем...

А все-таки отлегло! Потому что она Крамскому нравилась!

— Заходи, Крамской! Ты ко мне?

Ясно, что к ней — к кому же еще. Но Лида это специально сказала. Так говорила старшая пионервожатая Светлана. К ней войдешь в пионерскую, она сидит одна. А все равно спросит: «Ты ко мне?»

Крамской пропустил мимо ушей ее начальническую реплику. Вообще у него было такое лицо, что Лида снова испугалась.

— Привет,— он сказал.— Надо поговорить.

Нет, ничего хорошего ей ждать не приходилось...

Забыв, что она без туфель, без сапог, даже без домашних тапочек, а в одних только колготках, Лида пошла вперед. В кухне мать снова строчила на машинке.

Мать выглянула из кухни — в глазах усталость, какая бывает у человека, когда ему приходится долго и пристально на что-то смотреть. Под глазами профессиональные «портнихинские» морщинки...

— Это ко мне, ко мне! — быстро сказала Лида, и мать исчезла. А Лида вошла в комнату, закрыла дверь — теперь почти ничего уже слышно не будет.

Повернулась к Сереже. Они стояли друг против друга, шагах примерно в трех... Как на дуэли, подумала Лида. И тотчас: что за чушь! Но почему-то она не могла заставить себя сесть и предложить сесть Крамскому... Было заметно, что она намного выше его и... так сказать, полнее.

Молчали. И с каждой секундой Лида накачивала в себя привычную уверенность и становилась все

более твердой, как мяч, когда в него вгоняют атмосферы воздуха.

— Самсонова...

— Да, Крамской?

— Самсонова! Я все про тебя знаю!

Она хотела сказать: «Все знаешь? Очень интересно... Ну, давай послушаем...»

И не смогла произнести этих абсолютно самсоновских слов. Испуг ударил в нее мягко и тяжело. У Лиды перехватило дыхание. И невольно она попятилась, сделала два шага назад.

Все-таки нашла в себе силы и выговорила, как прокаркала:

— Что — все?..

— Надо говорить?

Она пожала плечами, и как-то жалко это у нее вышло, как-то безнадежно. Лида поняла, что нисколько ему не нравится, что она совершенно беззащитна и что Крамской действительно все знает!

— Я вчера обо всем догадался, когда исследовал эти кусочки из журнала. А сегодня ты еще и проговорилась! Никто не видел их. А кто даже видел, не знал, что там полстраницы. А ты сказала при всех: «Полстраницы»! Помнишь?

Лида молчала.

— Но я еще раньше догадался. У Серовой по всем предметам хорошие отметки, только по биологии тройки. И ты выбрала именно эту страницу, биологическую!

— Почему же я, а не ты?

— А потому что хотела доказать, что Алена неправильно дала ей медаль!

— А может быть, не я. Мало ли у меня свиты!

— Ты! Я краешки исследовал... под микроскопом — они разрезаны твоими ножницами. У всех на труде были нормальные ножницы, а у тебя полукруглые. Я заметил нечаянно... Да они и сейчас, наверное, в портфеле лежат?

Портфель, как назло, был прямо вот он — открывай да проводи экспертизу.

— Ну что? Достать их?

— Не надо.

— А семь рублей...

— Не я!

— Тебя видели! Второклассница Алька Бахтина. Только я ее просил не говорить при всех. Но если ты будешь сейчас отказываться...

Лида со страхом покачала головой.

— А про пятнадцать будешь отказываться?.. Дай их сюда.

Переставив несколько раз закоченевшие ноги, Лида оказалась рядом со своим портфелем и открыла его...

«Лучшая девочка в мире»

Подождите. Но как же так это все произошло?..

Жила на свете девочка, в зоопарк любила ходить. Мама в ней души не чаяла. И бабушка тоже — пока жива была. Отца у нее не было — верно. Но ведь это... мало ли у кого отца нет.

Целуя дочку на ночь, мама обязательно говорила: «Ты у меня самая лучшая девочка в мире!» А кому, скажите на милость, этого не говорят?.. И мы радуемся, конечно, когда слышим такие слова,— как тут не обрадоваться!

Потом-то, конечно, понимаем — немного повзрослев,— что это просто мамина любовь говорит, а на самом деле... ну чего уж там, какие мы «самые лучшие в мире». Есть и покрасивей, и поспособней, и...

А Лида вот Самсонова поверила! Ну или что-то в этом роде. Кто тут виноват? Мама?.. А сама разве ты не должна иметь голову на плечах?..

Никаких между тем особых способностей у нее не было...

У других чего-то есть, какие-нибудь там судомодельные кружки, художественные гимнастики. У нее ничего такого не наблюдалось. Кроме уверенности, что она...

И Лида принялась стараться. Вот это уж не отнимешь: старалась, училась. Не так уж сильно-то учение ей нравилось. Но очень нравилось получать пятерки.

Ничего и никогда, кроме пятерок!

Мамина гордость. Вот кто она стала уже к середине первого класса. И однажды сказала (ну, конечно, не в первом, а классе в третьем или в четвертом): «Ты, мама, мне должна помогать! Я не могу ходить в чем попало. Ты ведь знаешь, в какой школе учусь и на каком я счету!»

Мама беспечно рассмеялась в ответ такой ее милой строгости.

А Лида действительно была на хорошем счету, и школа действительно была с каким-то там уклоном... Но мало ли кто на хорошем счету. Но мало ли теперь школ с уклоном. Теперь что ни школа, то и с уклоном.

Рассмеялась мама, но, представьте себе, услышала дочкины слова. И с тех пор стала Лида ходить в необыкновенных платьях, сшитых волшебными мамиными руками. Только нашлепки на тех платьях были самые обыкновенные — заграничные.

В четвертом классе у Лиды появилась первая в ее жизни «оруженосиха». Слово это зазвучало в их классе значительно позднее, а вот сама первая оруженосиха возникла уже в четвертом.

А за что она стала оруженосихой, эта Алена Веселова, за какие грехи? Очень просто: иногда ей давали особую жакеточку поносить, с оленями (а размеры-то у всех в четвертом классе примерно одинаковые, тем более для шерстяных вещей).

И частенько давали списывать математику, так что Алена заметно подтянулась, чуть ли не стала третьей или четвертой ученицей. И другая Алена — Робертовна — сильно хвалила обеих подруг.

Однажды Веселова сказала:

— Ну вот чего ты хочешь? Вот скажи!.. Вот я все для тебя сделаю!

Это был тихий, вечерний, расслабленный час. И хотелось чего-то бог знает чего — необыкновенного чего-то и немного дурацкого.

— А вот говори, что я самая красивая... Будешь?

Это трудно для девчонок, по-моему. Однако Алена Веселова только засмеялась в ответ:

— Конечно, буду!

И тогда они засмеялись вместе, словно задумали общую тайну. И даже обнялись.

Вскоре Алена Веселова переехала в другой район и стала учиться в другой школе. И учителя в той другой школе очень удивлялись и поругивали учителей их, этой школы: как можно было такой нетвердой девочке ставить сплошные пятерки и четверки.

И сама Алена в полной мере хлебнула горя, а потом раскаяния за свое прежнее столь легкомысленное житье по подсказке.

Но в будущем шестом «А» дело-то уже было сделано. Лида Самсонова стала самой красивой девочкой класса. Да и куда было деваться: отличница, учителя везде стараются ее выбрать. На любое мероприятие, в любой поход, в любой театр она так одевается, что и не выговоришь!

Никто уж Веселовой той почти не помнил. И напрочь забылось, что именно она пустила разговоры о Лидиной красоте. Да и сама Лида эту историю запамятовала. Лишь невольно сердилась, когда где-то поблизости появлялась новая девочка... конкурентка!

И вот я думаю, ну неужели преступление начинается с такой малости? Не верится!

А с чего же оно начинается, скажите?.. С этого и начинается!

Есть на свете такой человек, академик Микулин. Всякий академик — это уже необыкновенный человек. Но Микулин необыкновенен и среди академиков. Ему восемьдесят с лишним лет, а он бегает кроссы, и машет по утрам гантельками, и продолжает работать в своем институте, продолжает делать открытия.

У Микулина есть такая теория. Он говорит, что в

нашем организме есть хорошие клетки — из них мы сделаны почти полностью, на девяносто девять и девятьсот девяносто девять тысячных процента или даже больше.

Но есть в нас и особые клетки — враги. Они подстерегают каждый наш неверный шаг, пусть даже почти случайный. И сейчас же просыпаются, начинают расти, плодить детей и внучат. И очень трудно потом человеку бывает усмирить их, снова загнать в отведенные им узкие и безопасные границы.

Это хуже даже, чем жировые клетки, которые, родившись однажды во время слишком плотного обеда, начинают требовать от тебя еды, еды, еды. Хотя на самом деле организму этого совсем не нужно, а даже идет во вред.

Так же и клетки-враги, говорит академик Микулин. Вырвавшись и окрепнув, они требуют от человека все новых и новых плохих дел... Наверное, и в Самсоновой эти клетки начали расти, проедать пространство, подбираясь к самому сердцу.

В четвертом классе, словно на смену Алене Веселовой, пришла Серова Лена. Она была девочка самостоятельная, в себе уверенная...

Существует такая поговорка: что, мол, в чужой монастырь не ходят со своим уставом. По-простому говоря, это значит вот что: если ты пришел в новую компанию, то присмотрись и не устанавливай здесь своих законов, а постарайся жить по законам уже существующим.

Серова признавать это правило не собиралась. Да и «устав самсоновского монастыря» ей не казался правильным.

— Чего эта Лида-жирная у вас красивой считается?.. Ну я не знаю!

Недолго ее реплика оставалась малоизвестной, очень недолго! От девчонки к девчонке. От девчонок к мальчишкам...

— Если ты, Серова, завидуешь,— прищурив и без того маленькие глазки, сказала Катя Тарасова,— если завидуешь, то так и надо говорить.

И началось! Не важно, что там ответила Лена. Но класс очень скоро распался на два лагеря. На два клана... Правда, это слово тоже появилось несколько позже.

Но почему так быстро и легко развалилась самсоновская империя? Да потому, что многим поднадоело преклоняться перед этой «Лидой-преподобной»...

А другим как раз вовсе не поднадоело!

Люди вообще, между прочим, делятся на тех, кто любит новых чемпионов, и на тех, кто уважает и любит чемпионов старых. Одни кричат: «Да вы гляньте, пеньки, вы гляньте только, какой новый появился — это же высший класс! А тот ваш — десять лет одно и то же... Старье! Пора на свалку!»

Другие кричат свое: «Явился, понимаешь, какой-то выскочка, толком ничего не умеет, а зато уж строит из себя... Вот наш — это мастер. Проверенный, закаленный!»

Я не буду говорить, кто здесь больше прав... не буду, потому что сам я люблю старых чемпионов и с трудом привыкаю к новым...

Итак, развалился класс. Итак, бывший новичок Лена Серова выделилась. Даже стала почти вровень с Самсоновой!

Лиду, например, выбирают старостой... Ее испокон веку выбирали старостой. А Лену тогда выбирают председателем совета отряда.

Лида думает: «Ну и пусть, все равно я главней!» (в начале четвертого класса еще не все были пионерами). Но потом очень быстро две командирши сравнялись «по главности», потому что весь класс стал пионерским.

И, собственно говоря, мы пришли в эту историю как раз тогда, когда силы Самсоновой и Серовой были равны.

Так сказать, по традиции (раз уж Самсонова считается красивой) стали красивой считать и Серову. И сама Серова привыкла к этому... считанию.

Но в одном Лена никогда не могла бы сравниться с Лидой — в учении!

Для простого человеческого взгляда это было бы не так уж и заметно. Да речь-то идет об особом взгляде, о школьном. А здесь между учеником, имеющим круглые пятерки, и учеником, у которого в четверти затесалась парочка четверок... разница между такими людьми по школьным меркам большая! Да вы сами знаете. Особенно если эти «два ученика»... ученицы!

А потом в романтическом мозгу Алены Робертовны родилась идея ежемесячно вручать лучшему ученику переходящую золотую медаль.

Преступление

Как говорится: гладко было на бумаге... да забыли про овраги! Никакой борьбы не получилось. Чего там бороться и как там бороться, когда Самсонова все равно лучшая во веки веков. Вот тут-то Алена и решила сама с собой на октябрь отдать медаль Серовой: чтобы все-таки была борьба.

А медаль-то уж к тому времени стала не еще одним пунктом в борьбе за успеваемость, а еще одним пунктом в борьбе кланов.

Выходит, в Лидином преступлении и Алена Робертовна виновата? Ну... допустим... А ты-то сама имей голову на плечах и совесть в груди.

Нет, она не имела. Клетки-враги уже разгуливали по ее душе, как по собственному дому.

Однажды ей зачем-то надо было пойти в учительскую... Историчка забыла на доске карту древних государств, Лида, как староста, решила эти государства снести на место. И вот момент, миг: она вошла — в учительской никого. На столе несколько журналов, в том числе и шестого «А»...

Спрашивается: какое твое дело? Э, нет! Лида уже в течение нескольких дней с презрением и обидой смотрела на Алену Робертовну. А Серова скользила по школе, сверкая медалью.

Теперь подлые клетки сработали автоматом. Лида схватила журнал, сунула его под фартук и вылетела из учительской.

Зачем она это сделала? Казалось ей, и сама точно не знает. Только крутилось в голове: назло!

Она зашла в туалет и быстро сунула журнал за батарею... Получилось причем довольно-таки заметно... Лида не стала поправлять, решила: пусть заметят, нормально. Алене все равно влетит: что это за классный руководитель, когда твои журналы по туалетам валяются.

Назавтра началась вся эта история, которой мы уже были свидетелями.

Лида решила: лучше журнал забрать, а то найдут еще, догадаются, что это специальная месть.

И она унесла журнал домой... Все! Нету его! Исчез! Неизвестно куда!.. Положила его в свой письменный стол.

А тут вдруг Садовничья выступила на первое место. Началось следствие...

И Алена как-то не умела за себя заступиться. И с каждым днем попадалась все больше...

Надо сказать честно: Лиде стало ее жаль. Видно, просмотрели подлые клетки неожиданный удар проснувшейся честности. И Лида Самсонова решила: я затеяла, я и спасу!

Да и приятно, когда в твоих руках судьба настоящего взрослого человека, классной руководительницы. Да и Садовничью можно было усмирить одним ударом... Что ж ты, действительно? Велавела расследование, а это все оказалось полной глупостью... если только не клеветой!

Она разработала план (собственно говоря, воспользовавшись методами той же Садовничьей). Только не удержалась — вырезала полстранички не простые, а действительно со смыслом: вот, мол, какая ваша Серова выдающаяся медалистка! То есть решила сразу убить двух зайцев (что, как известно из поговорки, не удается никогда).

И еще она решила подстраховаться — затеяла эту историю с головной болью и с посыланием Крамского за портфелем... Она бы любого могла послать из своего клана, но послала Сережу — чтоб еще раз в случае чего ударить по Садовничьей: вот какие твои помощнички! Да и Крамского проучить: чтобы не прыгал от одного командира к другому!

Сережа принес портфель. Она при всех удивилась, почему это, мол, так долго... А потом пошла в совершенно пустой и совершенно беззащитный сейчас класс!

Миронову она выбрала тоже специально. Миронова — известная серовская оруженосиха. И если б стали разбираться с клочками, Миронова бы сразу заметила фамилию своей начальницы. А там уж и слепой увидит, что у Серовой по биологии тройки да четверки, а пятерками и не пахнет!

Клочки положить в портфель — так она решила заранее. Но когда уже села за мироновскую парту, вдруг сообразила: да мало ли в портфелях хранится всякого мусора. Мирониха эти бумажки, может быть, вообще не заметит!

Можно было положить в дневник, в тетрадки...

Она быстро раскрыла тот маленький кармашек, где обычно школьницы хранят кошельки. Раскрыла его, радуясь своей идее: «В кошельке-то она обязательно...»

А пальцы уже коснулись мироновских семи рублей... «Надо взять, чтоб она точно заметила... Пусть попрыгают, поищут... А потом подкину, чтоб все поняли, какие они полные дураки!»

В коридоре ей действительно мелькнулось какое-то платье... И теперь (после всего) она сообразила: да, это была Бахтина, пигалица несчастная.

Но тогда она летела домой и прямо слышала, как потяжелел ее портфель от чужих денег, а душа лопалась от горького и сладкого волнения — именно такого, каким бывает вкус отравы.

Лиде невозможно было признаться себе в этом, но все время она думала, куда денет эти деньги — как она их истратит.

Пришла домой, матери нет. Быстро переоделась: в неотличимые от заграничных джинсы и джинсовую курточку, в рубашку, перешитую матерью из своего старого платья — теперь, через пятнадцать лет, опять эта клетка стала модной. Надела кожаное пальто — действительно очень дорогое, которое Лида стеснялась надевать, потому что такого и у Алены не было. Взяла с подзеркальника материну губную помаду... краситься не стала: могли увидеть во дворе.

Выбежала, несколько минут ждала троллейбус. Казалось, что ждет целый час. Проехала три остановки, никем не замеченная, и вошла в кафе. Как можно уверенней отдала раздевальщику свое драгоценное пальто, нырнула в туалет и, запершись в кабинке, покрасила губы. Теперь уж никто не различит, тринадцать ей, пятнадцать или уже шестнадцать.

В крохотном кругленьком зеркальце она увидела свои отчаянные синие глаза, потом — накрашенные губы. Получилось как раз так, как она хотела, как она несколько раз тренировалась, спрятавшись в ванной: и не очень ярко, и в то же время заметно, что они накрашены.

Мало кому в общем-то приходило в голову сидеть в кафе в такую рань. Обедов тут не давали, а музыку заводили часов с шести вечера.

А сейчас было только два пятнадцать...

Стараясь пружинно покачиваться, она прошла через зал, мимо компании, кажется, студентов, у которых стол был заставлен чем-то, что ресторанные правила велят пить через соломинку.

Села... Медленно к ней подошел официант — чуть прищурившись, чуть улыбнувшись. Но официантам много чего приходится повидать на своем веку, в том числе и посетительниц-девчонок.

— Кофе большую чашку и два пирожных! — эти слова были у нее заранее. Она заказала ровно половину того, что заказала ее мать, когда они приходили сюда примерно год назад.

— И все?

Заготовленные слова кончились, а она не знала, как нужно разговаривать с официантами: дерзить или, наоборот, улыбаться. И она просто покраснела. Официант ушел, Лида осталась за пустым столом.

Она сама не знала, зачем пришла сюда. Несколько раз ей хотелось проверить, на месте ли деньги. И не хотелось лишний раз дотрагиваться до них.

Ничего похожего на радость или удовольствие она не испытывала, только нервничала и боялась, что у нее появятся на шее красные пятна — это у нее случалось от нервов, и поэтому ей всегда приходилось быть спокойной.

Вдруг из-за спины ее выплыл кофе, а с другой стороны тарелка с двумя эклерами. Прямо над своим ухом она услышала тихий голос:

— Пожалуйста...

И опять она не знала, благодарят официантов или не благодарят.

Она отпила из чашки большой глоток. Кофе оказался жутко горячим. С огромным трудом Лида проглотила его. Сидела с обожженным языком, чувствуя выступившие на глазах слезы...

Однажды по пути в зоопарк они с матерью зашли к какой-то женщине — сделать примерку. Мать сама ездила к своим клиенткам, чтобы соседи не говорили лишнего...

Квартира оказалась большая, захламленная множеством вещей, небрежно брошенной одеждой. И было ясно, что новую юбку, которую шила для клиентки мать, постигнет та же участь — небрежно валяться где-нибудь на стуле...

На неубранной и, как показалось Лиде, не очень чистой постели спала собака. Но это была человеческая постель, и укрыта собака была краем человеческого одеяла. И она думала во сне, что это и есть верх счастья и блаженства... Так, усмехнувшись, сказала Лидина мать, когда они вышли.

Теперь Лида, сидящая со своим кофе и со своими пирожными, почему-то вспомнила эту очень старую картинку... Ей захотелось уйти. Но как-то глупо было бросать несъеденные пирожные. И потом она не расплатилась...

Вдруг от компании студентов отделился один,

пошел, глядя прямо на Лиду, улыбнулся и сел к ней за стол.

— Девушка, только вы извините меня... Вы кого-нибудь ждете?

— Нет. Я здесь просто завтракаю!

— Ого! — Он посмотрел на часы.— И вы часто так завтракаете?

— Иногда...

Просто чудо, как она сумела взять этот холодноватый тон. И как сумела найти в себе это спокойствие. Она опять отпила кофе, теперь уже остывшего, откусила пирожное и с радостью заметила, что на краешке его осталось немного помады. Положила пирожное так, чтобы и студент мог видеть эту помаду.

— А когда вы появитесь тут в следующий раз?

— Еще не решила.— Она повернула голову и увидела, что официант смотрит на нее. Лида кивнула. Официант поднялся и пошел к ней. Лида еще раз откусила пирожного.

— А вы не могли бы появиться здесь завтра? Часиков в семь!

Лида спокойно вынула деньги, протянула официанту трешку. Официант так же спокойно дал ей рубль сдачи... А все стоило ну никак не больше, чем рубль двадцать!

Ничего, сказала она себе, привыкай... Она посмотрела на официанта.

— Спасибо,— сказал тот и отошел.

— Вы не могли бы... ровно в семь часов. Я вас встречу у входа.

— Я подумаю.

Она поднялась, и студент тоже встал вместе с нею. Теперь было заметно, что он здоровый парень, восемнадцатилетний первокурсник, а Лида всего лишь девчонка... А может, и не было заметно. Теперь из-за этой акселерации все так перепуталось!

Лида собралась даже протянуть ему руку, но вовремя вспомнила, что на ее школьных, кое-где даже обкусанных ногтях нет и следов маникюра.

— Я здесь буду проезжать мимо... и возможно, зайду...

— А вас как зовут, извините...

— Лидия.— Она на всякий случай сунула руки в карманы джинсиков.

— А меня Саша.

— До свидания, Саша! — и быстро прошла сквозь зал... Студент не посмел пойти за нею! И тут Лида подумала, что, наверное, это студент техникума и ему самому лет пятнадцать-шестнадцать...

Надела свое прекрасное пальто (которыми, впрочем, набита сейчас вся Москва). Еще раз, уже по улице, прошла мимо стеклянной стены, за которой сидела «ее компания». Студент Саша постучал ей в стекло и стал пальцем писать на стекле что-то невидимое.

Лида улыбнулась и... этого она не сделала бы никогда в жизни. Но тут сделала! Она села в такси: машины стояли у края тротуара длинным хвостом... «Ну теперь он уж точно подумает, что я настоящая продавщица или парикмахерша!»

— Куда поедем? — повернулся к ней таксист, седой старый дядька лет пятидесяти... Еще раз глянул на Лиду — его-то не могла обмануть никакая акселерация.— А деньги у тебя есть?

Но, впрочем, тут же запустил мотор.

— Едьте прямо по этой улице. Я вам тогда скажу.

— Ну, «едьте», так «едьте»...— и больше не произнес ни слова.

Когда на счетчике набило девяносто копеек, Лида сказала, чтоб он остановился, отдала рубль и вышла.

— Сдачу возьми!

Она не обернулась, не ответила и через секунду услышала, как машина дала газ и укатила... Ничего-ничего, привыкай!.. А потом вдруг поправилась: привыкнут!

Зачем все это было ей нужно... нет, она не знала... Она вела себя словно заговоренная, будто опоенная тайной отравой. Она вела себя, как тайный робот, которым управляют с другой планеты.

Ей опять нужны были деньги! Она сразу решила, что пойдет завтра к семи часам. Хотя ей вовсе не нравился этот Саша с семейкой прыщей на лбу и слишком мягким блестящим носом... Но хотелось пойти туда... И было противно... Или только страшно?.. Если только страшно, то ерунда, она вытерпит...

Нужны были деньги.

Она, естественно, знала, что должен платить мужчина... Да мало ли что должен... С деньгами уверенней. Она, может, потому так и разговаривала прекрасно, что могла в любую минуту спокойно расплатиться и уйти.

И официант ее запомнил. Целых восемьдесят копеек дала сверху — конечно, запомнит!.. «Сверху дали» — так говорит ее мать, когда ей везет с клиенткой.

Утром в школе она думала про деньги. Она не знала, сколько ей нужно, не могла представить себе никакую сумму. Просто деньги — чтоб они лежали в кармане и хрустели, когда их трогаешь... Стыд и ужас были загнаны в самое подземелье души.

Про вчерашние семь рублей в классе молчали, как будто вообще ничего не случалось... А ведь Миронова просто могла подумать, что потеряла их! Теперь Лида очень жалела, зачем она сунула в кошелек эти клочки!

Вдруг оруженосиха Тарасова сказала, что собирается после уроков идти за резиновыми сапожками — себе и маме... Тарасова надеялась заманить с собой и ненаглядную Лиду.

— Ты когда идешь?

— Прямо после шестого. Он же рядом здесь, магазин...

Значит, деньги у нее с собой... Рублей десять... даже больше — на две пары... рублей пятнадцать!

На физике, когда Тарасову вызвали отвечать, Лида трясущимися руками нащупала в маленьком кармане ее портфеля деньги... Казалось, они хрустнули на весь класс. Лида замерла в глупой какой-то скособоченной позе. Но всем было не до нее, даже Садовничьей, даже Крамскому — всетаки физика на дворе, а не какое-нибудь там рисование.

Потом две перемены она таскала Тарасову по школе — якобы в поисках одного восьмиклассника. И даже почти пропустила тот момент, когда Крамской начал писать свое объявление. Потом была география — как на пытке.

Потом началась и сама пытка. Следствие!

Ужас держал ее за горло, не отпуская ни на секунду. Она даже привыкла жить с этим ужасом. Рядом Тарасова лопотала что-то о проделках врагов... Вдруг она сунулась за деньгами! И в классе произошел взрыв.

Взрыв тишины.

И после начали базарить про обыскивание!

Тогда она сделала подлость: воспользовалась своей страховкой — начала валить на Крамского...

Вдруг они переглянулись с Садовничьей, и ей показалось, что Садовничья тоже знает: Крамской ни при чем. Но почему-то промолчала.

От этой ответной подлости Лиде даже будто стало легче... Вот только бы сейчас... вот только сейчас спасусь, и больше никогда!..

И пронесло! После еще многих пыток страха Лида шла домой. Ей было холодно. Ни о чем не хотелось думать... Рядом ковыляла Тарасова.

И это была уже новая подлость — идти под ручку с человеком, у которого ты своровал!..

А что делать, иначе сразу заподозрят!

Она не знала той беспощадной истины, что одна подлость неминуемо рождает следующую.

«А я что?.. Я ничего,— шептала Лида,— сейчас уроки поделаю...» Ей хотелось думать, что она такая же, что она не изменилась: ученица, отличница... «Уроки поделаю...» И потом, когда Тарасова наконец убралась восвояси: «К семи успею!»

И тут же придумала, как скажет матери, будто ей надо на секцию. И тут же придумала, где спрячет спортивную сумку... Или даже можно с собой. Скажу ему — соревнования!

А еще вчера она почти с чистой совестью обещала себе: «Сейчас возьму эти семь рублей, а потом обратно подкину...»

Здесь и раздался звонок в дверь. И за дверью стоял Крамской.

«Помиловать» и «казнить»

Итак, он сумел добиться всего. Преступник сознался в своей вине, следствие успешно завершено... Ну? И что же теперь?

Наступает пора быть великодушным... Повинную голову меч не сечет! Ладно уж, ступай восвояси, баба-яга, да в другой раз не попадайся!

Но бывает, приходит час именно не быть великодушным. Не быть!

Все ли человек имеет право простить другому?.. И я знаю, многие сейчас подумают и скажут: да, все! Так уж мы воспитаны, так уж мы устроены. Нам стыдно смотреть в глаза изобличенному вору или предателю. Мы говорим: слабого не бьют!

Но действительно ли он слаб? Или всего лишь притаился?

И — еще раз! — все ли мы имеем право прощать?

Давайте-ка разберемся, что это вообще значит — простить? Это значит сказать в душе своей: «Ладно уж, ничего такого страшного он не сделал!» То есть свою собственную душу приспособить, подделать под того, кого надо прощать, чтобы его поступок не казался тебе таким отвратительным, чтобы ты мог... простить.

И вот, выходит, из-за своей будто бы доброты ты начинаешь потом жить с переделанной, с ухудшенной душой. А это уже опасно!

Кто-то, кажется, древние индусы считали, что душа передается из поколения в поколение, от человека к человеку, как эстафета, как, например, зажженный олимпийский факел — от бегуна к бегуну...

Так души будто бы путешествуют во времени — из очень далеких веков и до нас! И значит, насколько же надо с ними осторожно обращаться, чтобы не повредить, чтобы не подделать ее под душу какого-нибудь прохиндея или лгуна — не испортить жизнь еще даже не родившемуся человеку из далекого будущего.

И уже невозможно тебе существовать шаляй-валяй, раз ты в ответе перед теми, кто родится в две тысячи пятисотом, и перед теми, кто родится в трехтысячном году. И дальше и дальше...

Но если даже сказать, что нет никакой души и не передается она, как зажженный факел, то все равно что-то люди передают из поколения в поколение: свои поступки, запомнившиеся слова... Быть может, вот именно это правильней всего и называть душой?

Но как же тогда с теми душами, которые «взбесились», которые передают по телеграфу времени и поколений лживые слова и подлые поступки?

У животных есть жестокий закон: они изгоняют больного, чтобы не заразиться всему племени. У животных нет никакой иной медицины. И может, потому они так здоровы!

Думается, так же и души. Нету никакой для них «медицины».

Значит, нельзя прощать?

Да, по-настоящему плохое прощать нельзя!

Единственное спасение тут — наказать... Это, конечно, тоже не лечение для той потерявшейся в потемках зла души. Но хотя бы пусть она молчит от страха, чтоб не мешала жить другим. И в том числе другим поколениям человеческих душ!

То, что я сейчас написал, этого чаще всего никто не знает. Люди, изобличив подлую душу, поступают так, как подскажет им... интуиция, то есть опять же их душа.

И чаще всего мы прощаем: или просто так, или с презрением.

Но редко мы решаем наказать!..

Они стояли друг против друга: будто бы взрослая Лида Самсонова и будто бы мальчик Сережа Крамской. На столе лежали пятнадцать рублей. И еще — трешник из вчерашней недотраченной семерки. И еще классный журнал в зеленой обложке.

— Позови сюда свою мать! — сказал Сережа.

Самсонова вдруг заплакала.

Она действительно была заметно выше Сережи, она была кое в чем «настоящая тетя». И никто в шестом «А» не видел, как она плачет. Пожалуй, и Лидина мать призабыла, как выглядят эти слезы.

Теперь Лида плакала, сама как будто бы открывая новое для себя чувство.

Плакала и отрицательно качала головой.

— Позови мать, Самсонова!.. Иначе будет хуже. Иначе я все расскажу в классе!

На самом деле он ничего не хотел рассказывать в классе: наказывать надо тоже не как попало.

Если орава оголтелого народа начнет плясать на чьих-нибудь косточках, из этого ничего, кроме подлости, не выйдет... Нет, Сережа Крамской ничего не хотел говорить в классе!

— Я не могу, Сереженька!

Но словно почувствовав что-то... может быть, сердцем — какую-то излишнюю тишину в комнате, где была дочь, Лидина мать открыла дверь и остановилась на пороге.

Она увидела плачущую Лиду. Это было для нее так необычно, что мать даже забыла наброситься на стоящего здесь мальчишку — наверное, каким-то образом виновника...

Она встретилась глазами с дочерью. С заплаканными глазами дочери. И вдруг Лида побежала к матери. Но не к матери, а мимо нее. Крикнула:

— Да пусти же ты!

И мать услышала, как она вбежала в ванную и закрылась на щеколду...

Попробуйте-ка объяснить матери, что ее дочь...

Сережа положил Самсоновой странное, быть может, наказание. Но, в сущности, правильное! Самсонова должна была перестать быть Самсоновой — такой знаменитой, такой авторитетной и такой якобы красивой. Пусть она все начинает заново. А там уж — как получится!

Для всего этого ей было приказано уйти из их, из привычного для себя класса. Потому он и стал это все говорить Лидиной матери. А совсем не потому, что у него было такое уж великое желание посыпать чужие раны солью и перцем.

Мать еще попробовала сопротивляться:

— А ты что? Ты можешь все это доказать?

— Могу.

И мать сразу поняла, что может. И Лида недаром спряталась в ванной, захлопнувшись на щеколду...

— Через неделю каникулы начнутся. И вы как раз можете сказать, что в другой дом переезжаете...

— Уж я найду что сказать! — с досадой и тоской ответила мать.

Сережа взял со стола журнал, пятнадцать рублей, лежащие мятым комком. Потом он показал глазами на трешницу:

— Тут должно быть семь.

И мать вдруг особенно ясно почувствовала, что

все это действительно случилось с ее дочерью, с ее Лидой... Что все это случилось с нею самой!

Нет, всего этого не может быть — ну, как смерти, допустим. Но это есть. И произошло с ней.

И от полной непоправимости своего горя мать опустилась на стул перед проклятой трешницей и громко зарыдала.

Сережа смотрел на горе, которое он причинил этой женщине. Этому дому. Ему было стыдно и горько. И он ни капельки не радовался ни своему детективному успеху, ни... вообще ничему на свете!

Тихо, словно он боялся нарушить этот громкий плач, Сережа вышел в коридор, сунул журнал и деньги в портфель...

По лестнице он уже спустился к входной двери, когда его догнал лифт. Лидина мать протянула ему пятерку и две рублевки:

— Возьми!

Глаза ее были сухи, только блестели слишком ярко...

А ворованная трешница, значит, так и осталась лежать на столе.

Эпилог

Эта история произошла в 1983 году. А в 1992 году состоится праздник пятилетки окончания школы бывшим шестым «А». Их район, прежде такой новый и голый, станет одним из самых зеленых в зеленой Москве. Они будут сидеть в Алениной квартире, в довольно-таки тесной комнате... да и как ей быть просторной, когда здесь сгрудилось человек двадцать, если не больше.

Вот сидит Таня Садовничья, которая, как ни странно, в будущем году оканчивает педагогический. Катя Тарасова работает закройщицей, Игоряшка-Тренер... ээ, да у каждого своя судьба. Но и есть что-то неуловимо общее, из-за чего они собрались тут все вместе... Они стараются не шуметь, чтобы не разбудить Аленину трехлетнюю дочку, которая спит в соседней комнате... Таня вполне мирно и даже заинтересованно разговаривает с Леной, которая раньше была Серовой, а теперь стала Коробкова. Только с Сережей у нее разговор как-то не клеится... последние девять лет!

А почему — Таня уж, пожалуй, и сама забыла. И это действительно так, потому что когда Сергей кладет вдруг на стол посреди чашек... что же он кладет-то?.. Журнал в выцветшей зеленой обложке. Крупно выведено: «6 «А».

— Что это такое, Сергей Петрович? — шутливо спрашивает кто-то... Их всех совсем недавно впервые стали называть по имени и отчеству. И теперь они не упускают случая...

— А помните,— говорит Сергей.— Ну, когда мы журнала лишились...

Таня внимательно и холодно смотрит на него — вспоминает, вспоминает.

— Слушайте, а я помню! — кричит Серова Леночка.— Тут где-то страницы должно не хватать... Варька, у тебя это... ручку что ли тогда?..

Алена удивленно смотрит на Сергея, на свою уже давным-давно главную гордость. И не может произнести: «Так... это ты... это... сделал?!»

Сережа ловит ее взгляд, хмурит брови, улыбается через силу:

— Тот, который...— Он замолкает.— Среди нас его нет!

КОНЕЦ.

Федор ХАРИТОНОВ

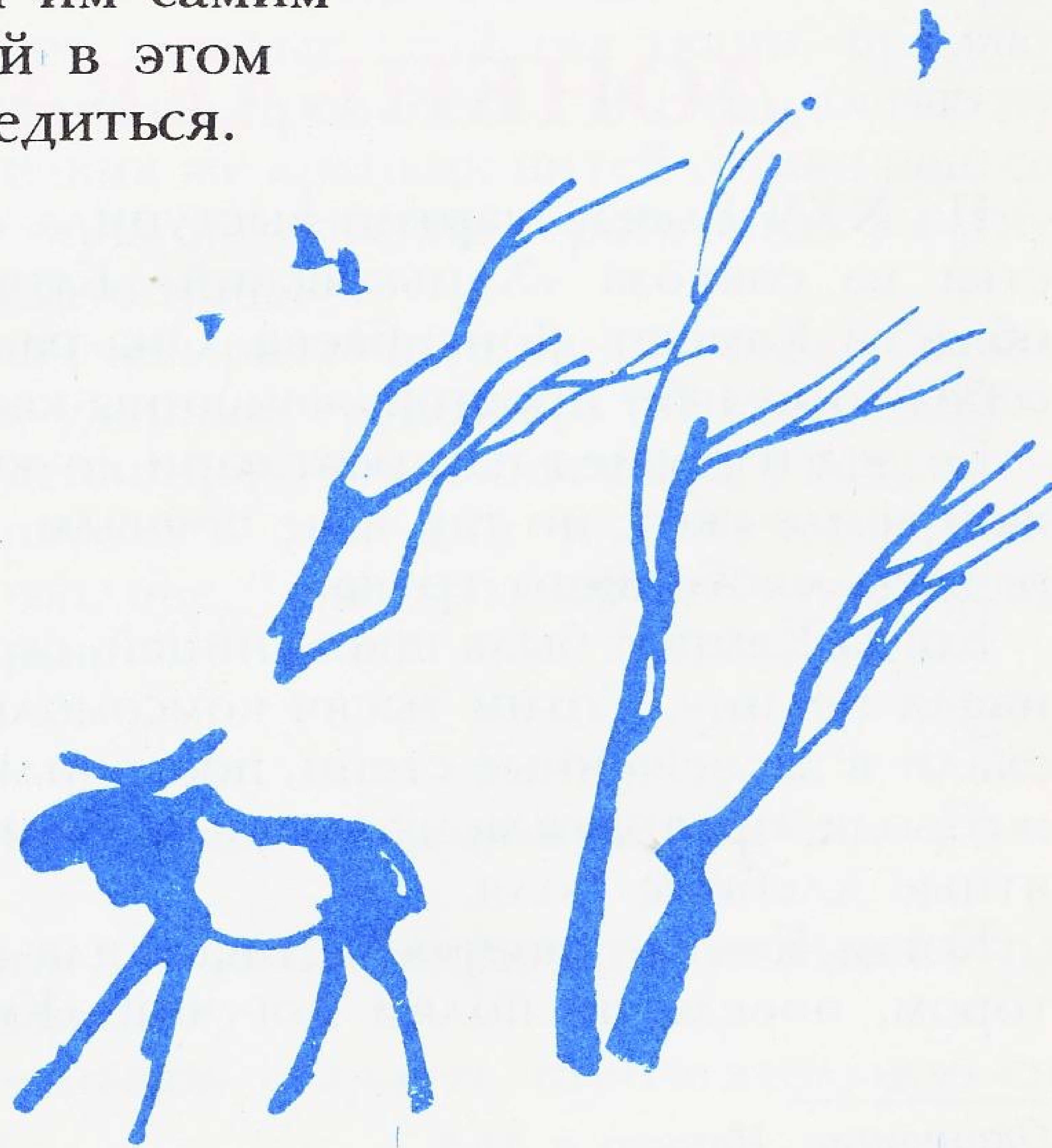
Лосъ

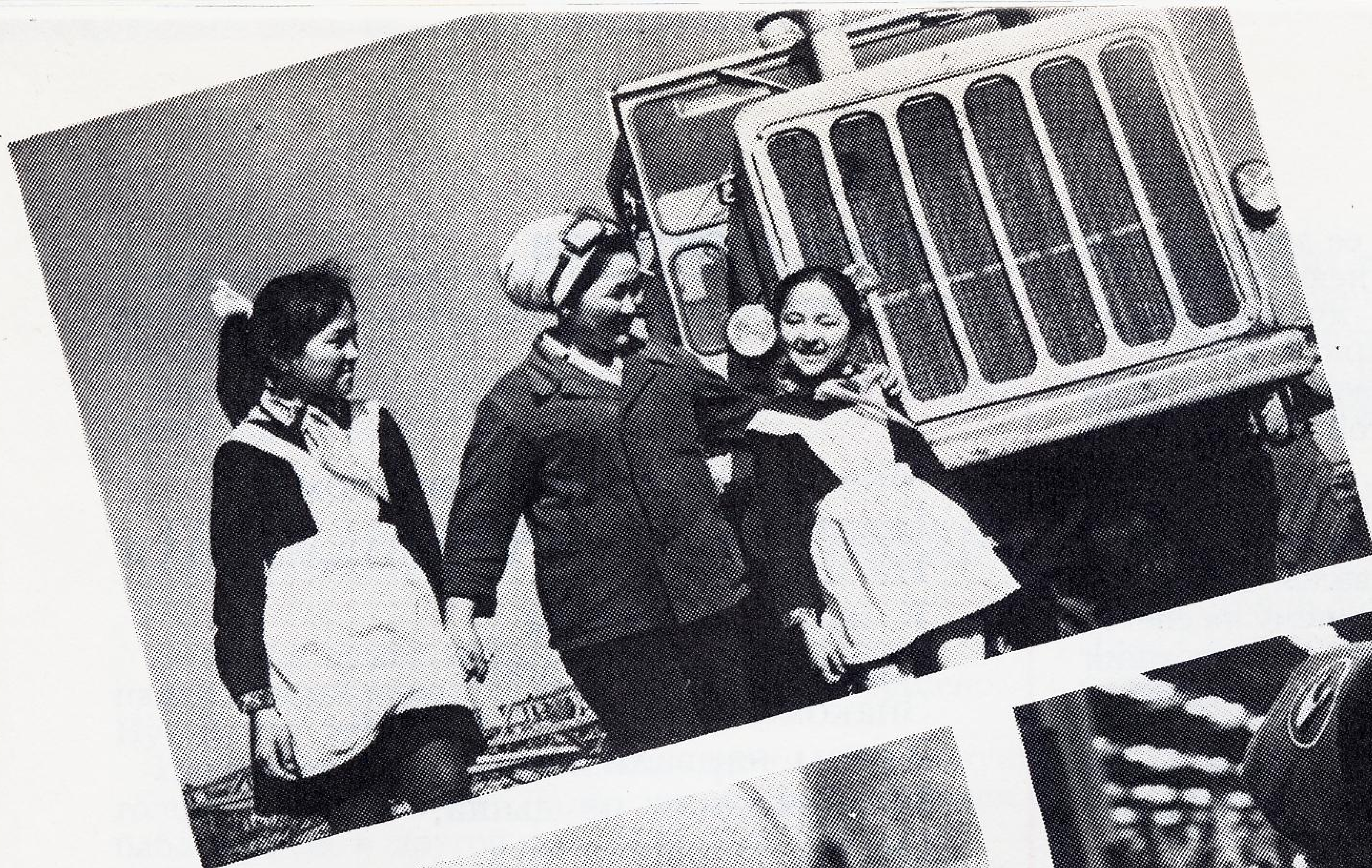
Мне как-то летом с пастухом
Пасти коров пришлось.
Не чудо ли,
К нам белым днем
Пришел из леса лось!
Знакомились мы не спеша,
Травы нарвали пук
И подходили не дыша,
Он ел из наших рук.
Воды давали в котелке,
Он робко все же пил,
Потом на солнечном лужке
С коровами бродил.
Он стал у нас почти ручной,
Хотя и дикий был,
Как только стадо шло домой,
Лось в рощу уходил.
С пятном он белым на носу
И темным на груди.
Охотник, будешь ты в лесу,
Не тронь его, пройди.

Алексей КОНДРАТЬЕВ

Как ты

И боль, и ласку
Чувствуют, как ты,
Вот эти звери
Или эти птицы;
Тебе для них
Не жалко доброты?
Ты им самим
Дай в этом
Убедиться.

Камшат Доненбаева.

Валентина Голубева.

Николай Злобин.

Е. ВЕЛТИСТОВ,
лауреат Государственной премии СССР

СТАХАНОВЦЫ

ДОНЕНБАЕВА

На XXV съезде партии выступила трактористка из совхоза «Харьковский» Кустанайской области Камшат Доненбаева. Она рассказала о себе — о судьбе простой женщины-казашки.

Ее дед и прадед пасли от зари до зари на чужой земле скот, но так и не познали, что такое радость свободного труда.

Когда Камшат была школьницей, страна осваивала целину. Сотни тысяч комсомольцев приехали в заснеженные степи, построили поселки и города, превратили пустынные земли в необъятные хлебные поля.

Когда Камшат подросла, она стала механизатором, повела по полям могучий «Кировец».

Камшат вспоминала, как она осваивала трактор: «Это такая махина — боялась даже подойти. Потом привыкла.... За своим трактором ухаживаю, как за ребенком. И трактор не подводит меня, работает безотказно...»

Как это похоже на судьбу первой в стране женщины-трактористки Прасковьи Ангелиной — Паши Ангелиной, как ее ласково, по-домашнему величали в народе. Призыв второй пятилетки гласил: люди, овладевшие техникой, решают успех строительства социализма. Вот и вывела на рассвете в поле Паша Ангелина свою тракторную бригаду. Встретили их крестьяне недоверчиво, кое-кто призывал даже «проучить», но восемь тракторов работали час за часом, и толпа любопытствующих не расходилась. А наутро село пришло просить прощения у трактористок... Через несколько лет у Паши Ангелиной было двести тысяч подруг-трактористок во всех концах страны.

Как и Ангелина, Камшат Доненбаева обратилась с открытым письмом к своим подругам: «Вы познаете истинное наслаждение творческого

Окончание. Начало в № 8.

труда, принесете огромную пользу любимой Родине». Ее призыв дошел до сердец: женщины осваивали профессию механизатора.

В выполнении Продовольственной программы, объявленной партией, важен каждый новый боец.

Сама Камшат, как и обещала с трибуны съезда, досрочно завершила десятую пятилетку. Она Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР.

ЗЛОБИН

Намечая пути совершенствования развитого социализма, Коммунистическая партия призвала советских людей к качественному, производительному труду, к экономии, бережливости, строгой дисциплине.

У каждого предприятия есть свои возможности для решения этих задач.

Бригада Героя Социалистического Труда Николая Злобина взялась возводить дома без потерь рабочего времени.

Бригада работает по новому методу: строит многоэтажные дома от «нулевого» цикла — закладки фундамента и до сдачи объекта—торжественного момента выдачи ключей новоселам. Метод называется «бригадный подряд».

Бригада за все в ответе: за ритм труда, дисциплину, заработок. Строители берегут каждую минуту, снижают себестоимость работ, экономят материалы. И каждый дом сдают с оценкой «отлично». За пятилетку бригада построит в подмосковном городе Зеленограде столько зданий, что они составят целый микрорайон.

Николай Злобин и другие знатные строители побывали на Байкало-Амурской магистрали. Они рассказывали о новом методе, давали уроки мастерства. А потом решили создать в своих коллективах школы для бригадиров БАМа.

Бамовцы побывали в «учебном классе» Николая Злобина. Работали монтажниками, звеньевыми, были дублерами самого Злобина. И уехали с хорошим настроем: ударно построить новые города и поселки!

Центральный Комитет нашей партии одобрил бригадный подряд, тысячи и тысячи строителей работают в одиннадцатой пятилетке ударно, по-злобински. Каждый из них может сказать: новый метод тесно объединяет интересы рабочего и государства.

— Новоселы, которые вселяются в удобные квартиры, не знают, что их корпус создан раньше срока,— говорит Н. А. Злобин. — Пусть люди живут счастливо. А наше дело — думать о том, как строить дома быстрее, лучше, дешевле.

СТАХАНОВЦЫ 80-х

В начале 1974 года на XVII съезде комсомола прогремело короткое и сильное, как взрыв, слово «БАМ». Тысячи людей попросились и поехали на БАМ.

Такие гигантские стройки, как Байкало-Амурская магистраль, КАТЭК, «Атоммаш», стали для молодежи жизненными университетами. Тридцать лет было Алексею Стаханову, когда он поднял Всесоюзное соревнование первых пятилеток, двадцать семь — Юрию Гагарину, когда он облетел Землю, менее двадцати — Зое Космодемьянской и Александру Матросову...

Не надо думать, что БАМ возводили одни только герои. Сюда приезжали обыкновенные люди. Но в борьбе с трудностями они закалялись, вырабатывали бамовский характер — сплав смелости и скромности, товарищества и требовательности, решительности и самоотверженности. И соревновались между собой.

Осенью 1984 года, на год раньше срока, состыковались на БАМе рельсы с запада и востока. Такой победы не знала еще история!

...Одна из самых почетных, традиционных социалистических инициатив — соревнование ткачей страны. Родилось оно в апреле 1929 года. Ивановские ткачи подписали договор с текстильщиками Московской и Владимирской областей — знаменитый «Договор тысяч». С давних пор верная дружба соединяет рабочих Центра России и Узбекистана. По традиции узбекские братья первый эшелон с хлопком нового урожая посылают в Иваново.

В истории Страны Советов навечно остались имена первых подруг-стахановок Марии и Евдокии Виноградовых, взявшихся обслуживать рекордное количество станков. За последние годы тысячи текстильщиков последовали трудовым починам «самых быстрых ткачих пятилетки», Героев Социалистического Труда — Елены Амосовой, Алевтины Смирновой, Буальмы Джураевой, Валентины Голубевой. За четыре года одиннадцатой пятилетки ткачиха Ивановского камвольного комбината В. М. Голубева выполнила 22 годовых задания. За выдающиеся успехи в труде ей вручена вторая Золотая Звезда Героя.

— Есть у нас, текстильщиков, такой термин — основа,— сказала она с трибуны XXVI съезда КПСС. — Это продольные нити, которые определяют главные свойства ткани, придают ей необходимую прочность... Я с гордостью думала: из каких же крепких нитей соткан наш советский социалистический строй, какая же у него прочная основа!

Прошло четыре с половиной года. Страна встречает ударным трудом XXVII съезд КПСС. Один из деловых починов последнего года пятилетки — работать два дня на сэкономленном сырье, топливе, электроэнергии — подхвачен миллионами.

* * *

Стаханов, Мазай, Малинина, Злобин, Голубева...

Вглядись в их лица, читатель, вдумайся в страницы жизни.

Ты осознаешь великую, притягательную силу труда.

Дина ТЕЛЕВИЦКАЯ,
участник VIII Всесоюзного
совещания молодых писателей

Беседа

Татьяна Алексеевна
Со мной ведет беседу.
Мол, стала я рассеянна,
Схватила двойку в среду,
Не дописав, сдала диктант,
Сегодня опоздала,
Мол, отвечаю невпопад
И занимаюсь мало...
А может, дома что-то,
И мне нужна забота?
...Уроки кончились давно.
Смеются дети за окном.
Там суета осенняя,
Там птицы-непоседы.
Татьяна Алексеевна
Со мной ведет беседу.
И никого здесь больше нет,
Одни мы в кабинете...
А правда, что тринадцать лет
Шекспировской Джульетте?

Перед зеркалом

Я перед зеркалом сижу
И на себя в упор гляжу:
Рот — лягушачий, ну а нос
Мой до обидного курнос.
Была бы я стройна, бледна,
Кудрява, белокура...
А тут сидишь, как дура!

Но перечитывать опять
Я много раз готова
О том, как будет танцевать
Свой первый вальс Ростова.

Вот в школе вечер тоже
Недавно был. И что же?
В углу я встала и ждала.
То плавно музыка вела,
То быстро, что есть сил.
Хоть в новом платье я была,
Никто не пригласил...

И вот у зеркала сижу
И на себя в упор гляжу
И говорю себе: «Дружок!
Пустое! Завтра — драмкружок,
Там потрудиться стоит —
А вдруг тебя «откроют»?
Вдруг суждено прославиться?..
...Мальчишки все раскаются,
Орлов вздохнет: «Я, значит,
Ошибся...» И заплачет.

Попался!

Всем известно — в школе нашей
В каждом классе свой «роман».
Я б хотел дружить с Наташей:
Брат Наташи — капитан.
Может быть, он через год
Юнгой на корабль возьмет?
Но у Нелли есть овчарка
И еще сиамский кот...
А у Зайцевых-сестер —
Тетя в цирке — билетер!
У Тамары мать — кондитер,
У Ларисы брат — шофер.
Если с каждою дружить,
Станет интересно жить.
Я смогу, пожалуй, каждой
День в неделе предложить.
От Наташи до Лариски —
Всем шести пишу записки...
...Вот из школы выхожу
И по сторонам гляжу:
Нынче очередь Наташи.
Вдруг девчонки с визгом страшным
Окружили, налетели
И велят: «Неси портфели!»

Эй, постойте!

Я по улице иду,
И, как на ладони,
Целый город на виду
У меня сегодня.
День пошел на убыль,
Год немного убыл,
И воскресный легкий вечер
Шарф надел земле на плечи,
Город весь окутал,
Тайнами опутал.
Я иду себе вперед,
А навстречу мне народ —
Молодые, старые,
Порознь или парами.
Весело гуляют,
Про меня не знают!
Как зовут и сколько лет —
До меня им дела нет!
Эй, постойте! Оглянитесь,
Улыбнитесь, что ли, вслед!
...И вдруг все остановятся,
Друг с другом познакомятся.
— Сколько лет вам? Как зовут?
Что сейчас читаете?
Часто ль в гости вас зовут?
И о чем мечтаете?
Столько смеха, добрых слов!
«Здравствуй! — крикнет мне Орлов. —
Мол, с тобою можно я?
Вот, бери мороженое!»
А я...
Вдруг крик: «Куда идешь?
Так под машину попадешь!»
И все пропало. Вновь потек
По улице людской поток:
Молодые, старые,
Порознь или парами.
Весело гуляют,
Про меня не знают...

Рисунок С. СОКОЛОВОЙ.

ДЕНЬ ЗНАНИЙ

У этого светлого и радостного всенародного праздника свои неповторимые приметы и традиции. В городе Ленина на Неве в этот день на всех автобусах, троллейбусах, трамваях — разноцветные плакатики с большим кленовым желтым листом с надписью: «Первое сентября — День знаний». И пассажиры в это сентябрьское утро особые — мальчишки и девчонки с огромными букетами астр и гладиолусов. А в это время в далеких кишлаках и аулах Средней Азии аксакалы надевают праздничные халаты с боевыми и трудовыми наградами и за руку ведут своих внуков и правнуков в сельскую школу. К мемориалу в Брестской крепости в этот день ребята возлагают букеты цветов, а на далекой Чукотке, где раньше всего начинается первый учебный день, оленеводы провожают ребятишек в школы-интернаты, где их ждет большая дружная семья. Но есть и общее у этого замечательного праздника — это первый звонок для самых маленьких, которые первый раз идут в первый класс, чтобы научиться учиться.

Вся страна готовится к Дню знаний.

Полиграфисты отпечатали вам новенькие учебники, а их немало. Три миллиона восемьсот сорок тысяч букварей на самых разных языках выпущено в этом году. А цифра всех учебников поистине астрономическая — двести миллионов!

Строители к первому сентября сдали для вас новые школы, дворцы и дома пионеров, чтобы вам и училось, и отдыхалось хорошо и весело. В нашей стране сто тридцать тысяч школ. В День знаний более сорока миллионов ребят придут в свои классы.

А теперь строчки из школьной летописи. В 1917 году Владимир Ильич Ленин подписал один из первых декретов Советской власти — Декрет об отделении школы от церкви. Безграмотной была царская Россия, а царский министр просвещения (а точнее, затемнения народа) подсчитал, что потребуется триста лет для того, чтобы население России стало мало-мальски грамотным. Триста лет! Вдумайтесь в эту цифру! Но царский министр ошибся. В 1930 году в нашей стране введено всеобщее обязательное начальное образование, а через несколько лет, в 1933—1937 годах, обязательное семилетнее образование. Сегодня в Советском Союзе завершен переход ко всеобщему среднему образованию. Такого не знала история. Партия, Советское государство никогда не жалели средств на народное образование, потому что нашей стране нужны грамотные, высокообразованные, культурные люди, которым предстоит продолжить дело отцов, жить, учиться и работать уже в XXI веке.

День знаний — замечательный день. И пионерская дружина вместе с вожатой готовится к нему заранее. Пионеры открывают в школе самые разнообразные выставки: «Как мы провели лето», «Дела нашей ученической бригады», «Наши шефы». Юные книголюбы к Дню знаний готовят выставку новых книг, поступивших в библиотеку, а юнкоры и фотокоры выпускают праздничные номера стенных газет, посвященных празднику знаний. Пионерский актив приглашает на школьный праздник ветеранов войны и труда, бывших воспитанников школы, народных депутатов, ударников пятилетки. Они напутствуют и первоклассников, и десятиклассников, вместе с ними фотографируются, а после занятий устраивают экскурсию на заводы и фабрики.

Совет дружины заботится о том, чтобы в этот день были открыты увлекательные клубы для октябрят — «Почемучка», «Буратино», «Хочу все знать». Для ребят постарше — различные кружки по интересам. Пусть каждый в этот день найдет себе дело по душе и будет учиться с увлечением, а может быть, и сам предложит вести какой-нибудь кружок, если он получил звание пионера-инструктора.

День знаний — это праздник, и он начинается с торжественной линейки. Накануне ее школьный радиоузел передает самые задорные песни о школе, учителях, дружбе и товариществе. Во многих школах проходят уроки мужества, уроки Гагарина, уроки мира, а после занятий веселый школьный вечер. Каждый может здесь показать свои таланты и способности.

Звенит первый звонок. Он зовет вас в школу. Он зовет вас к новым знаниям, новым открытиям, к интересной, увлекательной жизни в новом учебном году!

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ЗА» И «ПРОТИВ»

ПЕРЕВОД со школьного...

Подслушивать чужие разговоры я не люблю. Но как-то в автобусе услышала: «Прошвырнемся после этой тягомотины!» — «Лучше рванем ко мне. Предков нет, маг врубим».

На остановке мои попутчики вышли и, размахивая портфелями, побрели по дорожке. Школьники как школьники, обыкновенные мальчишки. Почему же говорят на каком-то странном, непонятном мне языке?

Я начала прислушиваться к разговорам школьников. Вскоре уже понимала, даже переводила непонятные слова другим взрослым: притаранить — означает принести, шузы — ботинки, железно, законно, потрясно — прекрасно, замечательно, чудесно.

Но не могла я решить, почему же нельзя говорить на одном, понятном всем языке? Зачем изобретать такие колючие, корявые слова?

Бунт «прикола» и «бузы»

«Нас, учителей, удивляет парадокс: в школе мы учим ребят правильному, красивому языку. Но именно здесь, в школе, возникает школьный жаргон — неправильная, какая-то обедненная речь. Думаю, ребята говорят на жаргоне из-за недостатка культуры, небольшого запаса слов». Б. А. Макарова, учительница 498-й московской школы.

«В учебнике литературы, в речи учителей повторяются одни и те же слова: «положительный герой», «отрицательный герой», «типичный представитель». В сочинении пишешь их же, нанизываешь строчку за строчкой. А выйдешь из класса, скажешь «прикол», «буза» и будто освободился от этого однообразия. Пусть грубо и некрасиво, зато необычно, по-своему». Настя Потапова, 8-й класс.

«Жаргонные слова очень портят язык. Стараюсь обходиться без них. Поэтому речь моя кажется одноклассникам искусственной, книжной. Я чувствую себя среди них «белой вороной». Аня Романова, 6-й класс.

«Жаргон помогает нам объясниться. Его слова точные и краткие. Взрослые их часто не понимают, поэтому запрещают говорить. Но есть же свои слова у людей разных профессий, непонятные другим. Никто не говорит, что они плохие. И в разных странах свой язык. Школа — целая страна. Почему же у школьников не может быть своего языка?» Ира Брикатушкина, 6-й класс.

Как видите, разные мнения. Многие взрослые считают, что жаргон засоряет и портит речь. Ученые, которые изучают язык, школьный жаргон и языком-то не считают. Что же это за язык без своих грамматических правил, даже без постоянных слов? Самостоятельно и жить не может. Глаголы жаргона спрягаются по законам русского языка, а существительные склоняются так же, как и существительные языка литературного.

Школьники часто соглашаются с тем, что речь эта второсортная, но отказаться от нее не решаются, боятся стать иностранцами в своей школьной стране. Некоторым жаргонные слова кажутся точными, яркими, необычными, помогают объясняться с друзьями. Других привлекает то, что взрослым непонятны жаргонные слова, они как бы отделяют ребят от мира родителей и учителей, делают само-

стоятельными. Кто-то, выкрикивая «прикол» и «буза», бунтует против однообразия языка некоторых учебников. Но кто же придумал такой способ бунта? Кто изобрел жаргон?

«Поёрчим бендюхом...»

«Мне кажется, автора у жаргона нет. Возник флот — появился язык моряков, строительное дело — язык строителей». Маша Блинчевская, 6-й класс.

«Жаргон скорее всего изобрели современные школьники. Непонятный взрослым язык делает их более самостоятельными». Олег Голованов, 6-й класс.

В давние времена, когда бродили еще по дорогам странствующие музыканты и ремесленники, нищие и торговцы, появились у разных групп людей свои слова, непонятные другим, не посвященным в их дело.

Особенно нуждались в таких словах коробейники — бродячие торговцы мелким товаром. Они боялись налетов грабителей, старались скрыть путь, по которому везли набитые товаром коробейки, место и время остановок. Вот и условились день называть «бендюх», ночь «меркуть». Попробуй-ка догадайся, о чем идет речь: «Поёрчим бендюхом, а не меркутью».

Когда появился флот, моряки дали свои названия предметам. Уже не с целью засекретить речь, а сделать ее более точной, легче и быстрее понимать друг друга. Говорит капитан моряку «линь», и тот сразу понимает, о чем идет речь. А скажет «веревка», моряк будет думать-гадать, про какую веревку говорит капитан, не сразу выполнит приказ.

Профессиональный язык помогает объясняться людям одной профессии. Сохраняя древние традиции морского дела, моряки и сейчас называют ра́порт — «рапо́ртом», пол — «палубой», окно — «иллюминатором».

Высшая знать общества, разные важные особы, подчеркивая свое высокое положение, разговаривали на «светском» жаргоне. В начале XIX века, например, это была очень сложная французско-русская речь. Человека, который не знал французского языка, говорил просто, эти господа считали необразованным, невоспитанным. И представьте, какой переполох произошел бы, заговори в этом кругу человек на жаргоне извозчиков.

В школьных коридорах, несмотря на смятение взрослых, раздавались свои слова: «сизяки», «зубари», «шинаши»...

Возможно, кто-то из наших читателей обрадовался: «Если жаргон живет с давних времен, может, и бороться с ним не надо? Значит, непобедимые это слова?»

Гнев критика А. Шишкова

«Борьба с жаргоном необходима. На примере классической литературы надо показывать ребятам, что есть другие слова, точные и красивые». Б. А. Макарова, учительница 498-й московской школы.

«Увлечение школьным жаргоном приходит и проходит с возрастом. Вот если взрослый человек продолжает говорить на школьном жаргоне, это вызывает опасение». В. С. Николаева, сотрудник Института усовершенствования учителей.

«Я не говорю жаргонных слов, и слышать их мне неприятно. Все повторяют одни и те же слова. Жаргон — речь однообразная. Бороться с жаргоном надо, но как, я не знаю». Ира Королева, 7-й класс.

«Разве так важно, что каким словом назвать? Главное, чтобы тебя понимали». Марина Росина, 7-й класс.

Во времена А. С. Пушкина старики осуждали молодежь за то, что они вместо слова «ученая» книга стали говорить «научная», «талантливый» человек вместо «даровитый». Когда впервые прозвучало слово «человечность», образованное от слова «человек», у защитников старины была вспышка гнева. Яростный борец за чистоту русского языка критик А. Шишков писал: «Эти молодые люди безобразят язык свой введением таковых слов, например, как моральный, эпоха, энтузиазм, человечность. Не понимают, что не могут обветшать прекрасные и многозначащие слова, таковые, как дебелый, присно и от них происходящие».

Борьба за слова была борьбой и за взгляды, идеи, понятия. Защитники новых слов боролись не просто за слова «человечность», «моральный», но и за новые, справедливые отношения в обществе. Борцы за старые слова были защитниками старых взглядов, порядков.

Язык живет по законам общества. Появилось что-то новое в жизни — новое слово возникло. Стерся, забылся предмет — название его ушло из языка. Или связано теперь с другим предметом — имеет новое значение.

Слово «воображать» означало для современников Шишкова мечтать, фантазировать. Позором называли спектакль, представление, а сейчас совсем иное... Но редко кто вспомнит теперь значение слов «присно» и «дебелый». «Какие нелепые изменения»,— ворчал бы Шишков.

Внимательно прислушиваясь, какие слова употребляет твой собеседник, можно определить его взгляды, интересы, даже возраст. Борьба за слова — это и борьба за культуру, нравственность человека.

Что можно сказать о вкусах людей, которые во всех случаях жизни говорят: «прикол»? Плохо — прикол! Хорошо — прикол! Жарко ли, холодно — прикол! Что утверждает, за что борется это слово? Не оттого ли быстро уходят из языка неточные, невыразительные жаргонные слова?

Граммофон — пластинка — диск

«Некоторые жаргонизмы остаются в языке. Слово «двурушник» иногда вспоминают, а слово «диск» уже и в газетах появляется». Алеша Попов, 8-й класс.

«Сомневаюсь, что слово «диск» лучше слова «грампластинка». Таня Новицкая, 7-й класс.

«Мне кажется, школьный жаргон часто дополняет язык. Он только идет как бы впереди. Когда к слову привыкают, и взрослые начинают говорить его». Света Брагина, 7-й класс.

Школьный жаргон обновляется часто, почти каждое десятилетие. В 70-е годы с модой на джинсы, ковбойские фильмы, английскую и американскую эстрадную музыку появились в языке школьников странные слова, образованные от английских: shoes—шузы́—ботинки, geans—джины́ — джинсы, girl — герла́ — девочка.

Пришло и слово «диск». Несколько лет назад оно было известно лишь любителям «поп-музыки». Так называли пластинку с записью песен и мелодий эстрадных ансамблей. Позже стали называть любую долгоиграющую пластинку. Наконец, слово «диск» появилось и в газетах, заменяя слово «грампластинка». От него образовались новые: «дискоклуб», «дискотека».

Слово «грампластинка» было связано с граммофоном, произошло от него. Но граммофон давно ушел из нашего обихода, и слово «грампластинка» как бы утратило свой внутренний смысл. Останется ли в языке «диск» или придет другое название, трудно сказать. В языке остается все точное, выразительное, отсеивается случайное, бессмысленное, лишнее.

Может, оттого и живут не одно столетие яркие и точные слова моряков. Но школьный жаргон меняется часто, словно мода на джинсы и платья. Когда же уходит человек из школы, забывает он «клевые супера» и «прикол», как школьную форму, из которой вырос.

Предлагаем тебе, дорогой читатель, продолжить наш разговор. Как ты относишься к школьному жаргону: за или против него?

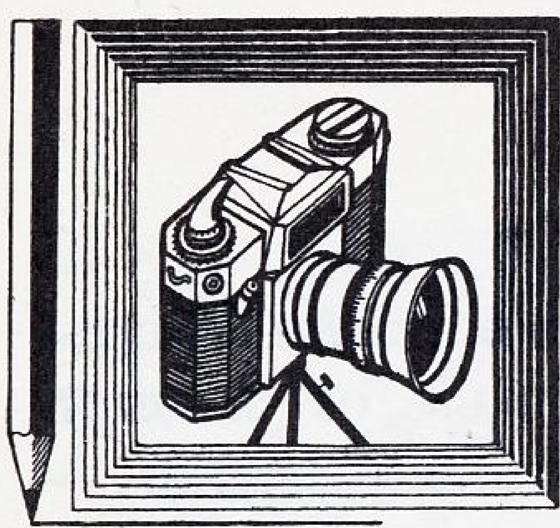
Если борешься с ним,— расскажи, как!

Говоришь на жаргоне, напиши, почему?

Н. ДАВЫДОВА.

В разговоре участвовали члены литературного клуба Московского городского Дворца пионеров и школьников.

Рисунки А. БОРИСОВА.

МУРМАНСК

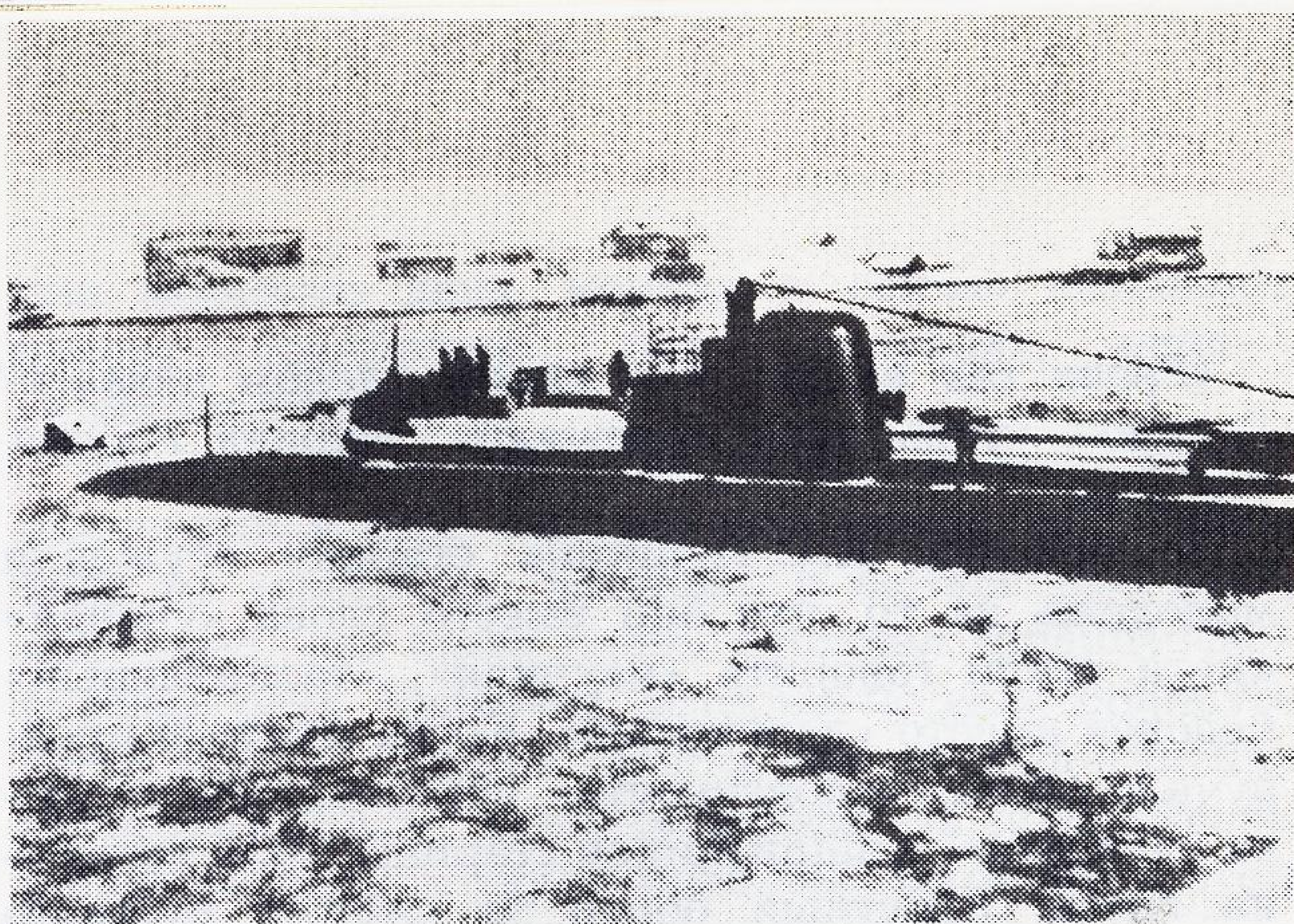
Каким городом во время Великой Отечественной был Мурманск — тыловым или фронтовым? Наверное, в военных документах он значился как тыловой, но нам надо знать, что через Мурманск проходил фронт — трудовой фронт. С первых же дней войны жители города включились в трудную работу по оказанию помощи Советской Армии: переоборудовали рыболовецкие суда в боевые, изготовляли автоматы, гранаты, минометы. Рыбаки продолжали выходить в море — рыба нужна была людям так же, как хлеб, как молоко. Несколько эшелонов с рыбой мурманчане отправили в блокадный Ленинград, и кто знает, сколько жизней спасли этим подарком.

Но самой важной работой Мурманска была работа в порту. Порт принимал союзные конвои. Караваны судов с оружием, боеприпасами, зерном приходили в Мурманск. На пути к городу их бомбили с воздуха фашистские самолеты, торпедировали фашистские подлодки, но грузы были жизненно необходимы нашей стране, воюющей с гитлеровской Германией. И караваны доходили до Мурманска... Там, в порту, не ожидало их спокойствие. Разгружать суда приходилось под бомбежкой. За время войны гитлеровцы совершили на город 792 воздушных налета, сбросили около 7 тысяч фугасных, около 200 тысяч зажигательных бомб. Они стремились прорваться к городу, по крайней мере уничтожить порт, перервать транспортную цепочку. Это им не удалось. Советские воины, советские моряки героически отстаивали город. Мурманский порт ни на минуту не прекращал работы... На причалах слышалась не только русская, но и английская речь. Советские, английские, американские моряки вместе переносили тяготы войны, подчас вместе тонули и по праву вместе праздновали Победу, когда она пришла весной 45-го.

В канун 40-летия Победы над гитлеровским фашизмом Мурманск и Смоленск пополнили список городов-героев. Отгремели залпы праздничных салютов, но не умолкла наша память. От победной весны 45-го двигается она к победной осени 45-го — к победе над милитаристской Японией. В эту победу СССР внес решающий вклад — именно наступление советских войск определило перелом в войне на Дальнем Востоке, принесло освобождение порабощенным народам.

Победа над фашистской Германией и милитаристской Японией нелегко далась людям. Уроки второй мировой войны не должны быть забыты. Земля хочет мира!

Фотографии издательства «Планета».

Моряки Северного флота стойко защищали Мурманск, другие города на Кольском полуострове. Среди льдов, в полярную ночь, в шторм и стужу несли вахту советские воины...

Мурманск сегодня —
город труда, город науки.
Мирно живет он
под добрым небом Севера.
Но как напоминание,
как предостережение
высятся среди сопок обелиски...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРЕСС-ЦЕНТР «ПИОНЕРА»

КТО ПОВИНЕН В ГОЛОДЕ?

ХОЧУ СПРОСИТЬ...

Я слышала, что миллионы африканцев голодают и гибнут от голода. Помогают ли им другие страны бороться с голодом?

Лена К., город Новокузнецк Кемеровской области.

Африку постигло стихийное бедствие — сильнейшая засуха. 150 миллионов африканцев вынуждены сегодня голодать. Но в трагедии миллионов голодных и погибших от голода виноваты не только климатические условия. Нынешняя нищета и страдания африканских народов — результат долгого господства империалистов на «черном континенте». Начиная с XV века Африку беспощадно грабили колонизаторы. Они выкачивали из ее недр полезные ископаемые, вырубали леса, ценные породы деревьев. В результате пересыхали реки, гибли животные, почвы превращались в пустыни. Голод подстерегал африканцев все чаще, превращаясь в огромную трагедию во время засух.

Западная пропаганда громко заявляет о «помощи», благодаря-де которой африканцы могут спастись в засуху от голода. Однако «помощь» эта на самом деле — шантаж голодом. Обещая продовольствие, США, например, ставят перед африканскими правительствами условие: отказаться от прогрессивного курса и вновь пустить американские монополии в страну. А значит, вновь позволить им беззастенчиво грабить ее богатства.

Если же страна отказывается от этих условий, то в ход идут другие средства. Это хорошо видно на примере Эфиопии. Империалистическая агентура собрала банды контрреволюционеров, которые начали воевать против народной власти. Под видом участия в программе международной продовольственной помощи США стали направлять продовольствие... эфиопским контрреволюционерам.

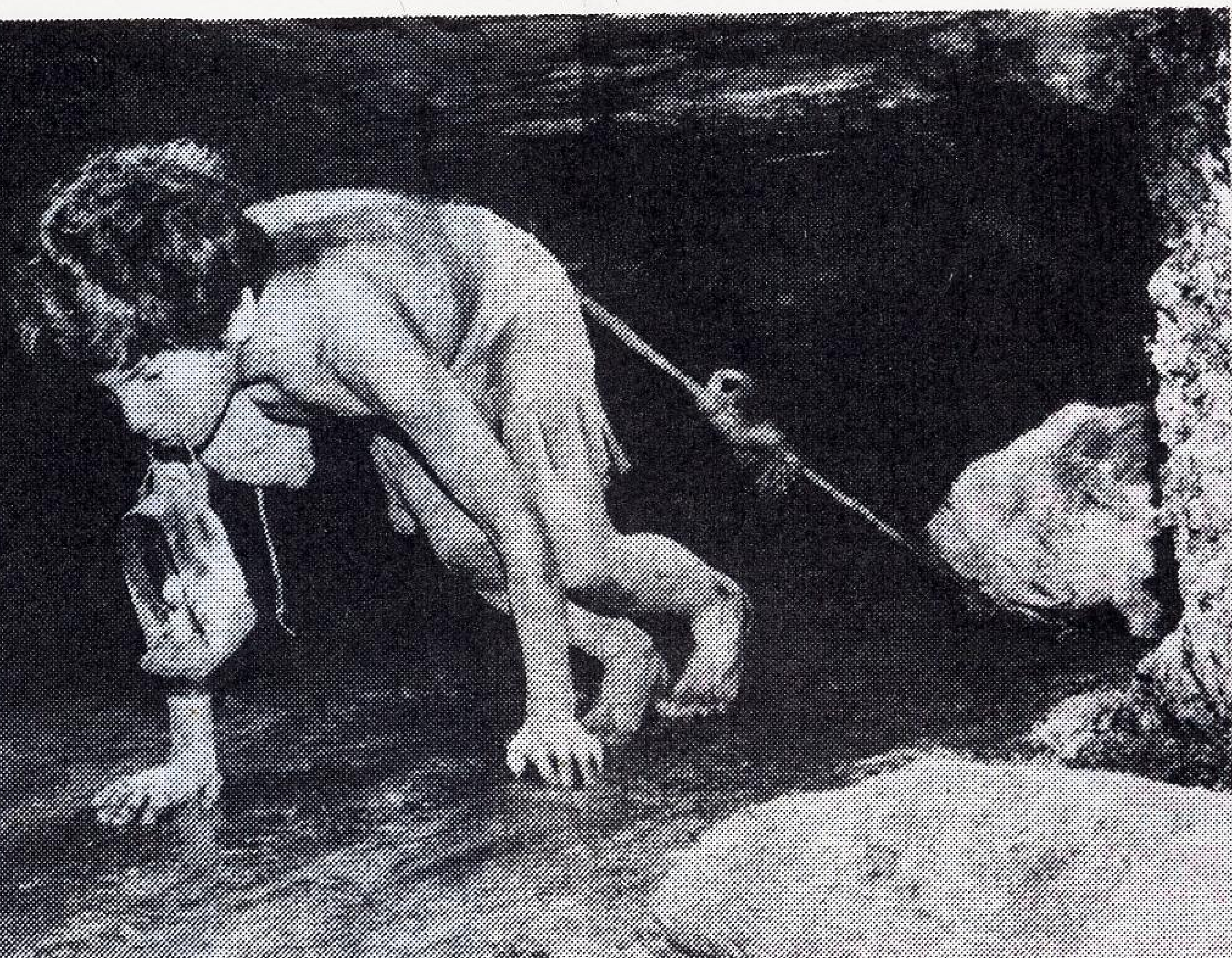
То же самое происходит в Мозамбике и Анголе, где банды, вооружаемые и снабжаемые США и ЮАР, грабят население, сжигают посевы, взрывают склады с продовольствием.

В ряде районов Африки пошли дожди — счастье и жизнь для народа. Наполнились водой водохранилища, последним зерном были засеяны поля. Казалось бы, засуху удалось победить. Но вновь бандиты, подстрекаемые империалистами, творят свое черное дело. Они взрывают плотины, и вода, которая должна нести жизнь, уничтожает поля. Так что на деле получается, истинными виновниками несчастий африканцев стали империалисты с их жаждой наживы.

Африканским странам, пострадавшим от засухи, бескорыстно помогают СССР, другие социалистические страны. Наша помощь безвозмездна. Она идет от чистого сердца, от гуманных чувств наших народов. Наша помощь — это еще одно свидетельство преимуществ социалистического образа жизни перед капиталистическим.

В. МИХАЙЛОВ

КУДА УШЛО ДЕТСТВО

Звонок будильника поднимает двенадцатилетнего Питера Фиддика в половине шестого. Он хронически не высыпается и всегда встает в мрачном настроении. Остальные члены семейства Фиддик еще спят. Им торопиться некуда. Они безработные. А у Питера есть работа — он упаковщик на фотографической фабрике «Кодак». И пусть зарабатывает гроши, все же это деньги, на которые хоть иногда вся семья может пообедать...

В настоящее время в капиталистических и развивающихся странах около 150 миллионов детей в возрасте от 8 до 15 лет вынуждены работать, чтобы добывать средства на жизнь для себя и близких.

Детский труд дешев. А потому капиталисту выгоднее нанять подростка, чем взрослого человека. В Египте, например, девятидесятилетние мальчишки роют траншеи, работают подручными у каменщиков, гнут спину на текстильных фабриках. Владелец одной из таких фабрик, нисколько не смущаясь, сообщил корреспонденту американского журнала «Ньюсуик», что 70 процентов его рабочей силы — дети и подростки: «Они выполняют у меня ту же работу, что и взрослые, а получают в несколько раз меньше».

Дети не ведают таких ненавистных для предпринимателей слов, как «профсоюз» или «забастовка». Их легче обирать и безжалостно наказывать, не опасаясь, что они обратятся с жалобами к властям. Еще тяжелее участь детей, которые попадают в услужение в богатые дома. Там к унижениям и побоям добавляется еще и одиночество.

Ну, а родители? Как допускают они, чтобы их детей безжалостно эксплуатировали?

В том-то и состоит трагедия, что родители вынуждены посылать детей на работу. На любой, даже мизерный заработок. Это лучше, чем умирать с голоду всей семьей.

... По дороге на фабрику Питеру Фиддику попалась на глаза реклама нового мюзикла «Куда ушло детство?». На рекламе опрятный, ухоженный мальчуган наигрывал на рояле веселую мелодию, под которую танцевали его школьные товарищи. Надо было понимать, детство этого мальчугана было беспечным и радостным. А что останется от детства в памяти Питера? И в памяти 150 миллионов его сверстников?

И. МОНИЧЕВ

У ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

БОРЬБА ДО ПОБЕДЫ

Тринадцатый район столицы Гватемалы. Полдень. Идет облава. Ищут партизан. Агенты в штатском останавливают автобусы и автомобили. Грубо выталкивают пассажиров, пристально выверяют фотографии в удостоверениях личности. Подозрительных сажают в спецмашины. Тех, кто пытается возражать, избивают...

Таковы будни гватемальской столицы сегодня. Правящая антинародная хунта объявила, что навсегда покончит с «красными». Поэтому так жестоко здесь расправляются со всеми инакомыслящими. Особенно бесчинствуют «эскадроны смерти» — фашистские формирования из богатеев и их приспешников. Каждое утро в придорожных канавах жители гватемальских городов и поселков находят трупы профсоюзных и студенческих активистов. Это дело рук «эскадронов».

Неисчислимы беды простых гватемальцев. Гватемала в Центральной Америке — «рекордсмен» по детской смертности. От голода, болезней, пуль карателей гибнут тысячи детей. Спасаясь от террора, дети уходят к партизанам. Ныне в партизанских отрядах сражаются сотни ребят.

Несмотря на террор и репрессии, несмотря на помощь США хунте, в Гватемале ширится национально-освободительная борьба. Уже в двадцати двух провинциях действуют партизаны. Два года назад четыре большие группировки объединились и выбрали единое командование. Новая организация получила название Революционный Национальный Союз. В первом его обращении к народу были такие слова: «Какая бы хунта ни стояла у власти, как бы американские империалисты ни поддерживали ее, народ Гватемалы не смирится с угнетением и бесправием...»

Патриоты будут бороться до победы!

С. РУХОВИЧ

МОСКВА.
ПИСАТЕЛЮ
АЛЬБЕРТУ
АНАТОЛЬЕВИЧУ
ЛИХАНОВУ
ЖУРНАЛ "ПИОНЕР"
ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС
С ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ.
ЖЕЛАЕМ
ЗДОРОВЬЯ,
ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ.
ЖДЕМ
НОВЫХ КНИГ.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Пять лет назад писатель Альберт Лиханов собрал в одну книгу свои повести «Мой генерал», «Музыка», «Лабиринт», «Солнечное затмение» и дал им общее заглавие «ТВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ». А в предисловии написал, что день рождения у каждого человека не одинединственный в году и не одинединственный в жизни.

Как же так? Почему не единственный? И я знаю, и каждый знает, в каком году родились, в каком месяце, в какой день.

«И все-таки,— отвечает нам Альберт Лиханов.— Все-таки день рождения у человека не один».

А дальше в своем предисловии к книге он говорит, почему так получается:

«Вот случилась с тобой беда, ты тяжело заболел, едва выкарабкался, и тот первый день, когда ты почувствовал себя здоровым, когда понял, как это удивительно — дождик за окном, шум проехавшей мимо машины, голос друга,— когда понял, как прекрасно жить,— тот день можно назвать еще одним твоим днем рождения.

Или другое. Ты жил пугливо, слушал и того, и другого, со всеми соглашался, забыв про самого себя, а потом взбунтовался, не согласившись ни с тем, ни с другим, сказал, что думаешь на самом деле,— почувствовал себя самим собой. И такая вдруг у тебя легкость, такое освобождение, и дышится, и смеется радостнее — разве вот такой день не день твоего рождения?..

...С рождения начинается человек. И он рождается еще много раз, пока не превратится в достойную личность».

Такое вот предисловие в книге. А в повестях, которые в нее вошли, рассказано о разных днях рождения и о разных ребятах, совсем маленьких и почти взрослых, но есть между героями этой книги общее — они не откладывают самостоятельные поступки на будущее, стремятся действовать решительнее сегодня и сейчас.

Писатель Альберт Лиханов очень крепко верит в этих своих героев и верит вообще во всех ребят — младших, средних, старших. Верит в их умы и сердца, в их жажду справедливости. И он верит в своих читателей. Верит, что они могут все понять в написанной для них книге — надо только писать для ребят самую чистую правду.

Откуда же у писателя такое понимание детских чувств, детских мыслей, детского разума, детской отваги? Я думаю, что взялось все это, составляющее талант писателя, из его собственных дней рождения. Вот о них я и хочу рассказать всем тем, кто знает и любит книги Альберта Лиханова, лауреата Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола.

Он родился 13 сентября 1935 года в городе Кирове, в старом деревянном доме, где прожили свою жизнь многие поколения Лихановых.

Отец будущего писателя Анатолий Николаевич был по специальности слесарем, а мать Милица Алексеевна работала медицинским лаборантом.

Жила-была дружная семья. А потом их мирную жизнь оборвала долгая война. Отец ушел на фронт, мать стала лаборантом в госпитале. Время шло голодное и холодное. С фронта прибывали эшелоны с ранеными. Мать сдавала свою кровь для переливания и за это ей как донору полагалось дополнительное питание. Даже масло! И, конечно, мать отдавала масло маленькому сыну. Оно было удивительно вкусным. Но однажды сын понял, что капельки масла — это материнская кровь. Он запомнил этот день, как день своего рождения. Родился человек с чуткой совестью.

Потом Альберт Лиханов, вспоминая свое голодное детство, скажет, как он благодарен судьбе за то, что его детство

пришлось на такое трудное и счастливое время.

«Мы ждали отцов с фронта и жили этим ожиданием, мы ждали победы и свято, как весь народ, верили в нее, мы делили со взрослыми тяготы, которые выпадали им, и трудности эти рождали в нас добрые чувства: сострадание, веру, максималистскую доброту».

Сострадание. Вера. Доброта. Какие прекрасные дни рождения!

И на ту же пору приходится день рождения страстного читателя.

Бабушка Мария Васильевна повела мальчика первый раз в библиотеку. Его спросили, про что он хотел бы почитать. «Про войну!» — ответил он, не задумываясь. Но получил от библиотекаря еще довоенную книгу Бориса Житкова «Что я видел». Интересную и веселую. Однако очень многие места, описанные в книге, были тогда заняты фашистами, и потому мальчику было иной раз горько читать веселую книгу. Но все равно интересно. Он полюбил чтение, полюбил библиотеку. В старших классах Альберт Лиханов сделался прилежным посетителем областной библиотеки имени Герцена, собрал свою домашнюю библиотеку.

А потом он уехал учиться в Свердловск на отделение журналистики Уральского университета. И пришел день, который можно назвать днем рождения неутомимого журналиста. Альберт Лиханов объездил всю свою родную Кировскую область, побывал в Западной Сибири, написал статьи и очерки о колхозниках и строителях, об ученых и бойцах студенческих строительных отрядов.

И все эти годы в нем жила память о военном детстве. Вышли первые книги, но самые заветные еще были впереди. Это повести Альберта Лиханова для детей «Звезды в сентябре» и «Чистые камушки», опубликованные в журнале «Пионер». И день появления первой из них стал днем рождения детского писателя Альберта Лиханова, которого сегодня знают миллионы ребят.

Почему я считаю днем рождения выход «Звезд в сентябре» и появление «Чистых камушков»? Да потому, что это были первые в детской литературе книги о военном детстве. Книги, в которых по-новому раскрылись возможности ребенка. И прежде всего возможность маленького годами человека понять все то, что и взрослому трудно дается. В этих книгах — ключик к тому секрету, которым владеет Альберт Лиханов. К умению писателя показать в своих книгах, что «...маленький человек отличается от взрослого только отсутствием житейского опыта, а это — естественно. Что же касается главных личностных качеств и прежде всего слагаемых души — тут он ни в чем взрослому не уступает. А то еще и глубже, искреннее, чище — страдает и сострадает, бьется за справедливость, бунтует против зла».

Эти слова сказаны Альбертом Лихановым в книге, адресованной взрослому читателю, но не сомневаюсь, что и вам окажется понятен их смысл.

Расскажу еще о двух днях рождения Альберта Лиханова.

Весной 1963 года он получил приглашение приехать в Москву на Всесоюзное совещание молодых писателей. Альберт Лиханов повез туда не только свои первые книги. В зеленом рюкзаке лежали две сотни экземпляров коллективного сборника «Молодость». Инициатором издания этого сборника молодых поэтов, его редактором и автором предисловия был Альберт Лиханов. День выхода сборника можно считать днем рождения человека, который всегда будет хлопотать за молодых и начинающих, который возглавит Совет творческой молодежи ЦК ВЛКСМ, объединяющий молодых писателей, художников, композиторов, архитекторов.

А потом будет день рождения новой библиотеки в Уренгое на севере Тюменской области. Эту библиотеку соберет молодежь и пионеры всей страны по инициативе журнала «Смена», главным редактором которого уже много лет является писатель Альберт Лиханов.

День рождения библиотеки — разве это не его праздник, не его день рождения...

И был у писателя не один грустный день — день посещения детского дома. Ребята в детских домах и сыты, и одеты, но лишены очень нужного человеку с первых дней жизни — родительской любви и заботы. Кто им может помочь? Прежде всего творческая молодежь, молодые писатели, артисты, музыканты. Четыре года назад по предложению писателя Альберта Лиханова родилось новое дело — шефство над детскими домами. И это был тоже его день рождения.

Мой рассказ — не о том, как вообще пишутся книги и как работает над своими книгами Альберт Лиханов. Это особый разговор. А мой рассказ о том, какими человеческими качествами, какими делами и поступками движется труд за письменным столом, какую большую общественную работу ведет писатель наряду со своей литературной работой.

Знайте об этом и помните. Потому что настоящие книги, которые вас волнуют и зовут к действию, пишутся только так.

И. СТРЕЛКОВА

ПОДНЯТЬ ЗАНАВЕС

ТЮЗ — это сокращение. Полное имя у театра длинное и торжественное: Ленинградский государственный ордена Ленина лауреат премии Ленинского комсомола театр юных зрителей имени народного артиста СССР А. А. Брянцева.

Имя Александра Александровича Брянцева недаром присвоено театру. Брянцев был человек удивительный, нередко его называли «волшебником детского театра». По его инициативе 23 февраля 1922 года состоялся первый спектакль одного из первых детских театров нашей страны — Ленинградского ТЮЗа. Ну разве не поразительно, что в холодное, голодное время появляется человек, который твердо верит: детям свой театр необходим! Не только крыша над головой нужна им, не только хлеб, не только знания, но и театр.

Александр Александрович знал: театр для детей должен быть необыкновенным — и придумал то, чего нет ни в одном взрослом театре: он придумал Делегатское собрание. Брянцев рассуждал так: в своем театре дети должны быть хозяевами. И чтобы театр был интересным и живым, все вопросы надо решать сообща театральным работникам, детям, родителям, учителям. Возможно ли такое? Я бывал на общих сборах Делегатского собрания и могу твердо сказать: возможно.

Представь себе зал, в котором рядом сидят дети и взрослые, зрители и актеры, режиссеры и педагоги. Все вместе заняты общим делом: обсуждают театральные дела. Что у театра получается хорошо, а что не очень? Каких спектаклей ждет от театра зритель? И чем этот зритель может в создании спектаклей помочь? А потом начинается веселое представление. Шуточные номера показывают сначала зрители для актеров, а потом — актеры для зрителей.

На сцене обязательно устанавливается портрет А. А. Брянцева. Он смотрит на сегодняшних делегатов и, кажется, присутствует среди них.

Трудно было заменить Александра Александровича после его смерти. Нужен был новый главный режиссер, который сумел бы не только не потерять созданное Брянцевым, но и создать свое. Ленинградскому ТЮЗу повезло: именно такой замечательный режиссер руководит им уже многие годы — Зиновий Яковлевич Корогодский .

Быть режиссером детского театра очень сложно: он должен быть и постановщиком, и организатором, и педагогом... У Корогодского все это получается отлично! Какой бы спектакль он ни ставил, он никогда не поучает. Нет, он всегда размышляет вместе с тобой. Его спектакли — поиск, а не готовое решение. Может быть, поэтому так и любят его зрители всех возрастов.

ТЮЗ объездил с гастролями множество городов. Зиновий Яковлевич всегда и везде находит время, чтобы встретиться с ребятами.

На этих страницах Зиновий Яковлевич Корогодский беседует с читателями журнала «Пионер», а в следующих номерах ответит на вопросы, которые ребята прислали в редакцию.

А. МАКСИМОВ

З. Я. КОРОГОДСКИЙ,
главный режиссер Ленинградского театра юных зрителей, народный артист РСФСР

ЧЕЛОВЕК= =ХУДОЖНИК

Все в детстве мечтают стать героями, вырасти сильными, отважными и мужественными людьми. Где же таятся возможности осуществить мечту и как получается, что часто, глядя назад с высоты уже серьезного возраста, взрослые с сожалением думают о том, что им это не удалось? Наверное, где-то возвышенная мечта вступила в конфликт с действительностью, с реальной жизнью. Нередко мальчик читает Жюля Верна и представляет себя мужественным и благородным капитаном Немо, но в жизни боится выйти в темный коридор, а если не боится, то проявляет свое «мужество» в травле сверстников и конфликтах с родителями. Живет он так и живет, и со временем все дальше расходятся реальность и мечта: в воображении наш «герой» достигает вершины Эвереста и совершает вместе с Амундсеном беспримерный поход к Южному полюсу, а в реальности он продолжает хватать двойки, грубить окружающим. При этом он постепенно растет и растет... И вот уже скоро школу кончать, а там, глядишь, он уже стал тем самым взрослым. Мечта, фантазия за время, пока он рос, приобрела настолько конкретные, реальные очертания, что человек остается в уверенности: он мог бы проявить мужество, силу и благородство, да только случая не представляется. А того самого случая может и не представиться, потому что случай этот — вся жизнь. Не каждый летит в космос, останавливает на границе нарушителя, бросается в горящий дом, чтобы спасти ребенка. Зато каждый, просыпаясь утром, видит вокруг своих близких, беседует с ними, у каждого есть круг пусть небольших, но обязательных дел, которые он должен терпеливо, а то и талантливо выполнять.

Человек с детства учится — сначала различать лица, потом ходить, говорить, наконец, познает азбуку. Но самое главное, что ему предстоит,— это научиться жить: понять, что каждый час, каждая минута существования неповторимы, что эти часы и минуты улетают безвозвратно в вечность, и нет какой-то границы, за которой начинается **НАСТОЯЩАЯ** жизнь. Она идет, проходит сейчас, и, казалось бы, самое обыденное дело, даже не поступок (их в жизни, возможно, будет не так уж много), важно и ценно тем, что совершается оно **ТОБОЙ**, человеком, ни на кого не похожим, единственным в своем роде.

Мысль моя неизбежно обращается к театру, которым я занимаюсь. Потому что именно там все, что можно так гладко рассказать на бумаге, но так трудно донести до сердца и души читающего, происходит и осуществляется не в нравоучениях, а в действии, живо и заразительно, легче отзывается в душе и легче запоминается. Искусство — и искусство театра прежде всего — это способ постижения нового, непонятного, может быть, даже вообще невыразимого словами. Поэтому для меня безусловно то, что человек с юных лет должен слушать музыку — и симфоническую, и джазовую, ходить в музеи, картинные галереи и, конечно же, в театр. Тем самым в нем незаметно, исподволь накапливается, растет богатство души. Оно еще может быть неощутимо, но рано или поздно чуткость, восприимчивость, разбуженные искусством, обязательно скажутся.

Одному из крупнейших прозаиков нашего времени, Виктору Астафьеву, принадлежат слова: «Подвиг надо посеять». Не в минуты ли общения с прекрасным западают человеку в душу семена, из которых потом когда-нибудь вырастут самоотверженность и истинное мужество?

Но вот, скажем, такой случайно услышанный разговор между двумя девочками: одна рассказывает подруге, что в воскресенье была в филармонии, та спрашивает, в свою очередь:

«И часто ты туда ходишь?»

«Каждый месяц. У меня абонемент».

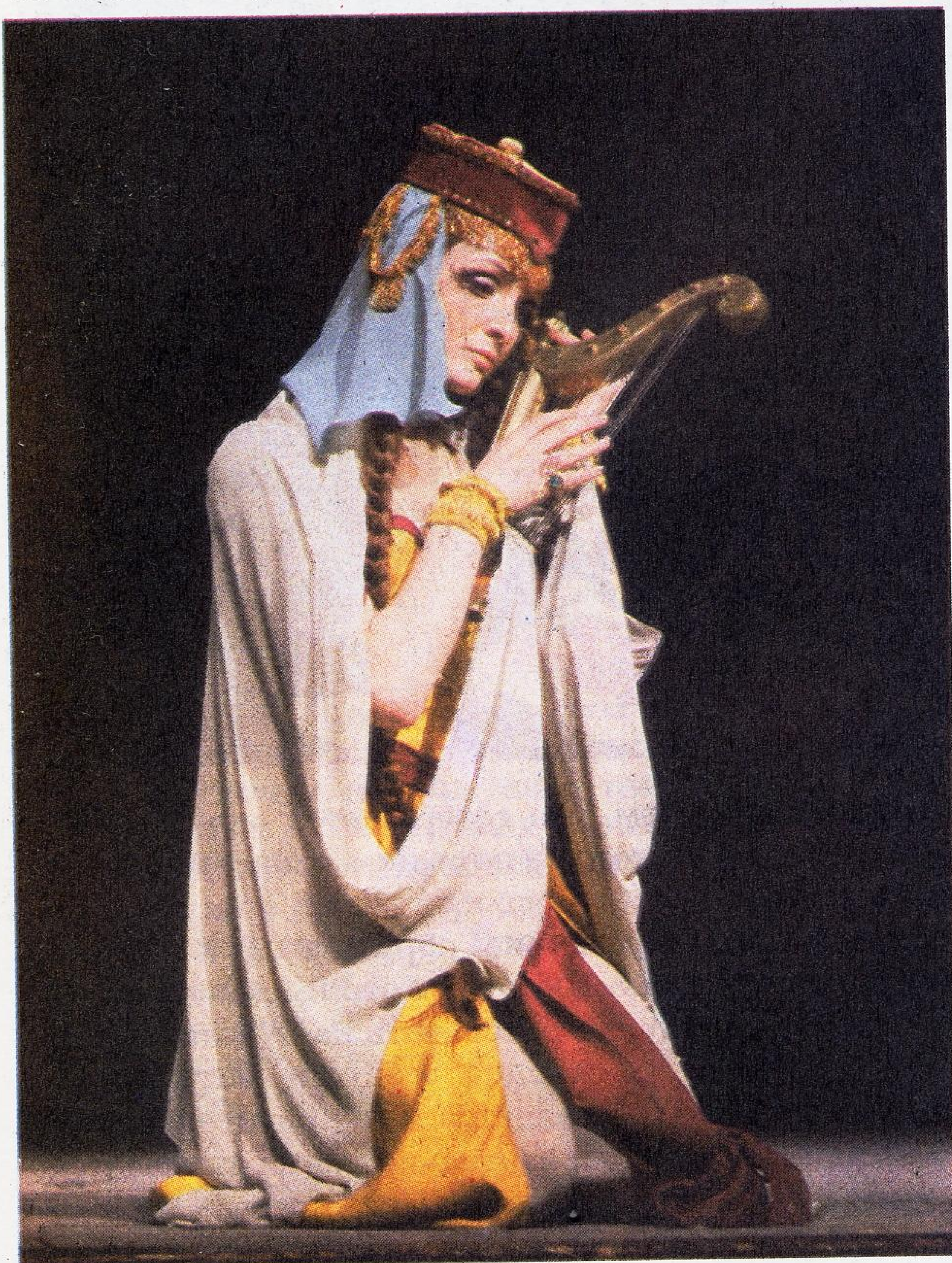
«Ну и что ты там делаешь, когда они играют?»

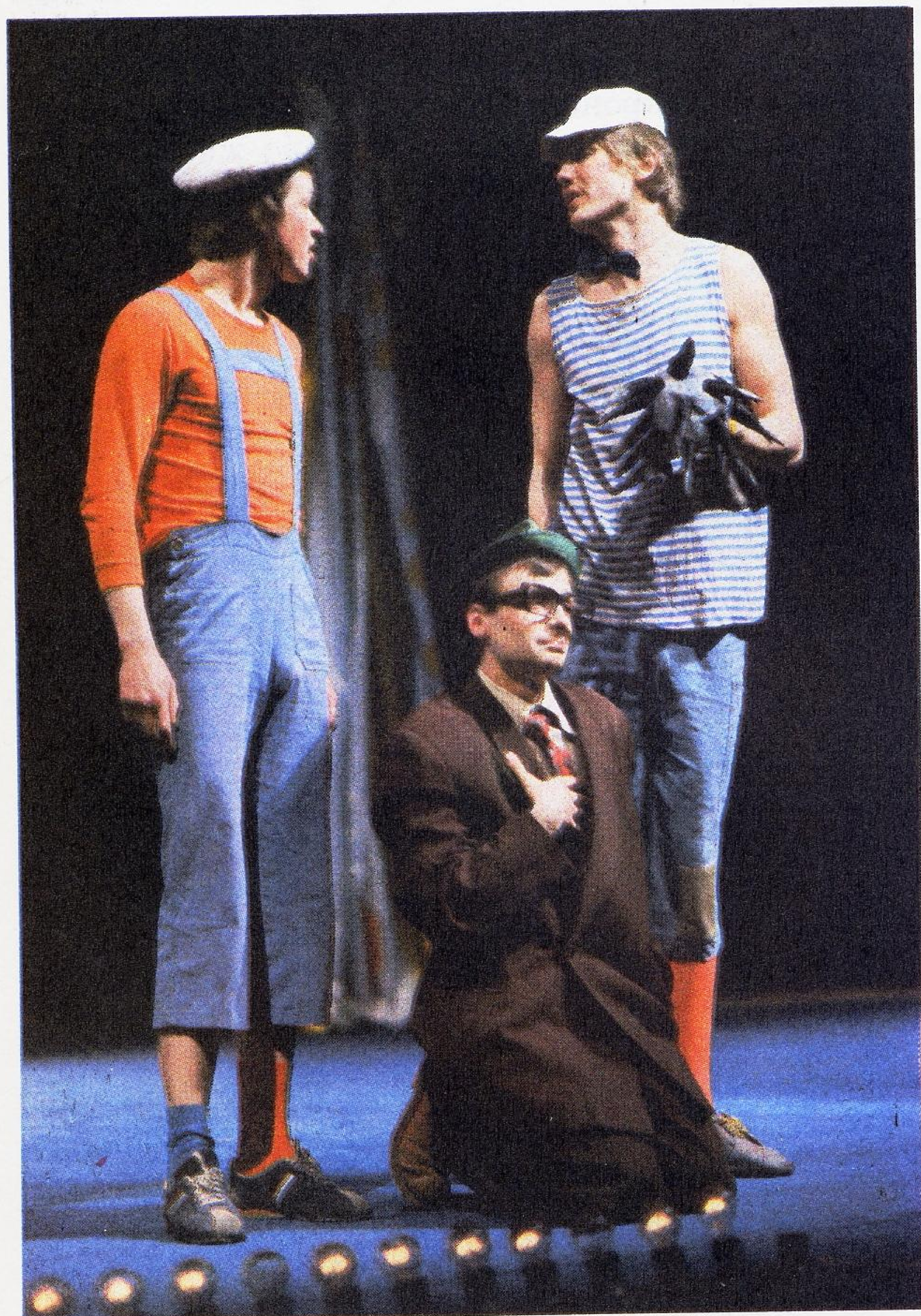
«Слушаю».

«Понятно, что слушаешь. А еще что делаешь? Мне просто интересно. Я вот один раз там была, так чуть не заснула».

И тогда та девочка, что ходит в филармонию, стала рассказывать своей приятельнице, какие фантастические картины возникают у нее, когда она слушает музыку, как ее подчиняет воля текущей и изменяющейся мелодии, как неожиданные повороты музыкальной темы изменяют сюжеты,

Сцены из спектаклей:
на верхнем снимке — «Конек-горбунок»,
на нижнем — «Дети, дети, дети...».

возникающие перед ее глазами. И чего она только еще не рассказала! Подруга слушала ее сначала недоверчиво, потом увлеклась, а под конец сказала: «Надо будет туда еще раз сходить. Как-то я все это пропустила».

Ну и что? — скажете вы. А то, что вот, казалось бы, стоят рядом два одинаковых человека. Все у них одинаковое: и обувь одного размера, и лет им поровну, и в школе они учатся одинаково, одни и те же книжки читают и, может, даже сами не знают, отличаются ли они чем-нибудь одна от другой. Но случай заставил их поговорить не на совсем обычную тему, и выяснилось, что, в сущности, они и не знают друг друга. Что в то время, когда в одной из них происходят совершенно невообразимые, таинственные процессы, другой только хочется спать от скуки.

Как замечательно было бы, если бы всегда рядом с такими вот глухими к искусству людьми вовремя оказывался тактичный и чуткий друг, который подсказал бы, личным примером научил бы и поддержал! Девочка в нашей истории могла осмеять свою подругу, унизить. К счастью, у нее хватило внутренней чуткости не делать этого. Сама, может, того не понимая, она приоткрыла своей приятельнице увлекательный новый мир.

Как часто, однако, мы сталкиваемся совсем с другим: «Ну ты что, не понимаешь «Джоконды»? Ну ты дурак!» И все. Пойдет «дурак» со знанием того, что он дурак, и больше соваться не будет в «недоступную» область искусства.

Не все в жизни поддается словесному обозначению. Понятно: камень — это камень, трава — трава, солнце — солнце, но есть огромное количество ощущений, состояний, переживаний (а они-то и составляют главную часть нашей жизни), которые никак не описать. Тут-то все и начинается: «Понимаешь, я чувствую, что...» — и дальше мучительные попытки рассказать, нарисовать, сделать так, чтобы слушающий почувствовал то же самое. А результат чаще всего минимальный. И снова человек, мучаясь косноязычием и привлекая на помощь все известные ему жесты, старается быть понятым.

В театре это происходит легко. Где, как не здесь, люди, охваченные одним порывом, испытывают боль, нежность, отчаяние? Где, как не в театре, объединенные общим переживанием, они забывают о себе, отрешаются от своих личных забот и волнений во имя чего-то высшего, что делает нас всех людьми?!

Еще одна история: человек разругался с родителями, ушел из дома, а лет человеку было 15. Ночевал у знакомых, мучился от непонимания. Худо ему было до невозможности. Так прошла неделя — и родители извелись, и герою нашему было не лучше. Но никто из них не мог подавить своей обиды, наступить на хвост собственной гордости и первым протянуть руку примирения. Была у

«Наш цирк» в Ленинградском ТЮЗе.

этого человека еще тетя, которая видела все происходящее, но тоже помочь ничем не могла. Через какое-то время она встретила нашего героя, когда тот выходил из школы, и дала ему два билета в театр, сказав: «Я прошу тебя только об одном — позвони отцу и пойдите вместе». Герой наш попробовал было посопротивляться, но потом решил, что большого урона его достоинству от этого не будет, и согласился.

Вечером около театра мальчик встретился со своим отцом. В холодном молчании они проследовали в зрительный зал. Прозвенел третий звонок, свет начал меркнуть, а дальше... произошло чудо.

За два часа театрального действия что-то случилось в душах этих людей — непреодолимый конфликт стал казаться им безделицей, что-то потеплело в их сердцах. Они почувствовали, что снова понимают друг друга. Они вышли из театра в темный вечерний город, молча дошли до дома, и не надо было уже ничего говорить и решать — оба понимали, что пережили какой-то важный и серьезный день своей жизни, стали мудрее, сердечнее, терпимее друг к другу.

Почему я все это рассказываю? Наверное, потому, что именно такие случаи (а это не вымысел, а чистая правда) убеждают меня в совершенно магической власти театра над людьми.

Именно такой опыт заставляет меня настаивать: необходимо, чтобы люди знали, что такое театр, чтоб он становился внутренней потребностью их духовной жизни.

Человек — всегда художник. Я сознательно ставлю знак равенства между этими понятиями. Даже если он не создает полотен, не сочиняет стихи, он является творцом собственной жизни, а это очень много. И не так просто, как может показаться, прожить свою жизнь полнокровно, стопроцентно, осуществив в ней все свои замыслы, вложив в нее все свои силы, одухотворяя все, к чему бы ни прикасался, умея переносить радость и горе, любя людей.

Я, честно говоря, вообще думаю, что искомый таинственный смысл жизни и есть сама жизнь, действительность. Просто надо научиться себя вести в этой жизни так, чтобы она становилась прекрасней, лучше, чтобы каждым своим движением, каждой мыслью соответствовать ее гармонии.

Высокие понятия — патриотизм, героика, подвиг — открывает человек, если в нем с детства воспитана чуткость, сострадание, уважение к другому человеку. Черствая, холодная душа не отзовется на чужое горе, чужую боль. Помните сказку Андерсена о Снежной Королеве: маленькая Герда спасает Кая лишь одним — теплом своего любящего сердца, такова сила сострадания и боли за другого. Воистину «героем становится любой», если в нем разбужена эта чуткость к ближнему, к жизни.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

С. РОМАНОВСКИЙ

Чертов котел

РАССКАЗ

Рисунок В. ДУДКИНА.

Летнюю ночь я ночевал на берегу лесного озера Чертов котел*. Я спал на боку, телом, как полумесяцем, огибая тихий костерок, и слышал его тепло. Костерок остывал, уменьшался, а я непроизвольно приближался к нему и во сне соблюдал границу между огнем и собой, чтобы не спалить одежду и не зябнуть. Ребенком я не раз нарушал эту границу, а с годами научился ладить с огнем и понимать его, как человека, с которым можно и поговорить, и помолчать, и отогреть душу и тело.

Я проснулся оттого, что все затекло во мне, ни сесть, ни встать, и не шевелился в неслыханной, неправдоподобной тишине, чтобы не нарушать ее.

Над ухом прокричала ночная птица — я вздрогнул и легко, без стонов, встал.

Над лесом висела луна, и все озеро беззвучно пылало огнем. Смотреть на него было больно глазам, я отвернулся и у сосен увидел голубой камень, сияющий в лунном свете.

Я подошел к нему. В мокрой траве лежала глыба соли-лизунца; на ней было несколько желобов; их, наверное, пролизали коровы, или овцы, или дикие животные, для которых выложил эту соль лесник или пастух.

Недалеко от себя я услышал слабое чмоканье, по высокой, выше колен, осоке пошел на него и увидел рыжую лужу-болотце. Из нее выпадал ручей, точился по траве и впадал в Чертов котел с частым чмоканьем, будто малый ребенок чмокал во сне. От этого звука слезы подступали к глазам, и я помотал головой, чтобы они ушли.

«Старею,— подумал я.— Да у меня и с молодости слеза близко лежит, когда слышу песню в поле, вятский говор или детские голоса...»

Что это?

Над озером клубом клубилась белая метелица из бабочек-поденок, и, право, было странно сознавать, что сейчас не зима, а красное лето. Бабочки касались моего лица, щекотали его и легко давались в руки, безвольные и, думалось, равнодушные к краткой жизни своей. Там, где они падали на воду, расходились рыбьи всплески. Поденки-бабочки, чтобы оставить потомство, вылетели на волю — на день, на сутки, недольше, и рыбы кормятся ими.

Да какие рыбы! Все озеро кипит от них, как крутой кипяток.

Чего я стою-то? Все равно ничего не выстою.

Я взял удилище, снял с лесы поплавок, поймал у себя на щеке поденку, насадил на крючок и опустил на воду. Лесу сердито дернуло и сразу отпустило.

Сорвалась рыба. Э-эех!

Пальцы плохо слушались меня, когда я насаживал насадку. Едва она коснулась воды, лесу рвануло сильнее сильного и опять отпустило.

Эдак-то я ничего не поймаю.

Я походил по берегу, успокоился, в третий раз закинул удочку — не на чистоплеск, а в ручей. Поденка, трепеща крылышками, вздрагивала на бегучей воде, попала в озеро, в водоворот и закружилась. Она остановилась на миг и затонула. Я плавно подсек, и на конце лесы заходила тяжелая рыба. Рябиновое удилище кланялось озеру в пояс, а рыба ходила на кругах, и жили в ее движениях ярость и удивление:

— Кто посмел? — удивлялась рыба.— Разве может крошечная бабочка быть сильнее меня? Меня — старожила Чертова котла?.. Не-еет! Не поверю...

Толчки удилища отдавались в ладони; я боялся, что рыба уйдет, и нет-нет да жалел ее. Из глубины рыба поднялась к поверхности, как планета, окруженная сиянием, и, не давая ей опомниться, я выволок ее на берег, где она тяжко заворочалась в осоке и замерла.

Передо мной лежал широкий лещ, облитый лунным светом, и забирал воздух сборчатыми губами, словно целовал его...

Мне стало жалко пленника. Я взял его на руки и отнес в рыжую калужину-болотце, откуда брался ручей. Там лещ лег на бок, как отражение Луны, отлежался, отдышался и принялся обследовать калужину: нет ли в ней выхода на волю? Из воды торчала его горбатая, как у бизона, спина и казалась выкованной из красного золота.

Я вернулся к озеру и без азарта закинул удочку. Насадку взяла некрупная рыба, сошла, а крючок зацепился за корягу. Удачливый крючок, кованый, уловистый!.. Я разделся, руками перебирая лесу, зашел в озеро, под водой нащупал корягу, отцепил крючок и огляделся.

Что делается, а?..

Я стоял по плечи в парной воде, как гость во дворце — званый или незваный? А вокруг Луны клубились белые бабочки и, шелестя крыльями, уговаривали ее светить дольше, потому что нынешняя ночь у них последняя — другой ночи не будет.

Я попытался вытащить из воды корягу, чтобы в этом месте не было зацепов. Коряга упиралась, выскальзывала из рук, и вокруг меня вместе с рыбьими всплесками лопались пузыри и пахли болотом. Прикосновения коряги были полягушечьи скользкими, и, пугаясь их, я отпустил ее.

— Наверное, от коряги есть какая-нибудь польза,— подумал я.— На ней оседает корм, она дает приют окуням... Да мало ли что? Озеро до поры до времени само знает, как жить, и сейчас зачем учить его?

Несколько раз окунулся с головой, озяб, оделся

---

* В разных местах Прикамья есть озера под одинаковым названием — Чертов котел. А развалины древних прикамских селищ или крепостей называются Чертово городище. Старинные эти названия не ругательные, а уважительные. Они хранят тайну или легенду и как бы оберегают озеро или крепость от осквернения и разрушения.

на берегу, на поденку сразу поймал фунтового окуня-горбача, и рыбачить мне расхотелось. У окуня был слюдяной колючий гребень парусом, алые плавники, семь тинно-зеленых полос поперек толстого тела, глаза в золотых ободках... Он выскользнул у меня из рук в осоку и как в воду канул.

Нет его нигде!..

Я присел, послушал и уловил шуршание в осоке у самой воды, куда окунь-горбач пробрался непостижимым образом. Сквозь жабры, чтобы не убежал, я продел ему таловый прутик, понес к кострищу и у голубой глыбы соли-лизунца увидел лося.

Лось смотрел на меня выпуклыми, златокоричневыми глазами. С шеи животного ожерельем свисала зеленая водоросль: по-видимому, лось недавно вышел из озера, где он спасался от насекомых и духоты, пока ему не захотелось посолиться.

Лось фыркнул — не на меня, на комаров и поденок, которые забивались ему в ноздри, и пока я шел к месту ночевки, он все выфыркивал их из ноздрей.

А мне казалось, что лось приглашает меня в собеседники и хочет сказать нечто не очень приятное.

Когда Солнышко зажглось над лесом, Луна не спешила уходить, а только притаяла, и оба светила смотрели друг на друга — играли в переглядушки.

А здесь у лесного озера далеко пахло окуневой ухой с ягодами можжевельника, и как мне хотелось, чтобы кто-нибудь заглянул сюда — лесник, пастух или косарь!.. Я угостил бы его на славу. За доброй беседой мы хлебали бы деревянными ложками уху в частых звездах жира, с белой легкой рыбой, тающей во рту, как лесная ягода-земляника, что не приедается никогда, с чайным дымом костра и целебными соками природы.

Что может быть вкуснее окуневой ухи?

Я не знаю.

Я ждал, а никто не шел на мою уху. Часть ее из котелка я перелил в большую кружку, остудил в озере и, не торопясь, пил нежную, слегка студенистую жидкость. Вареного окуня я выложил на холстину и пока не трогал.

Вдруг я услышал негромкую песенку:

Ти-та-та!

Ти-та-та...

Так поют птицы или малые дети, пока они не научились говорить, а говорить и петь им ой как охота!..

По тропинке вдоль озера шла девочка лет шести в длинном платье, которое взрослило ее, и несла плетеную корзину. Время от времени она ставила корзину на землю, срывала щавель («кислятку» по-местному), не морщась, съедала его, шла дальше и тихонько пела:

«Ти-та-та!

Ти-та-та...»

Девочка вышла из травы, увидела меня и остановилась. Я поздоровался:

— Здравствуй!

— Здравствуй,— прошептала она.

— Ты, как птица, поешь,— похвалил я.— «Ти-та-та...» Да звонко так! Я сначала так и подумал: птица. А потом смотрю: девочка. «Ти-та-та!» А словами умеешь?

— Умею,— прошептала она.

Тоже шепотом я спросил:

— Отцу завтрак на сенокос несешь?

Она ответила полным голосом:

— Брату.

— Большой брат-то?

— Не больно большой,— сказала девочка.— Он пока еще не косит сено, а гребет.

— Хорошее дело! — похвалил я.— Отнесем-ка мы ему заодно вот этого окуня.

— Ты его знаешь, что ли? — обрадовалась девочка.— Брата моего, Ваню?..

— Может быть, и знаю,— ответил я.— В лицо-то я тут всех знаю, а по имени не всех. Вот тебя как зовут?

— Софья...

— Хорошее имя!

— У нас плохих-то не дают,— с удовольствием сказала девочка.

Я положил ей в корзину вареного окуня. А девочка насыпала мне в ладонь земляники — не очень красной, зато душистой.

Девочка ушла по тропинке, и трава, колеблясь, сомкнулась над ней.

— Ти-та-та!

— Ти-та-та...— удалялась от меня тихая песенка.

Недалеко кружились и каркали вороны. Я пошел узнать что там такое? Мой лещ, от которого мало что осталось, лежал на боку рядом с болотцем-калужиной, и три вороны расклевывали его. При моем приближении две птицы взлетели, а третья, седоватая от старости, наступив на леща обеими лапами, клювом отрывала от него куски и улетать не собиралась.

Смотреть на это было жутковато. Я отступил к озеру и постарался забыть о вороньей трапезе. Бабочки-поденки, отжив свое, пеной плавали в воде. Всплесков около них не было: рыба насытилась и ушла в глубину. Пена сбивалась к краям озера, а середина его была открытой, как круглый зеленый глаз.

В заливчике под тальниками я обнаружил лодку-плоскодонку, выплыл в ней на середину Чертова котла и поперек бортов положил весло-кормовик.

Вода была неестественно прозрачной. Я вспомнил рассказ старика удмурта о том, как на руках у Небесной царицы сын играл с ее перстнем и уронил его. Перстень упал в вятские леса, с громом ушел в землю, отчего забили чистые ключи и собралось это озеро.

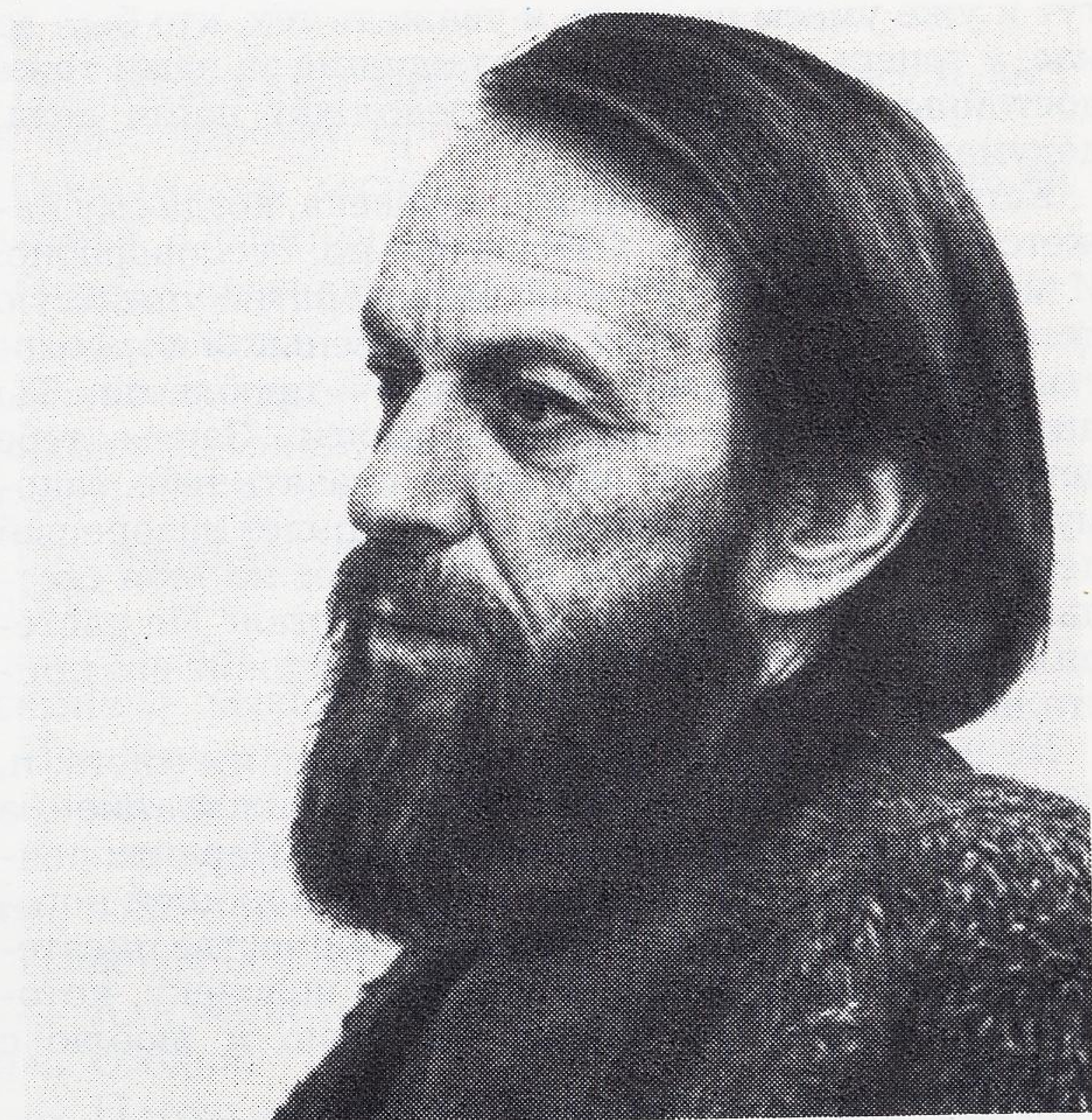
Вот такой ширины, вот такой глубины — неизмеренной!..

Подводные стены озера местами покрылись илом и водорослями, а местами в отвес меловыми складками уходили в зеленое провалище и светились. Свет этих стен переливался и дрожал пушистыми тенями, словно там, в самой глубине, до поры до времени отдыхало лесное вятское Солнышко — родня большому древнему Солнцу, что с высоты грело мою Землю.

К 60-летию писателя Р. Погодина

Возраст отважных, выносливых, терпеливых

Радий Погодин.

Вандербуль убегал за горизонт. Мы бежали следом. Потому что по эту сторону горизонта жить нам было нестерпимо: никто не понимал нас тут!

«Десять лет — это возраст отважных, выносливых и терпеливых», — читали мы, изумляясь. Нам как раз столько и было в ту пору, и среди бесчисленных «нельзя!», «встань в угол!», «дай дневник!» это были первые слова, спокойные и уважительные, о нас и о нашем невыносимом (ах, как мы мечтали вырасти — скорей, скорей!) возрасте.

Вандербуль стучал кулаком на врача, требуя, чтоб вырвали здоровый зуб (коленки у него дрожали, несмотря на решимость), Вандербуль совал руку в кипяток (ох как больно!), Вандербуля ругали, ругали, и что бы он ни сделал — все было глупо и достойно наказаний. И Вандербуль пробирался на корабль, бежал, бежал... Там, за горизонтом, его поймут, там он себя покажет! Конец был ужасен: молодой пограничник привозил его домой и сдавал под расписку дворнику...

Все поступки Вандербуля с точки зрения взрослого мира были безобразны и отвратительны, но как мы его понимали! Мы, его ровесники, товарищи по несчастью: мы тоже замышляли побег, нас тоже роковым образом не понимали и наказывали за все лучшее, что в нас было: за попытки к самостоятельности, за постоянную жажду подвига. Да, мы были переполнены отвагой и совершали поступки, мы хотели как лучше, но получалось плохо.

Теперь-то, когда мы давным-давно выросли и уже не новички в этом мире, пришла пора сказать спасибо человеку, который заметил нас тогдашних, упрямых, непослушных, — писателю Радию Погодину. Спасибо за то, что, понимая нас, он не молчал, заступался за нас перед большим, взрослым миром, объяснял ему и нам, что детство — пора мужества. Как, впрочем, и вся дальнейшая жизнь человека.

Спасибо вам, Радий Погодин, за Вандербуля, нашего брата, с которым мы вместе росли.

Потом были другие книги. Сейчас они стоят на полках библиотек, растрепанные, подклеенные, и есть в них спокойное достоинство книг, которые много читают. А тогда, в нашу пору, были они совсем новенькие. Это надо представить — книгу, написанную для тебя и только для тебя (другие читатели еще не выросли, а то и вовсе не родились), еще никто на свете не читал ее (редакторы и наборщики не в счет), не знают, что в ней: о чем там грустят, чему радуются. Она, эта книга, как письмо: тебе, до востребования лично. Вряд ли тогда мы догадывались об этом. Просто читали. И, наверное, только немногие из нас, дочитав, вырывали листок из тетради, садились за стол и писали ответ автору. Предположить, что́ писали, легко. С удивлением: «А откуда вы все про меня знаете?» Или потому что прощаться грустно и не хочется: «А что было дальше?» Или совсем просто: «Хорошая книга, напишите что-нибудь еще!» Но чаще не писали мы письма. Ленились. Стеснялись. Не так-то просто сесть и написать письмо автору любимой книги. Наверное, он занят, некогда ему письма читать. И что писать, он и сам все знает... Да и не в письмах дело. Потому что мы все равно отвечали ему: тем, что, читая, плакали или смеялись, тем, что задумывались вдруг над тем, на что прежде не обращали внимания. И кто-то, может быть, становился чуть отважнее, чуть добрее... Так мы читали и росли.

Нам было уже шестнадцать, когда появилась грустная повесть «Трень-брень» о рыжей девочке Ольке и других людях. Вовремя появилась, мы были уже не совсем дети, пора нам было решать, с кем мы и против кого мы. Мы были против хамства, тупости, серости. Мы были за рыжих!

Мы читали «Ожидание» — прекрасную, строгую книгу, выросший Вандербуль выходил нам навстречу и шел по берегу большого моря рядом с отчаянным маленьким Славкой. И мы, повзрослевшие уже, самонадеянно презиравшие «малышню», учились узнавать в младших себя, узнавать и понимать. Они росли вслед за нами, читали наши книги, и принимались решать те же вопросы, над которыми бились мы. И они в свой черед должны были сделать выбор, понять, с кем они и против чего будут воевать в своей жизни. И они вырастали, шагая по нашей тропе, на которой мы тоже были не первыми. Так наступало время понять, что мир не нами начался, что стоит он давно и давно живут в нем люди — поколение за поколением. Вот и мы вырастаем

тут и уже умеем помнить и уважать тех, кто был до нас, а теперь догадались, что идущие за нами тоже достойны уважения — они продолжат наши дела, додумают наши мысли.

Есть такое время в жизни человека, когда ему кажется, что он вырос. Окончательно, бесповоротно. И можно махнуть рукой на безвозвратно ушедшую детскую пору. Ты горд своей новенькой взрослостью. У тебя другие — взрослые — проблемы. Ты читаешь другие — взрослые — книги. Зачем тебе детские книги, ну что они могут сказать тебе, такому взрослому? Не задирай носа! Придет лазоревый петух из давних детских лет и глянет на тебя светлым печальным глазом: каким ты стал? Не растерял своей отваги? И не каждый выдержит его пристальный взгляд...

Не пишу о других книгах Погодина, их много, и, наверное, кто-то больше любит не «Ожидание», а «Дубравку» или «Где леший живет», «Перейти речку вброд» или «О веселых людях и хорошей погоде»... Мои строчки — не статья о творчестве писателя, скорее, объяснение в верности человеку, которого я никогда не видела, но знаю и люблю с детства.

Радию Петровичу Погодину — 60 лет, и мы поздравляем его, но дело тут не в круглой дате. Да и не его, а самих себя, читателей, должны поздравить мы с тем, что в 1925 году в деревушке под Тверью родился мальчик, который жил и рос в прекрасном городе Ленинграде; когда пришла война, рыл вместе со всеми окопы, воевал, был ранен, а когда война кончилась — работал. Работал воспитателем, слесарем, лесорубом... А потом стал писателем. Несколько строчек: родился, рос, воевал, работал, стал... Так все просто, когда читаешь об этом в послесловии к книге, в коротенькой биографической справке. А как это: жил-жил человек сам по себе, а потом вдруг взял и стал писателем — для всех? Не знаю. Загадка, тайна души. Кто хочет ее понять, пусть читает книги.

О том, чем были погодинские книги для нас, двадцать лет назад юных и только оглядывающихся в мире, я уже говорила. Теперь, когда мы выросли, уже не тайна для нас, что нет отчетливой границы между детством и взрослой жизнью. Есть просто жизнь, единственная, трудная, прекрасная. И есть люди, которые остаются юными до конца своих дней: вырастет борода, появятся морщинки у глаз, навалятся большие печали, но люди эти останутся собой. И потому теперь мы понимаем, 60 лет — это возраст отважных, выносливых и терпеливых. Как, впрочем, и любой другой возраст, если человек верен себе.

Н. СОЛОМКО

Собака и соловей

КИРГИЗСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Однажды собаке удалось послушать пение соловья. Вытянув шейку и высоко поднимая головку, соловей заливался:

— Тю-лит, тю-лит, тю-лит, клю-клю, юлит-юлит...

И так много раз.

— А другую песню можешь? — спросила собака.

Соловей пропел:

— Ци-ци-тювить, тю-вит, тю-вит...

И тоже много раз повторил.

— А еще какую споешь? — не унималась собака.

В ответ соловей заводил:

— Чричи-чу, чричи-чу, чричи-чу, ци-вит, клюи, клюи...

Долго так продолжалось. Собака требовала новых песен, а соловей пел и каждую повторял много, много раз.

Собака была поражена искусством певца и от удивления сидела все время с раскрытым ртом, высунув язык.

«Вот это голова,— размышляла собака,— сколько песен вмещается в ней!»

Стала собака снова просить у соловья песен, но в ответ услышала:

— Я тебе, тю-лит, тю-лит, все песни спел... Не знаю больше, чричи-чу...

— Не может быть, чтобы не знал,— не поверила собака.

Обиделся соловей. Совсем замолчал, выпрямился и вздернул свой длинный хвостик сердито.

«Эх,—подумал он.— Была бы у меня такая большая голова, как у собаки, я бы, конечно, все песни знал».

Долго и завистливо смотрели они друг на друга... И придумали поменяться головами.

Стал соловей жить с собачьей головой, а собака — с соловьиной.

Однажды хозяин поручил собаке стеречь стадо. Только предупредил, чтобы была внимательной — вокруг злые волки бродили.

Усмехнулась собака и подумала, что ей такие предупреждения ни к чему. Если бы хозяин знал, какая у нее теперь голова! Любой шорох может различить.

Ночью собака услышала, как к стаду подбираются волки. Приготовилась она подать голос, но вместо грозного собачьего лая прозвучала соловьиная трель.

Волки на эту трель внимания никакого не об-

ращают, смело идут на стадо. Собаки и не слышно, один соловьиный голос раздается, а он волкам не страшен.

Собака из себя выходит, хочет залаять, а вместо этого: тю-лит, ци-ци-тювит, чри-чи, да клюи-клюи, клюи-клюи.

Волки уже всех баранов перегрызли, а собака все не унимается. Никто ее не слушает. Даже хозяин спит себе в юрте, и соловьиный голос его не тревожит.

Утром проснулся хозяин, а вместо баранов нашел одни кости.

Побил он собаку камчой своей длинной и прогнал ее.

Собака от обиды плачет, а никто понять ее не может.

А соловью тем временем тоже живется не сладко... Летит он над лесной поляной, видит зайцев знакомых. Сколько раз он им песни пел свои. И сейчас зайцы просят:

— Спой нам, соловей, песню о заячьей храбрости.

Сел соловей на ветку одиноко стоящего деревца, хотел спеть их любимую песенку, но вместо трели соловьиной как залает!

Зайцы и разбежались. Подумали, охотничья собака подбирается к ним.

В другой раз подлетел соловей к кустам у речки, где особенно любил бывать, и встретил здесь уток знакомых.

И они всегда готовы были слушать песни соловьиные. Решил соловей спеть им. И снова вместо трели соловьиной как залает!

Тут утки и разлетелись. Испугались, что охотничья собака подбирается к ним.

Долго летал соловей, но с кем ни встречался, все убегали от него. Тоже страшились собачьего лая.

Не стало в лесу житья от соловья — лает и лает на всех, никому прохода не дает.

Обратились лесные обитатели с жалобой на соловья к самому медведю.

Позвал медведь соловья, не заметил его собачьей головы, выговор сделал.

Хотел соловей объяснить все медведю, но, тряхнув головой, вместо трели соловьиной как залает!

Не ожидал медведь от соловья такой грубости.

— Да ты даже старших не уважаешь! — вскричал лесной владыка и прогнал его.

Полетел соловей и плачет, только не по-соловьиному, а скулит по-собачьи.

Долго летал соловей, но никто не дружил с ним, как прежде.

Повстречал он однажды собаку.

— Как живется тебе с моей головой? — спросила собака.

— Плохо,— ответил соловей.— Меня из леса выгнали. А тебе как живется с моей головой?

— Плохо,— ответила собака.— Меня хозяин прогнал.

— Никакой жизни не стало,— жалостливо произнес соловей.

— Да, никакой жизни не стало,— повторила собака.

Тогда соловей предложил:

— Давай снова меняться.

— Давай,— с радостью согласилась собака.— Как ни хороша чужая голова, а лучше всего своя!

Пересказал Д. БРУДНЫЙ.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель: Придумай несложное предложение со словом «задача».
Ученик: Незадачливый заяц был сильно озадачен новой задачей.

Ученики 5-го класса школы № 17, г. Магадан.

* * *

Учитель: Составь предложение со словом «самовар».
Ученик: Геологи обнаружили в доисторических раскопках старинный электрический самовар!

Ира Рещикова, г. Новокузнецк.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель: Как называется очень вредная муха, обитающая в жарких странах?
Ученик: Муха-цецекотуха!

Юрий К., г. Серпухов.

* * *

Учитель: Чем дышит рыба?
Ученик: Швабрами!

Костя Булкин, г. Гусь-Хрустальный.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель: Какое оружие использовали на охоте первобытные люди?
Ученик: Пушки с инфракрасным прицелом!

Стефания Йонаускайте, г. Калининград.

* * *

Учитель: Кто открыл путь в Индию?
Ученик: Его открыли двое: Васька да Гамма!

Саша Горовой, г. Тольятти.

* * *

Учитель: Из какого материала были сложены стены, окружавшие древний Киев?
Ученик: Из дубовых сосен!

Нина Н., г. Темиртау.

Из школьных сочинений

«Его сестренка была младше его на три килограмма...»
«Он хотел что-то сказать, но у него остолбенел язык».
«В Африке очень засушенный климат».
«Его туфли провалились в болото по пояс».
«Дима жил на восьмом этаже пятиэтажного дома».
«В рабовладельческом обществе рабы ходили в рваных джинсах».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Юрий Коваль
Полынные сказки

Продолжение. Начало в №№ 7, 8.

Рисунки С. ОСТРОВА.

Сказка о волках и глупой корове

Да, снились Леле в ту ночь лес и деревья, закутанные в одеяла, а между деревьями ходили «волчки». Не волки, а именно «волчки». Они не были такими уж страшными. Они жевали пельмени, таскали по лесу самовар, играли на балалайках. Хорошие были «волчки», симпатичные.

Сон есть сон. Сон отснился, сон забылся.

А глубокой зимой объявились в окрестностях деревни Полыновки волки.

Волки, не «волчки».

Волки выли. По ночам подходили к деревне особенно близко и выли в ближних оврагах, и страшно, что не было их видно, а только вой слышался, жуткий и гнусавый.

Дед Игнат залезал на колокольню, отбивал в колокол часы для путников, и замолкали волки, отходили от деревни. Но они, как видно, понимали, что колокол не для них, а для путников, и скоро возвращались, и выли снова, и всю ночь слышались колокол деда Игната и волчий вой.

Леля понимала, для чего волки подходят к деревне. Скучно и холодно там, в лесах и оврагах, а здесь-то теплей, здесь и колокол, и сосновая лампа. И Леля думала: если б и она была волком, конечно, пошла бы к деревне.

Леля не боялась волков.

У нее было оружие — палка с острым железным наконечником. Эту палку-копье сделал для нее дед Игнат, и Леля брала на улицу свое копье. Она была уверена, что сумеет защитить и себя, и друзей.

В кармане Леля носила немного соли, чтоб бросить в случае чего волку в глаза. А уж если он сумеет проморгаться и раскроет все-таки пасть, тут уж Леля знала, что надо делать. Надо просто-напросто сунуть ему в пасть руку, и так глубоко сунуть, чтоб волк задохнулся.

С копьем в руке, с горстью соли в кармане смело гуляла Леля по деревне, и волки на нее не нападали. Они, конечно, понимали, что справиться с Лелей им не удастся.

Но однажды на нее напала корова Чекашкиных. Глупая корова, бодливая. Ни с того ни с сего она погналась вдруг за Лелей, прижала ее рогами к завалинке, и так ловко прижала, что Леля оказалась между рогов.

Леля не кричала и не звала никого на помощь. Она рассуждала.

«Я, конечно, свободно могу бросить горсть соли корове в глаза,— рассуждала она.— Но стоит ли? Ослепнет корова, доиться перестанет. Как же будут жить Чекашкины без творога и молока?»

Корова-дура не знала, какая опасность нависла над нею и над Чекашкиными. Она ревела, вращая глазами, а Леля терпеливо ждала.

«Перетерплю корову,— думала Леля.— Надоест ей в конце концов к завалинке меня прижимать. Перетерплю, а то Чекашкиных жалко».

И корове наконец надоело так глупо стоять, прижавшись рогами к завалинке, она побрела восвояси.

Ни Чекашкины, ни их глупая бодливая корова так и не узнали никогда, от какой опасности спасла их Леля.

Сказка о «волчках»

Однажды вечером снова приехала Дуня.

Притихшая, озабоченная. Она улыбнулась Леле, потрепала за бороду деда Игната и скрылась в ком-

нате Татьяны Дмитриевны. Леля сунулась было следом, но ее быстро выставили в сторожку. Леля сидела рядом с дедом Игнатом и слушала, как недовольно бормочет старик:

— Ну вот и приехали.

Леле очень хотелось узнать, о чем шепчутся мама и Дуня. Она, конечно, никогда не подслушивала, но все-таки, подойдя к двери, услышала, как Дуня сказала:

— Да они в санях сидят.

— Кто? — спросила мама.

— «Волчки».

— И сколько же их там?

— Двое.

Леля отпрянула от двери, схватила свое копье и прижалась к деду Игнату. Дед Игнат ничего такого не слыхал, он думал о том, что скоро ему лезть на колокольню, бить в колокол. Он крякнул да зевнул, выкатил из печки печеное яйцо и дал его девочке.

Если б дед Игнат не выкатил это яйцо — все могло бы получиться по-другому. Но дед Игнат его выкатил.

Леля взяла яйцо и стукнула слегка о край стола. Яйцо треснуло.

Тут из комнаты вышла Дуня. Ни слова не говоря, она прошла через сторожку, хлопнула дверью на крыльце.

«За «волчками» пошла»,— подумала Леля и не ошиблась.

С улицы послышались голоса, снова стукнула дверь на крыльце, послышались шажки Дуни, а с ними тяжелые чужие шаги.

Леля торопливо сдирала с печеного яйца скорлупу.

«Уши у них острые,— думала она.— Клыки торчат, и они на балалайках играют».

Дверь отворилась, в сторожку вошла Дуня, а за нею виднелись темные непонятные фигуры.

Леля глянула мельком, а не поняла ничего.

Она опустила поскорей глаза, чтоб не глядеть на «волчков».

Ей было страшновато глядеть, и она взяла щепотку соли, чтоб посолить яйцо.

И тут первый «волчок» — самый, наверно, клыкастый и самый ушастый — подошел вдруг прямо к ней и сказал:

— Это кто тут яйцо ест?

И Леля подняла глаза и увидела его глаза — огромные и страшные. И тут же кинула щепотку соли прямо в эти глаза. И самое удивительное — попала!

— Ай-я-яй! — закричал «волчок» и стал тереть глаза, и все закричали «ай-я-яй», и мама выбежала из комнаты, и Дуня заохала, только второй «волчок» стоял у двери и отчего-то хохотал.

Все кричали и мыли первому «волчку» глаза, а второй хохотал у двери.

— Да, Василь Петрович,— говорил он,— будь в следующий раз осторожней. Не суй свой нос в чужое яйцо. Ох-ох, уморила девочка. Что ты ему кинула: соль или перец?

— Соль.

— И слава богу, что соль. А то на Кавказе яйца с перцем едят. Хорошо, что мы не на Кавказе.

«Волчок» Василь Петрович ничего не говорил, а только мычал и тряс головой.

Сказка о «волчках»

(Продолжение)

«Волчки» оказались бородатыми.

И не было у них ни ушей, ни клыков, ни балалаек.

Только бороды, да глаза, да какие-то длинные и черные пальто, домотканые сумки.

«Волчка», которому отмыли наконец глаза, зва-

ли Василь Петрович, а другого, который хохотал, звали Петр Василич.

Василь Петрович с отмытыми глазами тоже стал хохотать, но к Леле подходить не решался.

Потом мама и Дуня сели вместе с «волчками» за стол у сосновой лампы. Петр Василич уже не хохотал, а достал из сумки какие-то тонкие книжки без картинок и стал что-то объяснять. Объяснял он длинно, и Леля потихоньку засыпала на своей кровати, удивляясь, что «волчки» оказались не клыкастыми, а бородатыми. А «волчок» Петр Василич ей определенно понравился.

Леля заснула крепко и спала, спала, а ночью вдруг проснулась, потому что в комнате пели. Дуня тихонько играла на балалайке, а «волчки» вполголоса пели. Что была за песня, Леля не поняла — грустная и немного страшная.

И Леля окончательно заснула, а когда проснулась, было уже утро. Утренние лазоревые сумерки освещали окно, а за окном снег утренний — молочный и голубой.

В комнате никого не было. Пропали загадочные «волчки» Петр Василич и Василь Петрович, не было ни Дуни, ни мамы. В сторожке похрапывал дед Игнат.

Скоро пришла мама.

— Спи, галчонок,— наклонилась она к Леле,— спи.

— А где же «волчки»?

— Какие «волчки»? Не было никаких «волчков». Тебе это приснилось.

— Как же приснилось? Соли-то я ему в глаза насыпала. Василь Петровичу.

— Забудь о них,— тихо сказала мама.— Забудь и никому ни гугу. Знаешь, что такое «ни гугу»?

— Знаю, знаю. А почему ни гугу?

— Нельзя... Их заковали в цепи и сослали на каторгу, в Сибирь. И вот они разорвали эти цепи и теперь идут в город — самый большой город, самый светлый. А там живут их друзья, книжники. Они пишут книжки о том, как добыть счастье людям. Понимаешь?

— Не пойму,— сказала Леля.

— Чего ты не поймешь?

— Не пойму, как они цепи-то разорвали? Они ведь железные.

— Уж не знаю, а только разорвали,— усмехнулась мама.— Ты не бойся. Они вовсе не волки. Это их прозвали «волчками», потому что у них нет своего дома. Они бродят по свету и читают людям хорошие книжки. Они думают о жизни народа и о том, как дать народу волю. Только рассказывать о них никому нельзя, а то их снова в цепи закуют.

Леля, конечно, поняла кое-что. Одного не могла понять: зачем «волчков» заковывают в цепи и как они их разрывают потом. Зубами, что ли?

Целый день думала она о «волчках», о том, как идут они по бескрайней степи под снегом и метелью.

«Лишь бы волки настоящие на них не напали»,— думала Леля.

Сказка о трех рублях

Лелина мама получила жалованье — три рубля. Рубли были большие, золотые.

Мама ходила за ними к батюшке-попу, приносила домой и прятала в шкатулку.

А шкатулка стояла на столике, у которого были тонкие ножки.

Узорная скатерть опускалась со столика, окутывала ножки, и Леле казалось, что под столиком живет Эдакий Усатенький. Стережет три рубля.

А на шкатулке были вырезаны узоры. Звери и люди бродили между узоров, над ними летали волшебные птицы и пели, да только песен их не было слышно. А чтоб услышать, надо иметь волшебное ушко. И это волшебное ушко у Лели как-то само собой получалось. Она подолгу сидела у шкатулки, глядела на зверей и узоры и слушала пение далеких птиц.

А три рубля, которые лежали в шкатулке, были, конечно, волшебные. Они подчинялись маме, а больше никому.

И если мама даст кому-нибудь золотой рубль — тот человек сразу станет молодым и красивым. А кто сам возьмет из шкатулки рубль — вечно будет несчастным.

И вот однажды в школу пришла старушка. Она была маленькая, сгорбленная. Вначале она сидела тихо в сторожке у деда Игната, а как только мама вышла из класса, старушка заплакала, упала на пол. Кое-как дед Игнат поднял старушку и усадил в уголок. Но та все плакала и даже кричала, а Татьяна Дмитриевна слушала ее и качала головой.

И Леля поняла, почему старушка плачет. Она снова хотела быть молодой.

Татьяна Дмитриевна ушла в комнату и принесла оттуда большой золотой и волшебный рубль. И протянула его старушке.

И старушка взяла рубль, и тут же Леля зажмурилась. Страшновато было видеть, как старый человек становится молодым.

Зажмурившись, она представила себе, какой красавицей станет старушка — в синем платье, с золотыми волосами.

И Леля открыла глаза — и сразу увидела красавицу в синем платье с золотыми волосами, да только это была ее мама, а старушка осталась старушкой, только плакать перестала.

Она кланялась теперь, а дед Игнат выводил ее из сторожки на улицу.

— Приехали, приехали,— бормотал он ни к селу ни к городу.

— Почему же? — спросила тогда Леля.

— Что, почему же? — сказала мама.

— Почему она красавицей не стала? Рублик-то волшебный.

Мама засмеялась.

— Волшебный, конечно,— серьезно потом ответила она.— Но старушка просила его не для себя, а для своей внучки. Наверное, ее внучка и вправду станет красавицей.

Леле очень хотелось встретить когда-нибудь эту бабушку и ее внучку, но они никак не попадались, они жили в другой деревне.

Потом, когда прошло много лет, Леля встречала в жизни разных красавиц и всегда думала,

что это внучка, которой мама подарила волшебный рубль.

А Татьяна Дмитриевна много чего еще делала на свои три рубля. Покупала книги и тетради для школы, платочки и валенки для Лели, табак для деда Игната, штаны для Мишки-солдатика.

Странно было, что все это умещается в три рубля.

Но все умещалось.

Сказка деда Игната про другие три рубля

— Гррхм...— сказал дед Игнат, когда выпроводил старушку.— Гррхм... Ну вот и приехали.

— Дед, а дед,— сказала Леля.

— Гррхм,— отозвался Игнат.

— Что ты все, дед, гррхм да приехали. Хоть бы еще слово сказал.

— Да ну...— сказал дед, скручивая цигарку.

— Поговори, поговори,— просила Леля.— Сказку мне расскажи.

— Да ну...— сказал дед.— Неохота... потом... когда-нибудь...

— Да расскажи сейчас, чего тянуть?

— Гррхм, гррхм,— кряхтел дед, кашлял и брякнул наконец:— Петр Дуб.

— Какой Петр Дуб?

— Такой... жадный.

— Ну, а дальше-то что?

— А ничего,— сказал дед Игнат,— ну его...

Но Леля все приставала к деду и так, постепенно, вытянула сказку из деда Игната. И сказка получилась такая.

Жил в деревне человек, которого звали Петр. А прозвище у него было Дуб.

Вот Петр Дуб заимел три рубля. Сунул их в карман и пошел гулять.

Пройдет два шага, проверит, в кармане ли три рубля. Ага, в кармане. Пройдет еще два шага, опять проверит, где три рубля. Ага, опять в кармане. И так он все радовался, что три рубля были в кармане. А потом сунул руку в карман — нету! Где три рубля? Нету! Потерял.

Вот Петр Дуб сел на бревно и стал плакать.

А тут по деревне мальчик бегал. Игнатко. Подходит Игнатко к Дубу-то, к Петру и говорит:

— Ты что плачешь, дядько Дуб?

— А как, Игнатко, мне не плакать? Я ведь три рубля потерял. Бяда! Бяда-а-а-а!

— Не реви, дядько Дуб,— сказал Игнатко.— Я тебе их найду.

— Ой, найди, Игнатко! Я тебе копейку подарю.

Вот Игнатко пошел искать и нашел три рубля-то под лопушком.

— На,— говорит,— тебе, дядько Дуб, три рубля, а мне теперь надобно копейку.

Обрадовался Петр Дуб, схватил три рубля, затолкал в карман поглубже. А сверху в карман травы натолкал, чтоб не выпали.

— Нету,— говорит,— Игнатко, у меня копейки. Погоди, вот стану богатые покупки делать, стану деготь покупать да гвозди, копейка-то останется, я тебе ее отдам.

Вот и стал Игнатко к Дубу-то, к Петру чуть не каждый день забегать.

— Когда, дядько Дуб, деготь будешь покупать? Хочется мальчонке копейку-то получить.

— Погоди, Игнатко,— Дуб говорит, Петр.— Видишь, колеса к телеге правлю. Понаправлю — за

дегтем пойду, колеса мазать, там копейка и получится.

Бегал-бегал Игнатко, колеса к телеге все не прилажены, в сарае лежат. Не получается копейка.

— Ты хоть сам-то посуди, Игнатко,— Дуб говорит,— на кой мне гвозди, ведь молотка нету.

Так бегал Игнатко взад-вперед, а Петр Дуб думает:

«Пускай бегает. А копейку жалко отдавать. На кой ему копейка? Ну его. Отдам копейку, а у меня не цельный рубль будет».

Но все-таки в конце концов надоел ему Игнатко. И Петр Дуб затеял спрятаться от Игнатки в погреб. Спрятался и сидит. Три рубля в кармане трогает. Проберется в карман через травку и трогает.

А Игнатко, как прибежал, сразу догадался, что Дуб в погребе.

— Эй, дядько Дуб! — кричит сверху.— Ты что, в погребе, что ли?

— Ну да,— Петр Дуб отвечает.

— От меня, что ли, спрятался?

Петр Дуб думал-думал, что сказать, и снова говорит:

— Ну да.

— А насчет дегтя и гвоздей-то как? — Игнатко спрашивает.— Не пора ли покупать?

Петр Дуб думал-думал, что сказать, и говорит:

— Да ну.

Ушел Игнатко, а Петр Дуб вылез из погреба и думает:

«Зря я ему на вопросы отвечал. Уж теперь умру, а не отвечу. А уж еще лучше, так это я сам как будто умру».

Вот Игнатко прибегает на другой день — нету Петра Дуба. Игнатко и в погреб покричал — нету. Заходит в дом. Вдруг видит: лежит на столе Петр Дуб, весь белый. А в головах свечка горит.

Напугался Игнатко. Стоит ни жив ни мертв.

«Умер,— думает,— дядько Дуб!»

А Петр Дуб лежит и думает:

«Хорошо, что я догадался рожу мелом намазать. Догадливый я все-таки. Не станет ведь Игнатко с мертвеца копейку тянуть. Интересно, где мои три рубля: в кармане или нет?»

Тут стал Петр Дуб потихоньку в карман через

травку пробираться, а Игнатко-то видит: в кармане у мертвеца что-то шевелится.

— Ой-е-ей! — закричал Игнатко.

А Дуб-то как подскочит на столе:

— Где?! Где мои три рубля?!

Ударился Игнатко бежать.

А Петр Дуб стоит на столе, мел с него сыплется, из кармана трава летит.

— Где, — кричит, — мои три рубля?

Нету.

Искал-искал Петр Дуб три рубля — и в погребе смотрел, и там, где рожу мелом мазал, а так и не нашел.

Сказка о жареном гусаке

А у батюшки-попа был граммофон.

По вечерам из огромного поповского дома неслись волшебные неполынные звуки.

Ребятишки собирались у забора, слушали эти звуки и не могли их понять. А это был вальс «Амурские волны», его играл на пластинке духовой оркестр. Звучали медные трубы, а полыновцы не знали, что медные трубы есть на свете и что они могут звучать.

С неба сыпался и сыпался снег, звучали медные трубы, и полыновцы думали, что батюшка — огромный волшебник.

По праздникам приносили полыновцы в церковь тюки самотканых холстов да мешки хлебов. Батюшка, конечно, брал, что хотел — и холст, и хлеб, — уносил домой. А Татьяна Дмитриевна покупала холст у попа и раздавала бедняцким семьям.

Километрах в пяти от Полыновки была деревня, в которой жили татары. Называлась деревня Урлюдим.

И вот случилась в Урлюдиме беда.

Загорелся дом.

Сухой зимний ветер подхватил огненную солому с крыши, перебросил на соседнюю. И вспыхнул соседний дом. И так пять домов сгорели дотла.

Несчастные погорельцы бродили по соседним деревням, у кого ночевали, у кого хлеба просили.

Три татарина пришли к попу.

— Беда, батька, беда, — говорили они, стоя в снегу на коленях. — Помоги, батька, сгоревшим татарам.

Батюшка стоял на крыльце и почесывал бороду. Татары просили денег, а денег давать не хотелось.

— Беда-то беда, — сказал он, — а денег-то нету.

— Ты дай сто рублей, — просил старший татарин, — а мы тебе вернем сто двадцать.

— Я дам сто, — сказал поп, — а вы — двести. Вот это разговор.

— Это плохой разговор, — сказал старший татарин. — Ты дай сто, а мы вернем сто тридцать.

— Ну нет, — сказал поп. — Это не разговор.

Так торговались поп и три татарина и имели то плохой разговор, то хороший. Но для татар разговор получился плохой. Поп дал им сто рублей, а вернуть они должны были сто шестьдесят.

Делать было нечего — погорельцы взяли сто рублей.

А под Новый год пришли к попу три татарки.

— Спасибо, батька, за помощь, — говорили они, стоя в снегу на коленях. — Спасибо, что помог бедным татарам. Вот тебе к празднику жареного гусака.

— Ладно, чего там, — отвечал поп. — Я всегда помогу ближнему. Пускай он и татарин.

Поп взял гуся, завернутого в полотенце, и пошел в дом.

А там уж собралось за столом все его семейство, да еще гости приехали из села Болдова.

— Я гуся принес, — сказал батюшка. — Сейчас есть будем. Татары гусака мне зажарили. Заводите граммофон.

Завели граммофон, и странные неполынные медные звуки охватили дом.

Стали разворачивать гусака, да гусак никак не разворачивался. Больно крепким узлом завязали татары полотенце.

— Погодите, дайте-ка я, — сказал поп, дернул за узел.

Полотенце распахнулось — и тут же все остекленели от ужаса.

На столе лежала страшная да оскаленная волчья голова.

Сказка о ледянке

Леля любила снег.

Ей нравилось, что снег пушистый. Холодный, а нежный. И немой.

Не сравнить с дождем. Дождь говорливый, а снег — немой.

Каждое утро глядела Леля в окно и видела одну картину.

Вот дед Игнат привез на санях дрова. Скидывает дед на снег березовые чурки, а лошадка подергивает спиной, чтоб освободиться от сосулек, намерзших у нее на спине.

Вот дед Игнат и Максим пилят дрова, сыплются на снег золотые и влажные опилки, а с горы черными клубочками катятся к школе ребятишки, стучат лаптями по морозному крыльцу. И первым взбегает на крыльцо Мишка-солдатик, а уж последний — это Ваня Антошкин.

Снова начинается урок, слышен ясный голос мамы, а с неба все сыплется снег, заносит золотые опилки. Таинственно горит из-под снега березовое золото.

Леля почти каждый день ходила на уроки, а иногда брала свою ледянку и бежала к оврагу.

Леля садилась на ледянку и мчалась вниз по склону в глубокий и дикий овраг.

У Лели была хорошая ледянка, очень быстрая. Ее сделал дед Игнат. Он взял старое решето, обмазал его глиной, смешанной с коровьим навозом. А уж потом дно решета Леля полила водой. Застыла на морозе вода — и получилась стремительная ледянка. Так было ловко и весело катиться на ней с горы.

Иногда вдруг закручивалась ледянка, как ледяная юла, и Леля крутилась вместе с ней, и не понимала уже, где небо, где земля, и... вылетала в сугроб.

Сказка про серебряного сокола

А вот еще какое было.

Жил солдат, служил солдат.

Отслужил свой срок — отпустили его на родину.

Пошел солдат на родину.

Идет и думает:

«Вот иду на родину, а зачем иду? У меня там-то родимых нет — ни батюшки, ни матушки, ни братьев, ни сестер. Все одно — отпустили на родину, на родину и пойду».

Идет путем-дорогою, а навстречу ему нечистый.

— Стой, служивый. Куда идешь?

— На родину.

— Э, что тебе там делать? У тебя там-то родимых нету.

— Все одно,— сказал солдат.— Отпустили на родину — на родину и пойду.

— Постой-постой,— сказал нечистый.— Не спеши. Сослужи-ка мне, служивый, службу.

Задумался солдат, оглядел нечистого. Не понравился ему нечистый — рожа сладенькая, а грязная, уши дрожат, а на лбу-то — роги.

— Какая,— спрашивает солдат,— служба?

— У меня три сокола живут в трех разных клетках. Покарауль их, пока я за жалованьем слетаю. Вернусь, щедро тебя награжу.

— Ну что ж,— сказал солдат.— Соколов стеречь — служба нехитрая. Согласен.

Вот отвел нечистый солдата в свои палаты, а сам за жалованьем полетел.

Взошел солдат в первую палату и видит: стоит на полу медная клеть. А в той клети сокол бьется. Крылья у него бурые, грудь красная, а глаза так медью сверкают, аж в кровь отдают.

Яростно глянул на солдата сокол, бросился на решетку.

— Ну-ну,— сказал солдат,— тихо, тихо,— и пошел в другую палату.

А там в серебряной клети сидит белоснежный сокол. Тихо сидит да спокойно. Пригорюнился, видно. Только приоткрыл свои ослепительные серебряные глаза, глянул на солдата и снова их закрыл.

— Ну-ну,— сказал солдат,— отдыхай,— и пошел дальше.

А в третьей палате в золотой клети солнечный сокол сидел. Он и вовсе не поглядел на солдата, оборотился к нему спиной, и как ни старался солдат, а в глаза соколу заглянуть ему не удалось. Совестно отчего-то стало солдату.

— Так ты это, не сердись,— сказал солдат солнечному соколу,— служба такая.

Вот солдат вышел в сад, видит: береза. Сел он под березой, стал цигарку крутить. И вдруг слышит:

— Солдатик...

Огляделся — не видно никого, а снова вдруг слышит:

— Солдатик, а солдатик.

— Чего? — говорит солдат, а сам все головой крутит — и не видно никого.

— Солдатик, сослужи мне службу.

— Сослужил бы,— говорит солдат,— да не знаю, кто ты таков. Потому что не вижу.

— Ты меня видишь, только не поймешь. Это я с тобой говорю, береза, под которой ты сидишь.

— А! Ага! Вон чего! Ну ерш! Ну хрящ! Так это ты, что ли, березка, со мною говоришь? Так выходит?

— Ну да, это я, береза, с тобою и говорю.

— Ну ерш! Во ведь как бывает! — сказал солдат.— Ну давай, береза, говори дальше.

— Вот я и говорю,— сказала береза.— Ты как служишь-то? За деньги или по душе?

— Я-то? — сказал солдат.— Я-то, брат береза, за деньги служу.

— Жалко,— вздохнула береза и замолчала.

Солдат посидел, покурил и говорит:

— Ты чего, береза, молчишь-то?

— Да ведь ты за деньги служишь,— сказала береза.— А откуда у дерева деньги? Мне-то бы надо по душе сослужить.

— Неужто у тебя ни копейки нету? — спросил солдат.

— Нету, солдатик.

— Да,— сказал солдат,— обидно. Ну ладно, говори свою службу. Сроду я дереву не служил. Попробую.

— Так ведь ты теперь нечистому служишь. Гляди — деньги потеряешь.

— Ладно. Помалкивай,— сказал солдат,— не твое дело. Говори службу. А то разболталась, деньги мои считает. О какой службе просишь?

— А вот какой. Ты пойди вон в ту деревню, что на горке, и найди там дедушку Николая. А что тебе скажет дедушка — исполни. Понял?

— Ладно,— сказал солдат,— понял, не понял, не твое деревянное дело. Некогда мне с вами, с березами, лясы точить. Сиди тут, в земле, и жди, а то болтает с каждым встречным солдатом.

Вот солдат пошел в деревню, что на горке. Вдруг видит: навстречу дедушко.

— Здорово, дед.

— Здравствуй, солдатик.

— Не ты ли Николай?

— Я и есть. А что?

— Да там береза одна растет. Ну такая, белая. Так вот, велела спросить, чего мне делать.

— А,— сказал дедушко Николай,— берез-то на земле много, и сосны есть. А делать тебе я и не знаю что. А ты делай, что сердце прикажет.

Сказал эдак дедушко-то и пропал с глаз.

«Вот незадача,— подумал солдат.— Что сердце прикажет? А чего оно приказывает? Не пойму. Кажется, закурить хочет».

Закурил солдат и пошел обратно. Идет-идет, а все думает, чего еще сердце прикажет. Вскорости приказало ему воды попить. Напился солдат из ручья, пошел дальше. А сердце новый приказ командует: перекусить. Достал солдат буханку хлеба с луковицей, исполнил приказ. Так и добрался до палат нечистого.

Вошел в медную палату. И тут же забился в клети кровавый сокол. Бьется, бушует, рвет когтями решетку, с яростью глядит на солдата.

«А ведь жалко красавца,— подумал солдат,— сидит в клети — света белого не видит, бедняга! Отпущу».

Раскрыл он клеть, и вырвался сокол на волю. Да только первым делом напал на солдата, щеки ему до крови исцарапал и вылетел в окно.

Заплакал солдат, сел на пол.

«Вот они,— думает,— приказы сердца. Эх, солдатская доля!»

Поплакал, пошел на улицу, в сад. Глядит, а на березе сокол кровавый сидит, яростно сверкает оком, того гляди кинется на солдата.

— Ну ты, потише,— сказал ему солдат,— у меня ружье картечью заряжено. Вмажу, если надо.

И сел под березу.

— Солдатик, а солдатик,— услышал он голос,— сполнил службу?

— Сполнил, сполнил,— ответил солдат.— И дедку видел, и все исполнял, да только вот рожу мою расцарапали.

— Не беда,— сказала береза.

И вот вдруг видит солдат: береза-то зашевелилась, и там, где развилка была, показалась вдруг голова девичья, а вслед за головою — плечи. И

вышла вдруг из березы девушка по самую грудь. И закапал с березы сок и прямо на солдатские раны. И они тут позаживать стали.

«Вот как! — думает солдат.— Ну и ну!»

А девушка, которая из березы вышла, глядит на солдата ласково и головой кивает:

— Молодец солдат.

— Молодец не молодец,— говорит солдат,— не твое дело. А ты давай вылезай дальше.

— Не могу,— девушка говорит.

— Это почему же ты не можешь?

— Не знаю.

— Эх, бабы,— сказал солдат,— то они не знают, то они не могут. Ладно. Пойду второго сокола выпускать. Совсем серебряный сгорюнился. Как бы не помер.

Пришел солдат в серебряную палату, раскрыл клеть. А сокол серебряный только глазом на него взглянул, а из клети не летит. Взял тогда солдат его на руки, вынес на волю.

— Давай, давай,— сказал он,— лети. Вот она, воля серебряная.

Хлопнул сокол крылом, взлетел тяжело и сел на березу.

А девушка-то березовая охнула да и вышла из березы по пояс.

— Ну, не ожидал,— сказал солдат,— давай дальше-то.

— Не могу,— сказала девушка.

— Да ты постарайся.

— Сил нету,— сказала девушка и улыбнулась.

— Ну ерш! Ну хрящ! — сказал солдат.— Придется, видно, третьего сокола отпускать.

Пошел в золотую комнату. А сокол солнечный и не смотрит на него. Раскрыл солдат клетку. Схватил сокола за крыло — руку обжег. Схватил за другое — оледенил его сокол. Никак не схватить сокола, никак из клети не вытащить. Бился-бился солдат, обмотал руки тряпками да и ухватил все-таки сокола, поволок на улицу.

Все лицо солдатское обожгло жаром, да и через тряпки руки ожгло-охолодило.

А потом уж, когда на улицу вышли, оглянулся все-таки на солдата сокол, прожег ему глаза золотым взглядом, тут и ослеп солдат. Пал на землю, а сокол из рук его в небо ушел.

Не стал плакать солдат, когда понял, что ослеп. Что толку слепому плакать?

Вот лежит солдат на земле и вдруг слышит:

— Солдатик, а солдатик, ты живой?

— Живой вроде,— солдат говорит.— А ты-то как? Вышла из березы?

— Вышла.

— А до конца ли?

— До конца. Это ведь нечистый меня околдовал. А ты теперь меня спас, из дерева на волю вывел. Эти соколы-то — мои братья родные.

— Ничего себе братцы,— солдат говорит.— Медный всю рожу мне исцарапал, а солнечный глаза прожег.

— Не беда,— девушка говорит,— серебряный тебя спасет.

И тут слышит солдат шум крыльев и чувствует: на грудь ему села птица. И вдруг что-то капнуло ему на глаза, и он увидел, что на груди его сидит серебряный сокол и плачет, и капают его слезы в солдатские глаза. И слезы соколиные проясняют взор.

Взлетел сокол — поднялся солдат на ноги.

Глядит — девушка. Березовая. Глаза темные, как те чернины на коре березовой, а кожа-то не белоснежная, как березовая кора, а теплая и розовая,

как дерево, что прячется под корою. А уж рубашка — белокорая.

На одном плече ее медный сокол сидит, на другом — золотой. А серебряного она к сердцу прижимает.

Шагнул было к ней солдат — вдруг небо потемнело, гром ударил вдали. И понял солдат: нечистый летит. Схватил ружье.

Видят они, крылья кожаные небо чертят, нечистый летит, жалованье в узелке несет. А за ним туча мчится, хочет нечистого молнией сразить.

Увернулся нечистый от молнии и как раз солдату на мушку попал.

Ударил солдат картечью — только перья полетели и жалованье из узелка потряслось. Тут и накрыла их туча, хлынул ливень, да такой, что все зажмурились.

А когда открыли глаза, не было нигде нечистого, и туча пропала.

И смотрит солдат: стоят рядом с девушкой три паренька, смеются, потому что мокрые все. Один-то огненно-рыжий, другой-то — русо-солнечный, а третий — весь седой. Молодой такой, а уже седой.

Долго так они смеялись, потому что мокрые были да и расколдованные.

Посмеялись, взялись за руки и пошли в родную деревню. И солдат, конечно, с ними.

Стали жить хорошо, под одной крышей.

Солдат подумал-подумал да и женился на березовой девушке.

— Понравилась она мне,— потом уж признавался он братьям.

А с братьями очень подружился солдат. И особенно полюбил он серебряного. Ласковый потому что тот был, сердечный. Бывало, все о чем-то грустил.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Сентябрьская охота на раков

Сентябрь я провела вот как: жила на окраине города Кашина у бабушки Александры Петровны. У меня отпуск был.

По Кашину ходили лошади, запряженные в телеги. Над Кашином синело беззаботное, прямо-таки мартовское небо. На кашинском рынке бабки торговали пестрыми яблоками, жестким длинным укропом, старыми журналами и патефонными пластинками.

Утром и днем я бродила по Кашину, а вечерами усаживалась у окошка в доме Александры Петровны, смотрела на улицу, которую мне упорно загораживала герань с розовыми цветами-кулачками.

За окном текла река Кашинка. От вечернего сентябрьского солнца она чешуйчатая, золотая. Тополя на берегу нет-нет да и роняли в мелкие волны зеленый, твердый, будто жестяной, лист. Плыли по Кашинке лодки с людьми, люди песни пели; по дворам собаки тявкали. И видно, как сумерки надвигались — густые, осенние. А за сумерками ночь шла.

И каждый раз, когда становилось темным-темно, когда собаки во дворах уже не тявкали, а лаяли, на реке Кашинке появлялась золотая капля. Она дрожала, переливалась, то густела и краснела, то снова катилась по невидной уже ночной реке. Капля эта завораживала меня, не могла я на нее наглядеться, пока она не исчезала или пока Петровна не командовала постель стелить.

Однажды я спросила Петровну:

— Глядите, глядите, что там сияет?

— То огонь,— спокойно сообщила она.— Робяты ра́чат.

— Рачат? — не поняла я.— Как это?

— Ну, раков ловят. Целое лето рачили — все не надоело. Вот последние денечки балуются. Холода пойдут, захочешь — не поймаешь. Рак холодов не любит.— И Петровна смачно зевнула.

...Кончилась моя спокойная жизнь! Утром, днем и вечером я мечтала хоть чуточку порачить.

— Петровна, сведите меня к ребятам — рачить хочу!

— Ишь чего хочет! — заворчала Петровна, стуча своими неизменными спицами.— Давай лучше вязать научу — все дело в жизни. А рачить больше вряд ли будешь. Не нужно и привыкать.

— Бабушка... Петровна...— заканючила я.

— Ну, кто ея разберет! Чисто мальчишка! — воскликнула Петровна.— Рака поймаешь и съешь — тьфу, а теплый платок свяжешь — до старости не сносишь.

Я не ответила. Петровна меня поняла.

— Пошли, сведу к раковникам.— И диван запел-зажурчал: Петровна решительно встала.

...Раковников было двое: Вовка и Серега. Вовка помладше, но побоевей. Плотный, с цепкими глазами, отвечающий на вопросы без спешки, солидно, как взрослый. Серега — длинный, жердь, с руками, красными от воды, молчун. Командовал делами Вовка:

— Мы уже наловили. На сегодня хватит. Хотите, завтра за вами часов в пять приедем?

— Хочу.

— Мы приедем.— И Вовка оттолкнулся от берега веслом. Вскоре лодка исчезла за поворотом, а вместе с ней Вовка, Серега и танцующий огонь — факел на корме.

— Омманули,— спокойно сказала за спиной Петровна.— Делов у них больше нет, как днем с чужими раков ловить.

...Но мальчишки приплыли назавтра в пять дня.

— Хотите, поехали,— сказал Вовка.— Но ничего интересного не будет. Мы сегодня на рачьего царя решили охотиться.

— На рачьего царя?!

— Ну. Он у всех все таскает. Хитрый. Сегодня у

моей бабушки бусы стащил. Она на мостках белье полоскала, бусы расстегнулись, а он — цоп! — схватил и тикать.

— Не может быть.

— Может. Он уже сто лет в Кашинке живет — у кого кольцо стащит, у кого бусы, даже серьги пропадали. Богатый!

— Охотиться с огнем будем? — спросила я.

— Вы что? Днем с огнем? На огонь ночью только раки-дураки бегут. Мы вот чем будем охотиться.

Вовка достал со дна лодки крепкую длинную палку с прикрученной на конце железной вилкой. Вилка грозно блеснула в сентябрьском солнце.

Мы медленно поплыли по реке. Ребята легли на животы и уставились в воду. У Сереги было тоже самодельное рачье копье.

Тихая Кашинка, усыпанная поздними пятачками-кувшинками, петляла по городу. Вода в Кашинке ясная, ласковая: руку опустишь, будто с другом поздороваешься.

— Вы тоже на дно смотрите. Может, царя увидите. Он черный такой, в две ладони, а на шее у него кольцо серебряное,— сказал мне Вовка.

Я перегнулась через борт и чуть не ахнула. Подводное царство открылось перед моими глазами. Колонны-растения сплетались в кашинских струях, солнце пробивалось сквозь воду и зажигало то один камень, то другой. Стайки рыб носились в реке, и чьи-то легкие тени скользили по бледному песчаному дну. Оно манило — хотелось дотронуться до него, захватить песок ладонью и чтобы он нежно вытек сквозь пальцы.

— Увидите царя, не кричите,— бубнил Вовка.— Он все слышит. Шепните, мол, вижу. Мы сначала выследим его нору, чтобы вещи забрать, а потом — на вилку.

— Вов, а если других раков увижу, шептать? — спросила я.

— Шепчите, мы вам штучек двадцать на ужин наколем.

...Прошел час, другой. Спины у нас свело, Вовка с Серегой начали елозить, шевелить затекшими руками и ногами. Они уже накололи боевыми вилками штук пятнадцать крупных раков — те злобно скреблись в ведре, стоявшем на корме. Но это все были не цари, а молодые подчиненные... Мы устали, но возвращаться домой не хотелось. Если бы можно было плыть вот так в лодке, лежа на животах, лет сто, мы бы, наверное, не отказались. Но лет сто плыть было невозможно — зима подкрадывалась, а с нею холод, снег и лед. По льду лодке не проплыть.

Кашинка сделала еще одну петлю, сузилась, ветки близких ив чиркнули по воде.

— Эй, на палубе! — вдруг окликнули нас. На берегу стоял парень лет пятнадцати с удочкой.

— Митька, ты чего? — спросил Вовка и сел.

— Раков ловлю,— сказал Митька.

— На что?

— На блесну.

Блесна — кусочек блестящего железа — посверкивала в синем уже вечернем воздухе.

— Клюют?

Митька осторожно опустил блесну в воду и через секунду вытащил: в железку вцепился зеленый рак.

— Во.

— Ну, и балда ты, Митька. Так неинтересно. Вилкой слабо́?

— Слабо́.— Митька отцепил рака и бросил в воду.

— Даешь. Зачем отпустил?

— А что с ним делать? Есть их не люблю, а дома сидеть жарко: мать пироги печет.

Вовка снова улегся на живот, но вода в Кашинке потемнела, рыбы словно растворились, дно исчезло. Митька тоже исчез: ушел домой пироги есть.

— Не-а, сегодня царя не поймаем,— сказал Серега.

— Да,— прогудел Вовка.— Теперь уже до весны. Завтра похолодает: раки в норы попрячутся.

— Откуда ты знаешь, что похолодает? — спросила я.

— Чувствую,— ответил Вовка.— Я же кашинский.

В сумерках мы гребли к дому Петровны Вода в Кашинке пахла разрезанным арбузом.

Потом я и Петровна пили чай из самовара. Она впервые после лета протопила печь, и я сидела, прислонившись к горячему печному боку, рассказывала, как мы охотились на рачьего царя.

— Конечно, не поймали? — хитро спросила Петровна.

— Нет. А почему конечно?

— Да он неуловимый. Я была маленькой, тоже ловила его с папаней.— Петровна встала, достала что-то из шкафа.— Гляди.

В руке она держала тяжелую старую вилку. Без одного зуба.

— Рачий царь откусил. Я его настигла, хотела наколоть, а он, злой, верткий, и откусил. Вилку жалко, серебряная. А зуб в нору к себе утащил. Все тащит.

...Наутро похолодало. Тополя у Кашинки вызолотились за ночь. И воздух стал светлый-светлый, осязаемый.

Я выглянула в окно. По берегу реки шли Вовка с Серегой, грызли пестрые яблоки. Они, наверное, обсуждали, как весной будут на рачьего царя охотиться. Везет же людям.

И. АНДРИАНОВА

Волшебная сила ритма

КАПИТАН: Вот и прочитаны все письма. Что узнали вы, дорогие члены команды, о той волшебной силе, которая делает стихи напевными и музыкальными?
ЮНГА: Ребята пишут, что называется она ритмом.
БОЦМАН: Да что же это за сила такая? Покажите ее мне!
КАПИТАН: Прошу вас, боцман, послушать стихи Ани Романовой и Славы Седова.
ЮНГА: Аня живет в Москве.

Длинной ниткой
Дождь сшивал
Землю с небесами.
Кто прядет ее вверху
Рук не покладая?
Я стояла под дождем,
Всматриваясь вдаль,
Дождик острою иглой
И меня пронзал.

А Слава написал нам из Сухуми:

Шел по горам человек.
Древний, как горы,
Как водопад седой,
Добрый, как облако,
Мудрый, как все старики.

БОЦМАН: Красивые стихи и звучат так напевно...
КАПИТАН: Вы хотите сказать, что звучат они ритмично.
ЮНГА: Я заметил, капитан, о стихах мы часто говорим «звучат», словно о музыке. Но музыкальное произведение можно записать нотами. Как же показать музыку, ритм стиха?
КАПИТАН: Расставим ударения в словах стихотворений. Условимся обозначать ударный слог значком ′, безударный ˇ. Запишем первые строчки этими знаками. Вот как они будут выглядеть:
Дли́нной ни́ткой... ′ˇ′ˇ
Ше́л по гора́м челове́к... ′ˇˇ′ˇˇ′
ЮНГА: Ударные и безударные слоги чередуются, повторяются равномерно!
КАПИТАН: Это равномерное повторение ударных и безударных слогов и называется **ритмом** стиха.
ЮНГА: Но в стихах ритм разный!
КАПИТАН: Верно, юнга. В каждом стихотворении особый порядок чередования, свой **размер**. Один называется «хоре́й», другой — «да́ктиль».
БОЦМАН: Какие непонятные, ученые слова. Это вы, уважаемый капитан, придумали их?
КАПИТАН: Придумали их давно, в Древней Греции. Хорей в переводе с греческого означает «плясовой». Этим размером написаны веселые стихотворения. Дактиль — «палец». Само же слово «стих» переводится как «ряд, порядок»...
БОЦМАН: А если нарушается порядок, стихи разрушаются?
КАПИТАН: Должен поправить вас, боцман. Разрушать совсем ряд нельзя, но нарушается он часто. Появляется вдруг лишний ударный слог в строке. Бывают и пропуски ударения.
БОЦМАН: Наверное, поэты, прежде чем сочинить стихотворение, рисуют его размер.
КАПИТАН: Вы так думаете, боцман? Предлагаю пригласить в кают-компанию поэта и спросить у него: «Как сочиняются стихи?»

Дорогие читатели, присылайте и вы вопросы.

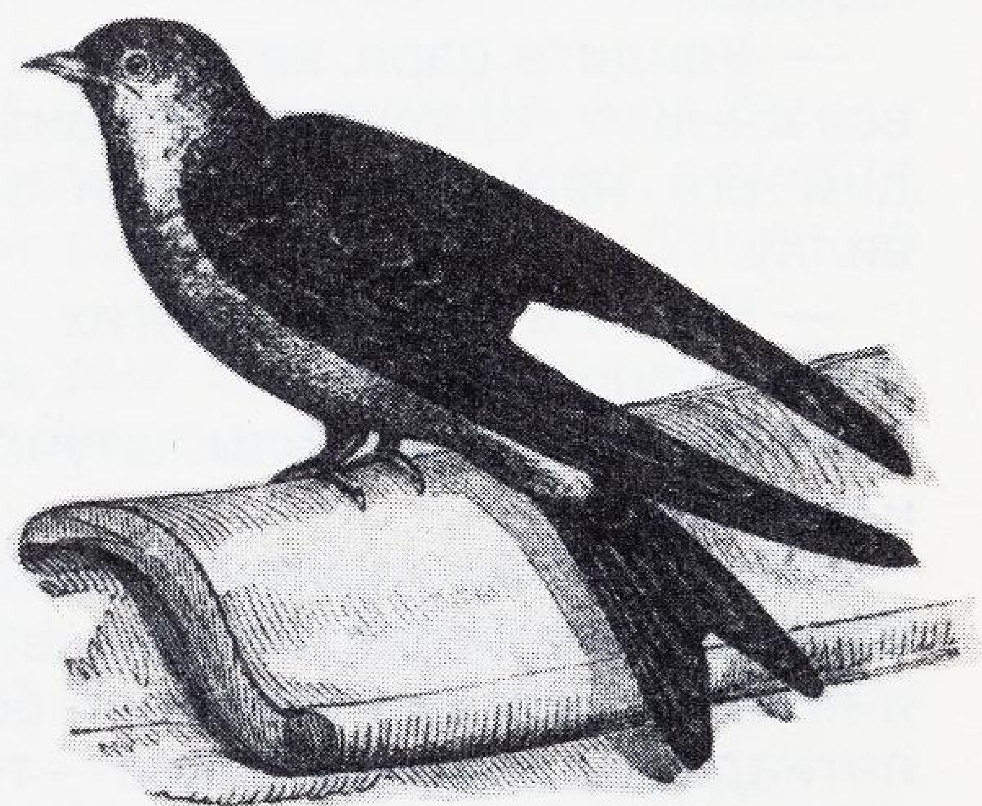
В кают-компании «Кораблика»

Отдел ведет А. ПЛЕШАКОВ.

Научный консультант — член-корреспондент АН СССР А. В. ЯБЛОКОВ.

ГДЕ ЗИМУЮТ ЛАСТОЧКИ?

Наступила осень, и ласточки исчезли. Куда? Ты, конечно, сразу скажешь: улетели на зимовку в теплые края. Верно. Но совсем иначе ответили бы на этот вопрос люди в 17-м или 18-м веке. Тогда считали, что ласточки забираются на дно водоемов, зарываются там в ил и впадают в спячку... Даже великий знаток растений и животных Карл Линней, живший в 18-м веке, верил в это.

Почему возникла такая легенда? Ласточки перед отлетом часто собираются в стаи на берегах водоемов. Люди видели это и полагали, что птицы затем ныряют в воду... до весны. Зимуют же в иле лягушки...

В 1740 году немецкий ученый Иоганн Фриш попытался доказать, что ласточки — перелетные птицы. Он привязал ласточкам на лапки красные шелковые нитки. Следующей весной не-

скольких помеченных ласточек удалось поймать, и, конечно, на нитках не было ни тины, ни каких-либо других следов подводных «приключений» птиц...

Казалось бы, легенда опровергнута. Но нет. В 1849 году Шведская Академия наук предложила премию тому, кто найдет живых ласточек под водой. За этой премией никто так и не пришел...

Лишь после того, как ученые начали кольцевать птиц (впервые это было сделано в 1899 году), удалось точно выяснить, где зимуют ласточки. В далекой Африке! Оказывается, от родных гнезд до мест зимовок маленькие птички пролетают тысячи километров. Летят над Средиземным морем, над пустыней Сахара... Многие добираются даже до самого юга Африки. А весной — в это особенно трудно поверить — возвращаются к своим прошлогодним гнездам!

Что же все-таки удивительней: старая легенда или действительность?..

НАШЕ ЗАДАНИЕ

Любишь арбузы? Конечно, кто же их не любит. А вот арбузные семечки, признайся, наверняка выбрасываешь. Но разве можно выбрасывать такой хороший корм для зимующих птиц. Не ленись: собирай арбузные, дынные, тыквенные семена, промывай их водой, просушивай на бумаге и клади на хранение в какое-нибудь сухое место. Чем больше заготовишь семян, тем больше пернатых друзей: синиц, поползней, воробьев — спасешь зимой.

ДРАКОН НА ЗЕЛЕНОМ ЛИСТЕ

Странное существо застыло на листе в необычной позе: длинное тело слегка приподнято на четырех тоненьких ножках, треугольная глазастая голова медленно поворачивается вправо-влево... А передние ноги сложены так, будто существо усердно молится...

Богомол — вот как называется это насекомое.

Но богомол и не думает молиться. Он притаился в засаде. Не случайно он неподвижен, не случайно посматривает по сторонам... Вот, не замечая опасности, к богомолу приблизилась муха. Молниеносно взметнулись вверх его передние ноги, раскрылись и захлопнулись, крепко прижав муху острыми шипами. Прожорливый хищник, грозный дракон мира шестиногих — вот кто такой богомол!

Но людям хищный нрав этого существа только на пользу. Среди добычи богомола немало насекомых, с которыми людям приходится бороться. Ученые наблюдали, например, как один богомол за 85 дней съел 147 тлей, 41 плодовую мушку и 266 комнатных мух. Установлено, что богомолы, живущие на площади в один гектар, за сезон могут съесть 100 килограммов насекомых.

В прошлом богомолы были знамениты. Люди думали, что они действительно молятся богу, и многие считали этих насекомых священными. Кое-где даже верили, что богомолы могут, поднимая лапку, указывать человеку дорогу... Но это — в прошлом. А вот о будущем богомолов ученые серьезно тревожатся. Насекомые эти, особенно крупные, не боятся вступить в схватку даже с воробьем, ящерицей или ядовитым пауком, но для них смертельны загрязнение воздуха, частые покосы травы, отравление ядохимикатами, которыми люди опрыскивают поля и сады...

За последние два десятка лет численность одного вида богомолов в нашей стране уменьшилась в 20 раз, другого — в 70 раз, третьего — в 90 раз! Всего в СССР несколько десятков видов богомолов, и некоторые из них можно с полным правом назвать вымирающими...

Не обижайте странное существо, застывшее на зеленом листе. Это отважный, но такой беззащитный богомол, маленький дракон мира шестиногих...

Фото Ю. АРАКЧЕЕВА.

СУРОК-ТРУЖЕНИК

Поговорку «спит, как сурок» слышал каждый. И, наверное, многие думают, что зверек этот — лентяй и лежебока. Спит да спит все время... И внешность у него «ленивая» — большой, неуклюжий...

Но тот, кто об этом звере плохо думает, не прав. В степи, где живут сурки, можно увидеть земляные холмы высотой около метра и до 18 метров в поперечнике. Земли в некоторых таких холмах по 10 кубометров! Это работа сурков. На поверхности — холм, а под поверхностью — нора до 7 метров глубиной. Ходов в этой норе очень много, и общая их длина может достигать 60 метров!

И все-таки сурок — соня, да такой, каких поискать. В спячке он проводит восемь месяцев в году — почти всю осень и целую зиму. Ни разу не просыпается и, конечно, ничего не ест, только жировые запасы поддерживают его силы.

Но жир накопить тоже непросто. Поэтому летом сурок не только роет землю. Он делает и другое важное дело — ест. В основном траву (до полутора килограммов в день!), но вместе с ней всяких гусениц, жуков, улиток....

Так он ест и роет, ест и роет... Чтобы обеспечить себе спокойный зимний сон. Ну скажите, разве он не труженик, этот неуклюжий сурок?

100 советов Золушке

ДЛИННАЯ, КОРОТКАЯ...

Сентябрьским днем Золушка возвращалась из школы, и вид у нее был такой, будто ее кто-то напугал.

— Разрази меня гром,— сказала добрая, смиренная Фея.— Все сто советов пропали даром. Где летящая походка, где гордая осанка? Что случилось?

— Катастрофа, — потерянным голосом сказала Золушка.— Я... я выросла. Это лето виновато, летом все так быстро растет. Пришла первого числа в школу... И оказалось, что я самая длинная в классе. Выше всех девочек и, кажется, всех мальчиков. Расту, как волшебный боб, не по дням, а по часам. Я чувствую себя дылдой, Фея.

— И правда, трагедия,— сказала Фея.— Кто-то из мальчиков поддразнил, кто-то из подружек пошутил — все остальное довершило твое воображение. Надо тебе сказать, как раз накануне я изучала письма, которые присылают читательницы наших страничек, и выяснилось, что золушки сплошь и рядом очень любят поддаваться панике. «Меня пугает мой вес...», «Просто ужас, какая я короткая...», «Спасите, помогите, я так быстро расту».

— Я их понимаю,— вздохнула Золушка.— А взрослые очень любят утешать. «Все хорошо»,— говорят они, хотя отлично знают, что все плохо. Разве вы можете с помощью «крибле, крабле» сделать так, чтобы я больше не росла?

— Удивительно, — сказала Фея,— до чего просвещенные золушки начинают верить в чудеса, когда у них возникает необходимость срочно удлинить ноги, вырасти за одну ночь на двадцать пять сантиметров или так же быстро укоротиться... Я должна ответить тебе и заинтересованным в данной проблеме читательницам: способа удлинить ноги нет. Так же как нет способа сделать миниатюрную от природы девочку — кстати, давай пользоваться этим деликатным выражением, а не уничижительным «короткая» — длинной, как манекенша. И нельзя остановить твой рост, пока ты не вырастешь до предела, установленного именно тебе природой. Представь, что бы было, если бы ты стала такой же как Таня, а Таня, как Маня — одного роста и пропорций. Девочки не солдатики, и каждая, именно каждая, хороша **по-своему.**

Понимаешь, если я скажу тебе, что надо стремиться быть самой собой, а не кем-то другим, ты ответишь: что же тут волшебного, это я уже слышала. Ну, значит, слышала, да не поняла, скажу я. Это важный совет и касается всего-всего, в том числе и твоей внешности. Ну что ты заладила: я длинная, я самая длинная в классе... Во-первых, девочки растут быстрее мальчиков. Да и у самих девочек время быстрого роста наступает у одних раньше, у других позже. Очень скоро тебя догонят не только принцы из вашего класса, но и многие твои подружки.

Во-вторых, не длинная, а высокая. А высокий рост — это очень красиво. Впрочем, как и средний, и небольшой. Но при условии, что Золушка держится естественно, нескованно. Если у нее правильная, хорошая осанка. Если ее движения красивы, легки. Высокий рост — это прекрасно, но сутулость, неправильная осанка способны сделать его уродливым. И наоборот, если Золушка маленького роста, но стройная, и держится прямо, и за весом следит, выглядит она очень и очень привлекательно.

Поэтому надо:

— не стесняться своего роста. (Никаких: ах, я дылда, ах, я коротышка, ах, я так несчастна! Наоборот: мой рост замечательный, хотя бы уж потому, что он мой);

— делать специальные гимнастические упражнения для осанки (еще несколько ты найдешь на сегодняшних страничках). Если осанки нет и в помине, делать их дважды в день — и утром, и вечером, результаты не замедлят сказаться. Не забывай про гимнастическую палку (помнишь, что я тебе говорила в прошлый раз?). Я ведь так и знала, что за лето ты здорово вырастешь;

— обратить внимание на свои движения. Конечно, ежедневная гимнастика делает свое дело, развивает гибкость, приучает правильно двигаться. Но вот некоторые золушки написали, что они занимаются танцами и ритмической гимнастикой. Попробуй и ты.

Не старайся себя переделать

(это и невозможно, и, кроме чувства неудачи, ничего не приносит), а напротив, улучшай, совершенствуй то, что дано тебе природой. Я, кажется, догадываюсь, отчего тебя так волнует твой рост. Но знаешь... Нет такой Золушки, которая не нравилась бы никому-никому на свете. Ни одной такой нет. Так считают и ученые-психологи, которые занимаются изучением человеческих взаимоотношений. Хоть одному принцу, да понравится. А ведь больше, милая Золушка, и не надо. Не старайся нравиться всем-всем...

Поэтому и будь собой. Чтобы тебя, когда вырастешь и придет время, не перепутали, узнали. Не укорачивайся и не удлиняйся. Не раскрашивайся и не маскируйся с помощью косметики. Не веди себя вызывающе и грубо, как делают это некоторые золушки, чтобы обратить на себя внимание,— на самом то деле им совсем не хочется так себя вести. Не будь излишне болтливой и раскованной, если на самом деле ты сдержанна и тиха. И наоборот, не заковывай себя в панцирь, если характер у тебя веселый и общительный. Короче, пойми, какая ты, и будь такой, какая ты есть.

Расти, пока растется, ничего не бойся. Кстати, все твои одежки стали тебе, верно, коротки? Загляни-ка в сундучок...

Попробуем связать такой свитер. Сочетание белого, красного и синего цветов и вышитые на нем сердечки делают его веселым и нарядным. Выкройка дана на 42—44-й размеры. Для выполнения модели потребуется 300 граммов белой и по 50 граммов синей и красной шерсти. Спицы нужны 3 мм.

Вязка: резинка 1 × 1 (1 лицевая петля, 1 изнаночная);

чулочная (1 ряд лицевой, 1 ряд изнаночной).

Плотность вязки: 25 петель в ширину и 36 рядов в высоту равны 10 см.

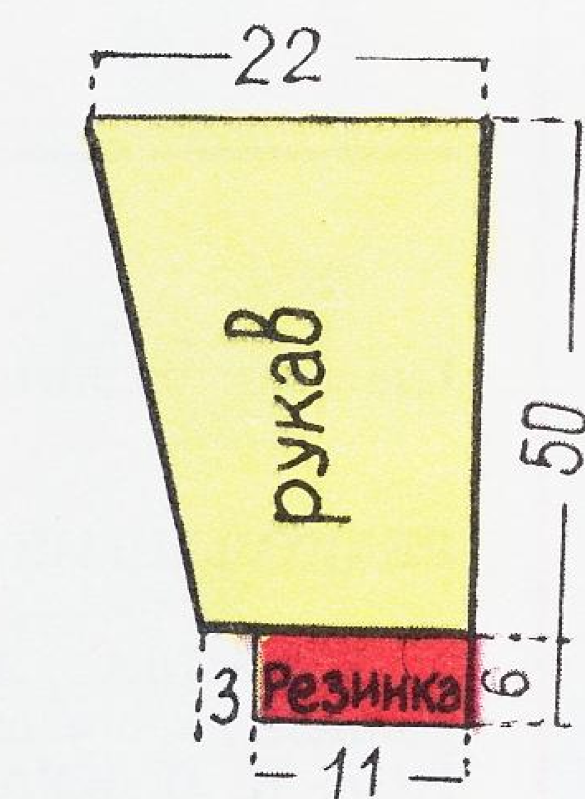
Для спины наберем на спицы 3 мм 113 петель синей пряжи и провяжем 6 см = 22 ряда резинкой 1 × 1. Переходим на лицевую вязку белой шерстью. В первом лицевом ряду через равные промежутки прибавим 10 петель. Получилось 123 петли. Вяжем 28 см = 110 рядов. Затем для проймы рукава уберем с обеих сторон по 8 петель. На спицах 107 петель. Далее вяжем еще 20 см = 72 ряда и заканчиваем спину резинкой 1×1 синей шерстью 3 см = 10 рядов. Все петли закроем.

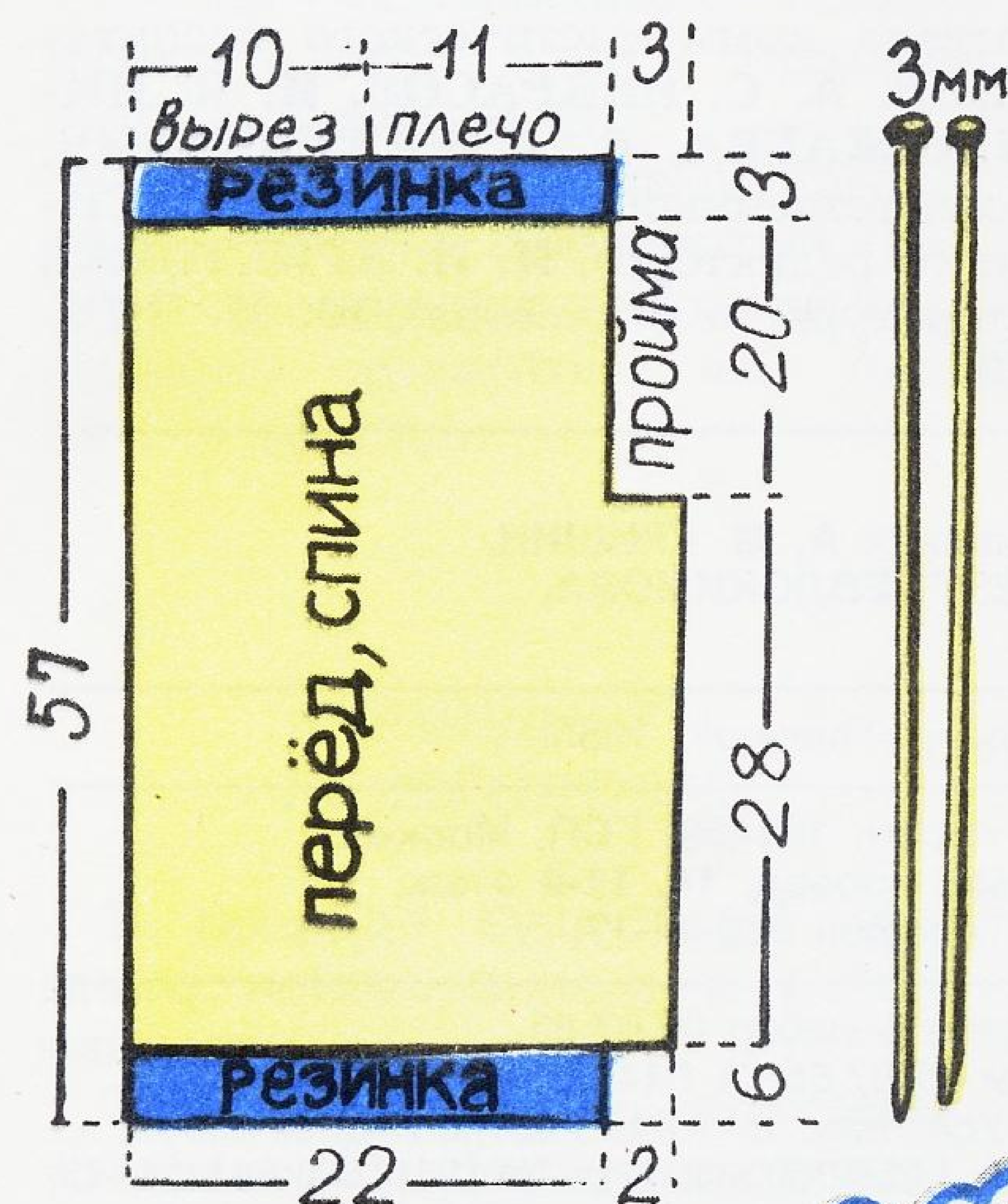
Перед вяжем по описанию спинки.

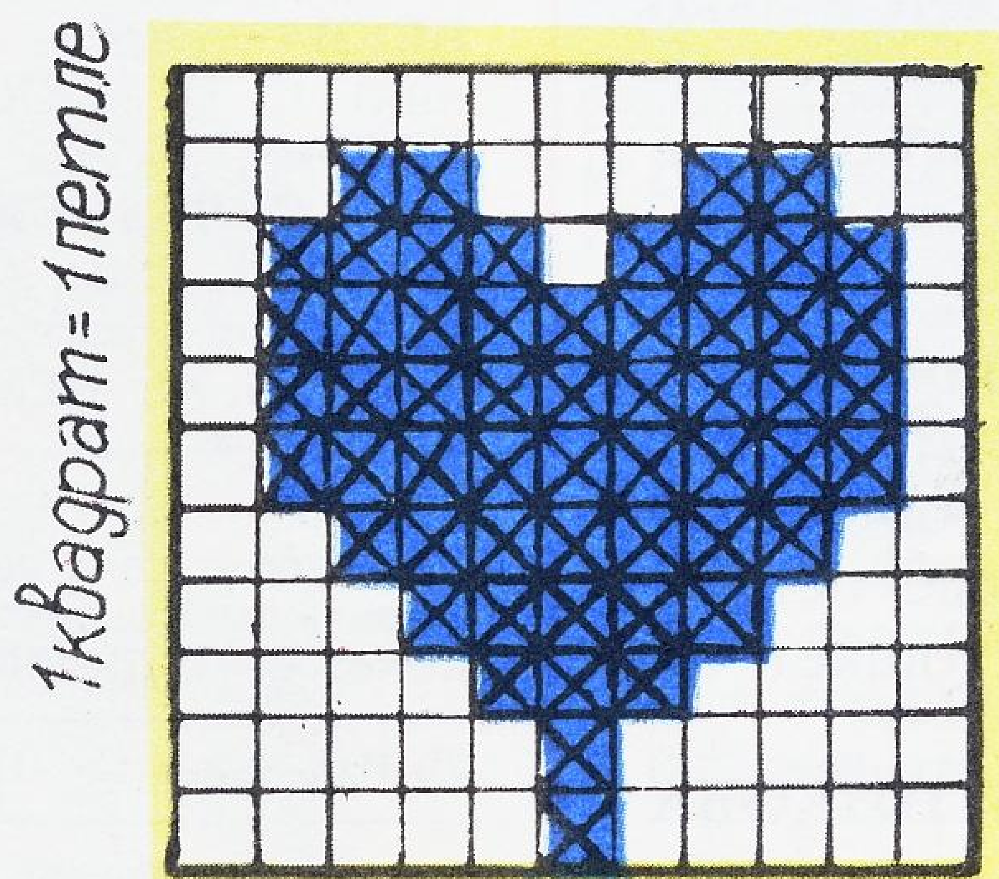
Для рукава наберем 57 петель красной пряжи и вяжем 6 см = 22 ряда резинкой 1×1. Переходим на лицевую вязку белой шерстью и в первом же ряду прибавим равномерно 15 петель. На спицах у нас 72 петли. Для расширения рукава прибавляем 5 раз в каждом восьмом ряду по 1 петле с обеих сторон и 15 раз в каждом шестом ряду. Должно получиться 112 петель. Через 44 см = 158 рядов от конца резинки закроем все петли.

Готовые детали нужно наколоть на выкройку булавками, накрыть их на несколько минут мокрым полотенцем, а затем дать им просохнуть. Перед и рукава вышьем красными и синими сердечками по схеме.

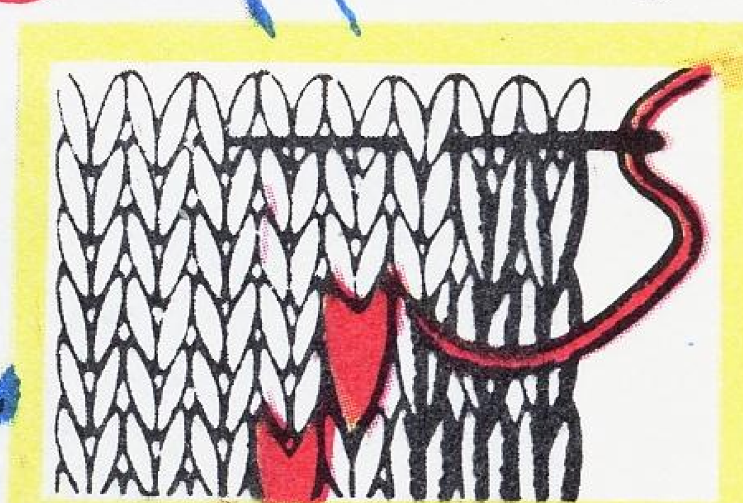
Теперь сошьем боковые плечевые и рукавные швы. Аккуратно вставим рукава в пройму.

НЕПРИСТУПНАЯ КРЕПОСТЬ

Что читают американские школьники? Какому идеалу хотят подражать?

Оказывается, пишет А. Новиков в книге «Неприступная крепость», американские дети взахлеб читают роман «Оборвыш Дик, или Уличная жизнь в Нью-Йорке». Об этом рассказывали автору сами американские мальчишки и девчонки во время его поездки по США.

Что же это за роман? Герой его, маленький мальчик Дик, самоотверженно борется с гигантским городом Нью-Йорком за место под солнцем. Дик беден и одинок и рассчитывать должен только на себя, на свои силы. Вначале ему приходится нелегко: он выполняет тяжелую работу, а получает за нее гроши. Но наступает день, когда его трудолюбие, жизненная стойкость и бережливость вознаграждаются. Ему дают хорошую работу, за которую платят больше денег. И Дик, один из тысяч выброшенных на произвол судьбы детей, выживает, выбивается в люди.

На примере Дика американским школьникам роман внушает, что каждый таким путем может добиться в жизни успеха, из бедного может превратиться в богача.

Дик действительно на первый взгляд вызывает уважение и симпатию. Он выстоял в суровой битве за место под солнцем, не стал воришкой, не опустился на дно. Чем не идеальный герой? Но присмотревшись к нему, настораживаешься, потому что мала цена тебе, если все твои самые лучшие качества направлены только на достижение личного успеха. Трудолюбие — золотое качество. Но труд труду рознь. Он может служить интересам всей страны, а может быть направлен только на личное обогащение. Замечаешь и духовную бедность героя. Вся его жизнь заполнена погоней за долларами.

В книге А. Новикова вы, ребята, найдете много интересных фактов о жизни ваших сверстников в капиталистическом мире. Вы убедитесь, как капиталистическое общество навязывает человеку свои духовные ценности, как погоня за богатством опустошает человеческую личность.

С. ТЕЛЯТНИКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Твой друг — компьютер! — Рисунок А. Борисова.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.07.85.
Подписано к печати 17.07.85. А 04474. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 1919. Заказ № 1143.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Ежемесячник

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Ученик четвертого класса Петя К. проникся жалостью к замерзшему цыпленку и отогрел его на батарее парового отопления.

К удивлению Пети, мама, пришедшая с работы, была очень недовольна его поступком и впредь запретила ему отогревать потрошеных цыплят, которых она хранила в холодильнике.

В ИНТЕРЕСАХ КОЛЛЕКТИВА

По итогам учебного года четвертый класс «А» проиграл соревнование по успеваемости четвертому классу «Б». После этого двоечник из четвертого «А» Сергей Р. дал обязательство в следующем учебном году вывести свой класс в передовые.

— Ты собираешься подтянуться по всем предметам? — спросили его.

— Нет, я собираюсь просить о переводе меня в четвертый «Б». Этим я наверняка помогу своему родному четвертому «А» оказаться впереди.

ОЧЕВИДНОЕ — НЕВЕРОЯТНОЕ

В природе существует еще много неизведанного и непознанного.

Только так можно объяснить тот факт, что домашние сочинения Гены Г. и Севы Л. дословно, до последней запятой повторяют домашнюю работу их соученицы отличницы Кати К.

Елена ФЛОРЕНТЬЕВА

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Говорили печально дневник и тетрадка:
«В мире нет, к сожалению, больше порядка.
Мы к неряхе попали, он нас загубил,
Он обложки красивые чаем залил».

«Ах, как я отощала,— вздохнула тетрадь.—
Было много страниц, а теперь только пять.
И ошибок на этих страницах полно.
Лодырь бросил меня и умчался в кино».

«О, не плачьте, коллега,— ответил дневник.—
К двойкам этот мальчишка, как видно, привык».

«Что же делать нам, братья? — учебник скрипел.—
Весь в пыли я, забыт, я давно заболел.
Был я создан, чтобы знания детям давать,
А бездельник забросил меня под кровать!»

Не сдержавшись, заплакал облезлый портфель:
«Был я прежде красавец — весь в дырах теперь!»

И по комнате стоны и вздохи неслись —
Ручки в новом пенале от страха тряслись...

А лентяй ел конфету и шел из кино.
Видим мы, что неряхе тому все равно.
Я надеюсь, что этот печальный рассказ
Не касается, дети, кого-то из вас...

«Здравствуй, «Кораблик»! Меня зовут Гузель БИКМУРЗИНА, я живу в Уфе, в Башкирии. Мне 10 лет. Я занимаюсь в Доме детского творчества, в студии народного танца. Мне танцевать очень нравится, а в свободное время я люблю читать книги и сочинять стихи и рассказы».

Признаки осени

Опали последние листья,
Пожухли, ежась на ветру.
Свежо и свободно дышится
В осеннем лесу поутру.
Собрались стайками птицы,
Им надо на юг улететь.
Весной они снова вернутся
И будут нам песни петь.

Катя ТАЛАНЦЕВА живет в Москве, учится в 8-м классе.

Холодный дождик

Разыгрался дождик —
Хлюп, хлюп, хлюп,
И дрожит от холода
Могучий старый дуб.
И береза с липою
Рядышком стоят.
Маленькие листики
От холода дрожат.
Удирает с пастбища
Мокрая овца.
Ну, а дождик льется —
Нет ему конца!

«Зовут меня Оля ДУБИНСКАЯ. Живу я в Москве, учусь в 533-й школе. Мне 11 лет. Стихи я пишу с 6 лет».

Ветер

Танцует ветер, словно балерина.
Играет в парусах он на свирели.
Ему и скалы — мягкая перина,
Ему и мачты — легкие качели.

Он на волнах взлетает вихрем быстрым.
За облаками он со смерчем пляшет.
И, улетая вдаль потоком чистым,
Нам на прощанье змеем ярким машет.

«Я — Ярослав ГАЛИЦКИЙ. Мне 11 лет. Учусь в школе № 6 города Новочеркасска Ростовской области. Занимаюсь в 4-м классе музыкальной школы имени П. И. Чайковского по классу фортепьяно. Пока в обеих школах учусь на «отлично». При нашей музыкальной школе есть детская опера. Я пел партию Деда в опере «Колобок» композитора Поповой, а сейчас разучиваю партию Кая в опере «Снежная Королева» того же композитора. Люблю сочинять музыку. Записал несколько пьес, лирических и драматических, восемь этюдов. Первое стихотворение написал в пять лет, но печатными буквами».

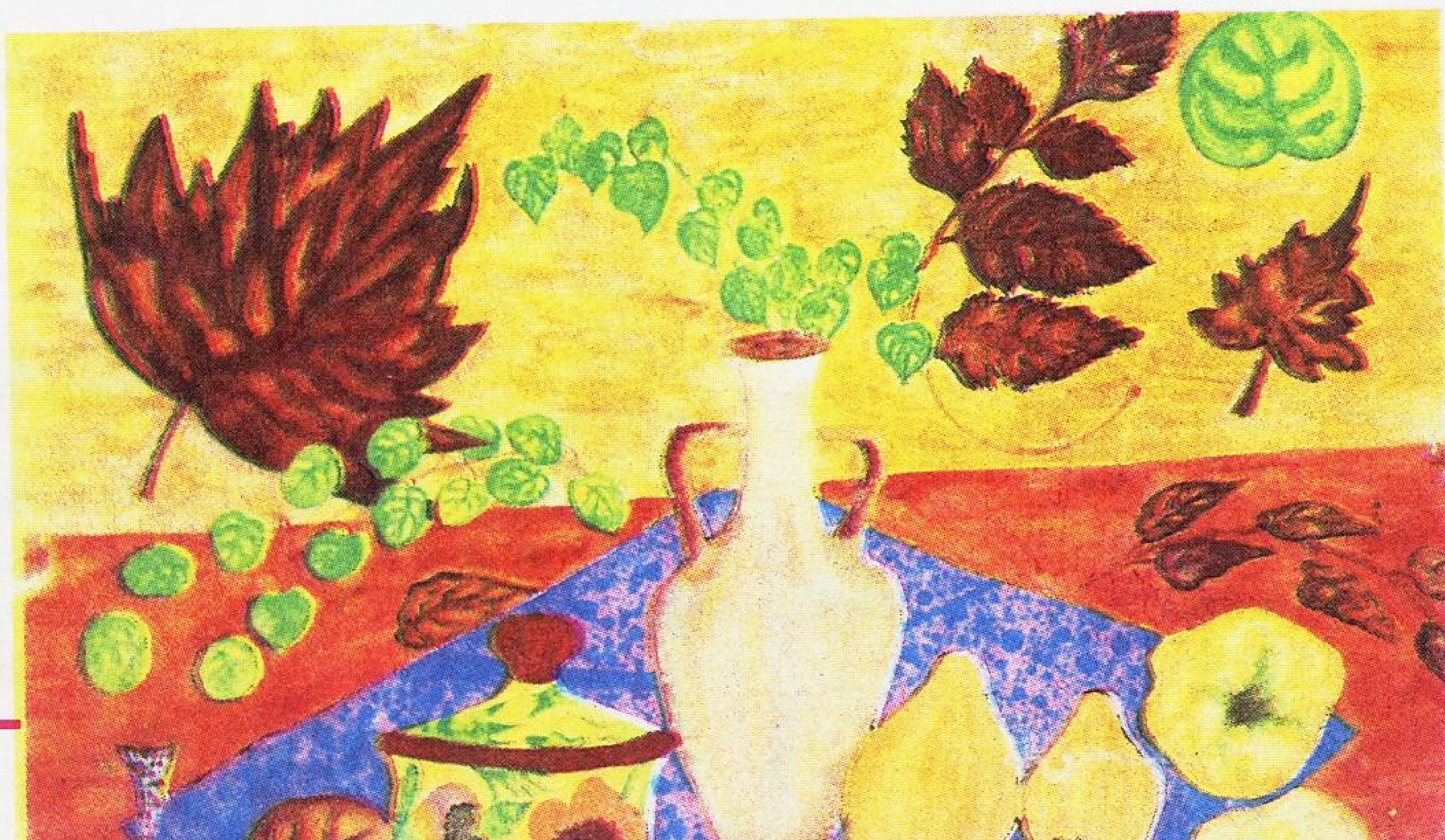
Музыка моя

То звенела музыка в ручейке,
То шумела музыка в ветерке.
Ветерок листвой зеленою играл.
Из листвы он музыку извлекал.

Музыку повсюду и везде:
В плеске водопада и в реке,
В птичьих голосах, в лесной тиши.
Музыка моя, звучи, дыши!

«НАТЮРМОРТ». *Саодат ЁРМАТОВА, 13 лет, г. Душанбе.*

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.